АКАДЕМИЯ НАУК СССР ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

XIV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР

(доклады и сообщения)

декабрь 1978 г.

Часть 11

литературоведение

М.А.Боллырева

ПАРАДОКСАЛЬНОЕ В ПОЭЗИИ ТАУФИКА ИСМАИЛА

Тауфик Исмаил — видающийся представитель индонезийской поэзии наших дней. Как поэт он стал известен своими сборниками
стихов 1966 года — "Тирания" и "Крепость". Написанные по поводу
политических событий 1965 года в Индонезии, эти стихи относились
к так называемой "студенческой поэзии" протеста. В этих и последующих сборниках Т.Исмаил выступил как последователь свободного стиха Хэйрила Анвара² и проявил себя как поэт с ярко выраженной индивидуальностью, художественно-изобразительные средства
которого отличаются несомненным своеобразием.

Здесь я хочу остановиться лишь на элементах парадоксального в его стихах, выяснить истоки этого столь характерного для творчества Т.Исмаила явления, показать художественный эффект, достигаемый определенными приемами его поэтической техники, содержащими в себе элементы парадокса.

Для многих стихотворений Тауфика Исмаила характерен прием сочетания в одной смисловой плоскости слов, казалось би "несовместимых" по своему значению. Так, в стихотворении "Скамья ожидания на станции междугородных автобусов" (сборник "Стихи тишини") абстрактное существительное "тишина", наделяемое функциями живого существа, виступает наряду с "я" лирического героя. Здесь изображены необичные, парадоксальные "взаимоотношения" тишины и авторского "я": с тишиной можно говорить, она ждет ответа; можно утратить способность разговаривать с тишиной, можно стать недоступным для нее, можно ее догонять; можно "завинчивать винты тишины в эту темную систему машины"; можно сожалеть об утраченной

способности понимать тишину, разговаривать с ней на ее языке.

Здесь встречаются метафоры, образованные путем парадоксаль ных словосочетаний — оксиморонные обороты: "гремящая земля одиночества", "грохочущее небо тишины". В рядом стоящем стихотворении "Последнее утро в гостинице" — оксиморонный оборот: "Грохот процессий тисяч беззвучных барабанов".

В стихотворении, заключающем сборник, где предметом изобра жения и субъектом действия снова является "тишина" - этому абсъ рактному понятию придаются то глагольные, то атрибутивные, то субстантивные признаки и функции. происходит сближение его с ко нкретными, подлинными деятелями - в метафорах: "Тишина бродит везде", "Тишина никогда не спит", в развернутом метафорическом обороте: "Тишина - это немой гость, предлагающий сигарету". Здесь встречаются метафоры, образованные путем парадоксальных словосочетаний. метафоры противоположных, взаимоисключающих зна чений: "Тишина - это шумный горол" и "Тишина - это смерть": "Черны волосы этой тишины" и "Белы волосы этой тишины". Вообще такие смысловые контрасты являются одним из организующих средств свободного стиха. (Хотя не во всяком свободном стихе, и не только в нем). Являясь одним из средств организации также и строго упорядоченных стихотворных структур, в свободном стихе - там, где этот прием применяется, он играет несравненно большую роль, поскольку в верлибре отсутствуют другие средства организации CTWXA.

Интенсивная, углубленная метафоризация, ведущая к перенесению центра тяжести с очевидного на скрытое содержание, опредмечивание и одушевление абстрактных понятий, смещение предметов и процессов в иные смысловые плоскости; метафоры, построенные путем подчеркнутого сближения резко контрастных значений (парадоксальные словосочетания) — все эти черты вообще свойственны поэтике западного символизма.

Эти черти в той или иной степени можно было наблюдать в индонезийской поэзии у поэтов 50-х годов Ситора Ситуморанга и Тото Сударто Бахтиара и таким образом, Тауймк Исмаил в своей склонности к парадоксальному имел предшественников в индонезийской поэзии. Но в поэзии Т.Исмаила тенденция к парадоксальности не выражается и не ограничивается только проявлением влияния поэтики символизма (впрочем, так же, как и в поэзии Т.С.Бахтиара). Поэт очень многогранный, по пути парадоксов он идет

дальше Ситора и даже Бахтиара. В ряде стихотворений Т.Исмаила парадоксальными являются и сюжет, и композиция.

Так, стихотворение "Книга для посетителей революционного музея" из сборника "Стихи полей" имеет интригующую, парадоксалькую композицию. Повествование начинается от лица смотрителя музея. - Он рассказывает, что однажды в музей пришел странный посетитель, оставивший в книге отзывов запись, в которой говорилось, что среди имен на памятнике погибшим в атаке в 48-м году он прочитал и свое имя. Затем слепует как он комментарий от автора рассказ о рассказе смотрителя, из которого выясыяется одно странное обстоятельство: оставив свою запись в книге отзывов музея, и вийдя из музея, человек этот, не достигнув стены музейного двора, на глазах у смотрителя внезапно исчез. Рассказ о событиях того дня дается в 3-х вариантах: от лица смотрителя, в записи странного посетителя и - от автора. Этот прием повторов рассказа от 3-х лиц создает парадоксальный эффект "убеждения" читателя в реальности, достоверности нереального происходящего. В записи посетителя есть такие строки: "... В окна музея стучался ветер и дождь. /Портьеры на дверях и окнах дрожали под ударами ветра/ /А также вершины чемар во дворе, /Текли тихонько годы и годы, /... Здесь интересна последняя строка, отсутствующая в двух других вармантах повтора: "Текли тихонько годы и годы". Эта строка совершенно иной смысловой плоскости, иной семантики, чем названные выше приметы того дня, но участвующая в перечислении наряду с другими приметами. Это паралоксальное совмещение несовместимых понятий звучит естественно только в устах странного посетителя.

В рассказе мистического посетителя есть подробное перечисление реалий — экспонатов военного музея, среди которых назван и совершенно конкретный документ "Объявление правительства Республики" и портрет Пак Дирмана — деятеля освободительной войны. Сочетание вещественности, конкретности этих реалий и того лица — мистического персонажа, от которого информация о них исходит, обладает тем же отмеченным выше эффектом представления нереального в виде реального, смещения того и другого.

Еще одно стихотворение из этого же соорника с парадоксальными композицией и сожетом - "Предательство". Это своеобразный рассказ о воображаемой реальности, о воображаемом предательстве. Прадоксальность воображаемой ситуации в том, что предательство совершает сам герой, от лица которого ведется рассказ, по крайней мере, он неожиданно сознается в совершенном им предательстве.

Повествование от первого лица в настоящем времени придает этому рассказу парадоксальную реальность нереального. Парадоксальносты изображения также в том, что повествование обрывается в тот момент, когда один из партизан готов осуществить смертный приговой надо "мной", что выражено глаголом будущего времени: "Момо, который осуществит приказ коменданта, стоит с обнаженным кинжалом в руке", т.е. это его действие не вызывает сомнений, это будет следующим шагом Момо, о котором не рассказывается только потому, что когда это осуществится, то герой — "я" — не сможет уже больше ничего рассказать. Парадоксальное — в данной ситуации — сочетание повествования от первого лица с будущим временем ведет к невозможности продолжения повествования, — развязка остается "за кадром".

Одно из последних стихотворений того же сборника - стихотворение "Что бы было, если бы ...". Стихотворение построено на предположении невозможных, парадоксальных ситуаций, сначала шуточного характера: "Что если он не яблоко съел Адам, но фрукт авокадо/. Что если бы земля не круглой, а квадратной была/ Что если бы долги Индонезии выплачивались бы гонорарами от постановок пьес Рендры ...". Дальше предполагаемое вдруг оказывается вовсе не недепостью, но чем-то вполне серьезным, предметом сокровенных мечтаний общечеловеческого или политического плана: "Что если бы все, о чем мы мечтаем, сбылось и все происходящее некогда планировалось бы нами Что если бы правительство допускало протесты, и маленькие народы принимали бы участие в этих протестах ...". Однотипное, с анафорическим повтором "Что если бы ..." взаимно-парадлельное построение всех этих предположений. ставящее в один ряд заведомые нелепости с последней частью предположений серьезных, подчеркивает мнимость невозможности и кажущурся парадоксальность этой последней части предположений.

Таким образом, можно утверждать, что элементи парадоксального как в плане содержания, так и в плане выражения, характерны для поэзии Тауфика Исмаила в высокой степени. Помимо тех случаев, где это можно отнести к проявлению влияния символистской поэтики и наряду с ними, парадоксальное, очевидно, свойственно самому складу творческой индивидуальности этого поэта.

Так же как всякий контраст, диссонанс - элемент парадокса

является средством, резко усиливающим художественный эффект. Так, парадоксальное в композиции стихотворения — это прием, безусловно, усиливающий драматический эффект, делающий его острым вследствие необичности. Прием контраста, парадокса — очень действенный прием: пользуясь тем и другим, в двух небольших четверостишиях стихотворения "1946: Поздней ночью звуки военной машины" (того же сборника) Т.Исмаил изобразил политическое положение целого периода жизни Индонезии (когда официальное провозглашение независимости отнюдь не означало прекращения борьби). В других случаях — в последнем рассмотренном выше стихотворении поэт идет от парадоксального — к "нормальному": парадоксальность, даже нелепость одних положений лишь оттеняет серьезность других.

Уже на основании приведенных примеров можно говорить о парадоксальном в стихах Тауфик Исмаила как о характерной для этого поэта черте его поэтического видения мира и очень эффективном приеме его поэтической техники.

З.Н.Ворожейкина

СТИХОВЫЕ ФОРМЫ ПРИДВОРНОГО ПАНЕТИРИКА В ПЕРСОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ ПРЕДМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ

Персидская средневековая литература существовала в основном как придворная, панегирик составлял ее главную официальную функцию. Главную, хотя и не единственную, поскольку литературная

I В.И.Брагинский, Индонезийская литература после I965 г., -Народы Азии и Африки, № I, М., I976, с.III.

² М.А.Болдырева, Верлиор в современной индонезийской поэзии. Теоретические проолемы изучения литератур Дальнего Востока, M., 1972, c.17-24.

³ В.Алмони. Поэтика и действительность, М., 1975, с.268-269.

⁴ См. М.А.Болдырева, Очерки современной индонезийской поэзии, главы I и II (в печати).

служба несла широкий круг обязанностей: лирическое сопровождение собраний, увеселение мецената, поношение и высмеивание его личных врагов и др.

История персидской панегирической поэзии еще не написана. Укоренившееся в иранистике представление о классической поэзии восхваления, как о литературном явлении крайне стереотипном и статичном, нуждается, по-видимому, в пересмотре. Сохранившиеся до нашего времени тексти позволяют проследить развитие стихотворного панегирика на протяжении тисячелетия, с X по XIX век включительно. Показивая черти стойкой традиционности, поэзия восхваления, тем не менее, из века в век обновлялась изнутри и видоизменялась.

Если поначалу официальное восхваление осуществлялось исключительно в жанре касыды, то уже к концу XII — началу XIII веков, как мы это видим на материалах исфаханской литературной школы, придворный панегирик весьма разнообразен по стиховым и жанровым формам.

Касиды — иминые моноримические оды, достигавшие ста и более двустиший — составлялись не часто, как это можно заметить, изучая домонгольские диваны. Касиды принадлежали к поэзии высокого монументального жанра, создание их поэт приурочивал к особо торжественным собитиям в жизни двора или мецената: приход к власти или восшествие на трон, военная победа, рождение наследника, праздники, кончина. В литературном наследии Камала Исмаила, профессионального панегириста, со списком "восхваляемых" в сотню имен, мы находим немногим более ста хвалебных касид.

Литературное славословие при дворах осуществлялось между тем и не в столь официальных, в более повседневных формах. Для панегирика "на каждый день" при исфаханских дворах начала XIII века служили кыта — "отрывки", таркиббанды — строфические сти-котворения, а также самые малые лирические жанры — газели и четверостишия.

Кыта - "отрывки" - наименее канонизованная из средневековых стиховых форм - использовалась для придворного панегирика широко и разнообразно. Это прежде всего - крупные панегирические кыта - в буквальном смысле "отрывки" касыд. Достигая у исфаханских поэтов величины средней касыды (сорока бейтов), они содержат центральную часть классической придворной оды, а именно м а д х - т.е. собственно восхваление, без лирического вступления н а с и -

б а. Достаточно часто после м а д х а в стихах этого рода следует к а с д — "целевая" часть касиды — просьба поэта о вознаграждении. Чрезвычайное распространение при исфаханских дворах подучили, как об этом мы говорили уже в специальной заметке, так называемые "кыта-прошения", своего рода стихотворные заявления, в которых к а с д — изложение просьбы — составляло основное содержание стихотворения, а восхваление мецената служило к нему лишь традиционным вступлением.

Употребительны были также короткие кыта, в шесть-двенадцать двустиший, с восквалением-благословением. Они начинаются, как правило, с торжественного обращения: "О великий!", "О властитель!", "О щедрый!" и т.п. Написаны обычно с редифом, который нередко служит для подчеркивания идеи благословения, типа "б а д" - "Да будет!".

Исфаханские поэтн были, по-видимому, в числе первых по времени стихотворцев, использовавших для официального восхваления форму газели — короткого любовно-лирического, анакреонтического стихотворения. Панегирические газели принято относить к явлениям более позднего времени — концу XIII века. У исфаханских поэтов это носит характер новшества: м а д х вводится в газель в виде отдельных, обично заключительных строк. Можно отметить общность художественного приема: газельный панегирик поэтн решают в имористическом плане. Дифирамо меценату вставляется в конец любовных или винных стихотворений с такой полной безотносительностью к префшествующему содержанию, что в этом нельзя не заподозрить сознательный расчет на комический эффект.

Это ничто иное, как забавные цуанты - концовки, в известной степени пародирующие панегирик.

Придворный мадх мог, по-видимому, решаться не только в форме шутливо-панегирической газели, но и в форме газели хвалебно-любовного содержания, с описанием красоти патрона, заверения в неодолимой к нему любви, сетованиями поэта на жестокость покровителя и надвигающуюся разлуку.

Исфаханские поэты искусно использовали строфические формы стихотворений — таркиббанды, которые по существу представляли собой небольшие циклы газелей. Таркиббанды служили для панегириков широкого назначения, от весенних любовно-лирических песен до траурных элегий — марсийе.

В диване Джамал ад-Дина Абдарразака мы находим пятналпать

строфических стихотворений, в диване Камала Исмаила — шестнадідат: Таркиббанды исфаханских авторов различны по величине, от сорока до ста десяти бейтов; они содержат обычно от четырех до двенадца строф, состоящих как правило из семи-восьми (редко пяти) бейтов. Каждая строфа начинается, подобно газели, с парнорифмующегося двустишия, замыкается парнорифмующимся бейтом с иной рифмой.

Панегирические таркиобанды исфаханской школы демонстрируют черты сложившегося жанра. У них общая художественная композиция. Первая строфа (или первые строфы) — лирический зачин. Чаще всего это газель любовного или пейзажного содержания. В одном из таркиобандов Джамал ад-Дин решает зачин в жанре ч и с т а н — загадки. Центральная часть таркиобанда — восхваление. Каждая из строф начинается обычно с эмоционального обращения типа: "О господин эпохи!", или восклищания: "О, под пятой величья твоего глава небесной тверди!". Заключительная строфа почти всегда имеет своим редифом слово б а д (да будет!): вся строфа состоит из ряда благопожеланий. Это своего рода молитва о процветании патрона, вроде того, что:

Пусть зложелатель твой черной тоской прижжет как тавром свое сердце,

В слезных потоках из плачущих глаз такимм сахаром будет!

Долгая жизнь милее всего.

что есть для нас в этом мире -

Прежде всего и боле всего

жизнь твоя долгой да будет!

Если заключительная строфа имеет иной редиф, слово б а д или м а б а д (да не будет!) поэт вводит в одиночный бейт, завершающий стихотворение:

> - И да не будет Исфакан без солнца твоей власти! И да не будет мир ни дня стоять

без сени благородства твоего!

Редиф в строфических стихах несет большую смысловую и композиционную нагрузку. Повтор одного и того же слова в концах
строк на протяжении одной строфы и смена повтора от строфы к
строфе — ведущий кудожественный прием таркиобанда. Именно редиф содержит нередко опорное слово строфы. Вот, например, редифы, взятые для повторов в стихотворении, посвященном празднику

весеннего равноденствия — Наурузу: голзар — луг, покрытый розами, сарв — кипарис, банаф ше — фиалка, гонче — бутон, гол — роза, болбол — соловей, шокоф е — цвет фруктовых деревьев, наргис — нарцис, сосе н — лилия, лале — тольпан, науруз — Новый год, бад — да будет!

Исконно-фольклорная форма четверостиший, народных куплетов, уже начиная с XII века стала использоваться поэтами Ирана для придворного панегирика, правда еще сравнительно редко. У Масуд-и Сад-и Салмана, Анвари, Хакани, Джамал ад-Дина Абдарразака, еще ранее — у Муиззи мы можем найти только отдельные панегирические рубаи. Литературное же наследие Камала Исмаила дает убедительный материал для характеристики панегирического четверостишия, как сложившегося жанра.

Диван Камала Исмаила содержит около пяти десятков панегирических рубаи. Их отличает единая, сквозная тема — военная мощь правителя. Решается она в двух солиженных между собой вариантах: прославление меча правителя — атрибута его непобедимости, и поношение его врага. Общность стилистической конструкции и логической структуры высказывания объединяет эти четверостишия в своеобразный цики:

- Меч твой один глоток из его чаши смерть! На острие его источник божьей благодати. Два лезвия его врата победы открывают, От блеска твоего меча темно в глазах врага.
- Меч твой, крушащий черена любых владык, Как молния одним ударом до основания рубящий горы. Сравнил твой меч в стихах я с языком змеи - От остроты меча язык эмеи рассекся на две части!

Меч твой, секущий головы врагов и их тела, Ведущий к смерти недруга кратчайшею дорогой. Так запросто, как человек нагим ступает в воду, /Елестящий/ как вода и обнаженный, в тела людей вонзается твой меч!

Почти все четверостишия о мече начинаются одинаково: словами т и г-и т у или т и г-а т ("меч твой"). Если поэт начинает четверостишие иначе, слова "меч твой" открывает вторую или третью строку, или введены в редиф.

В четверостиниях, посвященных поношению врага, аналогичным повтором виступают слова х а с м-и т у ("враг твой"). Так, три рубам, следужене в диване подряд, начинаются строками:

- Враг твой, с лицом от страха желтым, с сердцем сжатым...
- Враг твой, который "словно меч : он весь один язык...
- Враг твой. что наутек бежит быстрей стрелы...

Подчеркнутое однообразме этих панегирических четверостиший воплощает несомненный замысел: продемонстрировать искусство множественной парафразировки одного и того же утверждения. Настойчиво повториемые, эти четверостишия — в восприятии или памяти
слушателей — накладывались одно на другое, сцеплялись в длинные
стихотворные циклы, в составе которых усиливалось звучание каждого отдельного рубаи, представляющего ни что иное, как боевой
лозунг.

Если вернуться к хвалебным касылам, остававшимся, безусловно попрежнему первыми в ряду стиховых форм прилворного панегирика. то нетрудно заметить, что и они отличаются в начале XIII века кудожественным разнообразием. В касыде выделились несколько жанровых разновидностей: касыда м а с н у - особо художественная касида, касида бахарийе - весенияя, касида марсийе траурная, каснда фахрийе - самовосхваление поэта и пр. Гипертрофированное развитие получает н а с и б - вступление к касиде: в отдельных касидах Джамал ад-Дина и Камала Исмаила вступление растягивается на десятки бейтов. Таков, например, насиб с описанием воды в касыде Лжамал ад-Лина (72 бейтов) или насиб с описанием снегопада (43 бейта) в касыде Камада Исмаида. Метайорическое описание природных стихий составляет по существу основное содержание стихотворения, и панегирическая касыда солижается или попросту переходит в другой стихотворный жанр. а именно - в а с ф - "словесная живопись".

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что придворный панегирик у представителей исфаханской школы охватывает все види поэзии малых форм. Следует фиксировать для начала XIII века существование ряда жанровых разновидностей панегирика — от торжественных славословий придворных од, кратких молений и благо-пожеланий, до изящных лирических таркиобандов и эмоциональных, окрашенных мягким имором, газелей; панегирик мог принимать фор-

му "шутейных" и деловых посланий к меценату и короткых поэтических высказываний типа воинственных сентенций. Панегирик включает, нередко в значительной степени, элементы дидактики и афористики, комизма и шутовства, описание картин и явлений природы, просьбы, жалобы и самовосхваления поэта. Ставя и разрешая сложнейшие литературно-технические задания, поэт демонстрирует в придворных панегириках глубочайшее проникновение в природу поэтического слова, насыщая поэзию восхваления огромной, в чем-то всегда новой, образной информацией.

Л.В. Жпанова

ЦИКЛ ЧХВЕ ЧХИВОНА
"СЕМИСЛОВНЫЕ СТИХИ, В КОТОРЫХ ОПИСЫВАЕТСЯ "ДЭ"
(В связи с представлениями о типах личности, обладающей силой "дэ").

Этот цикл создан Чхве Чхивоном в Китае предположительно в 880-884 гг. Он состоит из тридцати стихотворений в жанре "семи-словные цзюецзюй", каждое из которых имеет заглавие: І. Механизм военного дела, 2. Образец каллиграфии, 3. Рассуждение о Природе, 4. Воспевание снега, 5. Выстрел в орлов, 6. Аньхуа, 7. Смотр войск, 8. Паньци, 9. Выстрел в тигра, 10. Циньские стены, ІІ. Храм, воздвигнутый при жизни, І2. Искусство стрельом из лука, ІЗ. Аннам, І4. Горный проход Тяньвэй, І5. Горный проход Цзекоу, І6. Стела в отвоеванном городе, І7. Те, кто держат в руках медные палки, І8. Спокойствие Неба, І9. Беседка "Дяовй", 20. Печать министра, 21. Сичуань, 22. Усмирение ржных варваров,

I Диван-и камил-и устад-и Джамал ад-Лин Мухаммад Абдарразак Исфахани ба таских ва хаваши Хасан Вахид Дастгарди. Тегеран, I320/I9.

² Диван-и Халлак ал-Маани Абу-л-Фазл Камал ад-Лин Исманл Исфахани. Ба мукалдаме ва хаваши ва тааликат ... Хусайн Бахр ал-Улуми. Тегеран, 1348/1970.

^{3.}Н.Ворожейкина, Послания к меценату. Ш и ПИКНВ, 1973, с. 90-93.

23. Возведение городских стен, 24. Цзиннань, 25. Водные перевозки, 26. Чжэси, 27. Подчинение разбойников, 28. Хуайнань, 29. Тот, кто предстал пред Высшей Чистотой, 30. Проявление чувств.

Как свидетельствует название, цикл посвящен силе "пэ".2 Сквозным иля имкла является преиставление о личности, наисленной тамиственной по своей природе силой (или даром) - "дэ". Обладатель "дэ" способен проникать в непостижимые для простых смертных тайны, может однократным усилием произвести чуло, лостичь результата, во много раз превышающего возможности человека. Личность, отмеченная "дэ", несет на себе печать "сверхчеловека" (слово, найденное В.М.Алексеевым пля обозначения "дао-поэта" и "дао-человека" вообще). Человек, внутренней пружиной которого является "дэ", проявляет себя в мире в различных сферах: военная стратегия, каллиграфия, поэзия, стрельба из дука, искусство управления и т.д. Если отвлечься от магического момента. безусловно, играющего важную роль, можно говорить о нестандартной личности, резко выделяющейся среди других людей в мире, о человеке незаурядных качеств и выдающихся способностей. Такой человек способен стать героем, совершить подвиг, потрясти своим искусством, воздействовать собственной личностью на других.

С одной стороны создается как бы некий универсальный тип личности, отличительным признаком которой является наличие у нее силы "дэ". С другой — отдельная личность предстает как концентрация какого-то одного "сверх"-качества, "сверх"-умения, реализуя которое, личность и проявляет свою силу — "дэ".

Ниже мы приводим конкретные характеристики обладателей "дэ" в той последовательности, в какой идут стихотворения в цикле. Будут рассмотрены только те из них, в которых акцентируется личность.

- № I. Полководец, которому удалось проникнуть в природу военного дела (цзи); его дела занесены в анналы; он герой своего государства (с детства воспитывал свое сознание таким, каким надлежит быть сознанию героя, и в результате уничтожил врагов государства); был опорой императора в делах правления Поднебесной более двадцати лет. Это Лю хоу (династия Хань).
- № 2. Каллиграф, кисть которого была образцом для подражания, копирования; его манера письма напоминала "спящего дракона"; мастерство его казалось непостижимым, таинственным, пронизанным

- чудесным (мяо); далеко за пределами Китая люди состявались в в том, чтобы научиться писать так же, как он; "след его руки" считался гордостью государства, его автографы дарили послам. Это Сяо Цзы-юнь (эпоха Киных династий).
- 5 3. Литератор, способный постигать внутреннию природу (син); в его рассуждениях природа "син" предстала бескрайним морем, прозрачность вод которого позволила увидеть "глубокие источники"; он был тем, кто постиг высший принцип (ли) и кому отворились "двери дао"; он одинаково легко творил и в жанре "щы", и в жанре "чжуань" и оставил в произведениях обоих жанров "прекрасный след"; ему не надо было писать "пять тысяч слов", чтобы исчерпать глубину своего проникновения в "дао" и "да".
- № 4. Поэт, который воспел снег явление, природа которого считалась таинственной (ср. высказывания о том, что все цвети имерт пять лепестков и только снежные шесть); его кисть расценивалась как магическая ("пятицветная"), ер он сотворил чудесный ("о шести лепестках") цветок; его стихи восхваляли "во всех четырех сторонах"; благодаря им, впервые стало ясно, что "оборванные строки" (цзюецзюй) могут быть превосходнее "парных"; и тогда "ароматная слава накрыла дом Се". По-видимому, имеется в виду поэт, каллиграф и художник Се Хуй-лян (эпоха южных династий), автор знаменитой "Оды снегу".
- ж 5. Стрелок из лука, который одной стрелой сбил одновременно пару орлов, продемонстрировав тем самым перед "варварами" необикновенную природу своей сили "да"; реакция варваров была миновенной: пыль, поднятая ими на десять тысяч ли, исчезла в тот же день; а грозное имя стрелка должно было вечно "сотря—сать пески", чтоби "собаки-жуни не осмелились вновь лаять на Танского Яо".
- » 6. Государственный муж, который "броски кисть" ради преобразования дальных земель; получил почетный титуи "хоу"; назвал область, отданную ему во владение, "Успокоенная и преобразованная" (Аньхуа), сумев распространить на нее преобразующее (хуа) влияние силы "дэ"; хотел покорить также земли, лежащие между реками Хэ и Хуан. По-видимому, имеется в виду Бань Чао (династия Поздняя Хань).
- % 7. Полководец, талант которого ценил сам император; в год великого спокойствия, когда "воды реки Лун зазвучали осенью" (чистый звук) и "трава на заставах могла отдыхать", его армия

- вошла в Чанъань, чтобы продемонстрировать перед Сыном Неба свое военное искусство. Это полководец Хо (возможно, Хо Гуан династия Хань).
- № 9. Стрелок из лука, который одной стрелой сразил тигра, преградившего своими "крючьями-клыками и крючьями-когтями" путь правителю; реакция, последовавшая за этим — "все в пределах четырех морей были ошеломлены"; варвары утратили мужество (букв. — у них "распалась печень", как средоточие храбрости); с тех пор мнение о необычайной (способной "дробить камни") силе этого зверя стало "пустым звуком".
- № II. Государственный муж, участвоваещий в преобразовании (хуа) "варваров", природа которых считалась едва ли не самой загадочной (люди "цзяоцзяо"); единственный человек за всю историю существования двора совершенномудрого, которому сами варвары еще при жизни воздвитли храм. Такой храм (пещерного типа) был воздвигнут "южными варварами" в честь ханьского полководца Ма Юаня.
- № 12. Стрелок из лука, который должен был на скаку поразить цель не хуже "произавшего тополиный листок" Ян Ю-цзи и "пробивавшего острие алебарды" Люй Бу; и тогда усилием, в котором сольются два момента меткость двух прославленных стрелков древности и их стремительность, "всегда можно будет успокоить окраины".
- № 13. Государственный муж, посланный с тем, чтобы привести юг в состояние покоя; сумел сломить "кижных варваров" силой, в которой присутствовали два момента момент доверия и момент угрозы; в результате "все земли на десять тысяч ли со всеми десятью тысячами дворов одним порывом ветра с дождем были полностью возвращены /Китаю/" (слияние в одном усилии одновременно двух стихий).
- № 14. Государственный муж, который проложил путь для прихода
 "всех восьми государств" ко двору; усилия, которые он при этом
 предпринял, были подобны усилиям первых императоров, участвовавших в акте устроения мира, (пробуравил "Драконовы ворота", разъединил горы Хуа и Юе, открыл дорогу к островам в море тройной
 акт, в основе которого преодоление закрытого пространства).

 № 15. Государственный муж, который "помог вещи вернуться в сознание Творящего превращения (хуа)": вернул земле ее истинный облик.
- ние Творящего превращения (хуа)"; вернул земле ее истинный облик, приведя границы Аннама в соответствие с теми, какие были установлены Небом; преодолел горы и только, когда остановился у моря, осознал, сколь глубок этот подвиг.

- № 17. Дворцовая стража, которая сумела воздействием двух стихий (ветра и грома), слитых в одно усилие, привести в стабильное состояние "все восемь мань" и поспешила к "облачным ступеням", к облику радующегося (радостного) Неба, воплощенного в личности императора.
- № 20. Министр, который мог толковать небесные знамения и действовать в соответствии с ними; перемещение звезд на небе указало ему на то, что его путь на земле будет высок; он вернулся во дворец дракона (т.е. императора), чтобы встретить там " благодатный дождь"; реализовал "стратегию барса", чтобы уничтожить враждебных человеку духов.
- № 25. Государственный муж, занимающийся "лодочными делами"; он добивает ценности на периферии ("выпаривает море") и осуществля—ет транспортировку их в свое государство; он в то же время вместе со своим государем делает так, чтобы ценности Китая и замыслы государя достигли "всех четырех сторон"; он совершает подвиг на благо своего государства.
- № 27. Государственный муж, который вознамерился преобразовать (хуа) разбойников силой "дэ" и решил расплавить оружие, ликвидировав тем самым возможность применения военной силы; воздействовал двумя методами улыбкой и спокойствием, действовавшими одинаково продолжительно, и в результате "стремление гразбойников к необузданному проявлению своих чувств оказалось в силках"; поведение его отличалось скромностых и добротой, соотносимых с его способностью подчинять "разбойников" силой слова и тем спасать немало жизней; его манера вести себя напоминала правителя Тайцю (Восточная Хань).
- № 28. Государственный муж (правитель Хуайнани), слава о котором распространилась "по всем восьми областям" и превзошла славу военного сановника Тао (династия Хань), а тишина, установленная им "на трех окраинах", могла соперничать лишь с тишиной, установленной прославленным ханьским полководцем Хо Цюй-бином, Хо Стремительным.
- желанием было помогать людям. "овладеть своим сознанием и сам обратился к истинному", "высшей чистоте" (т.е. Небу), кому не надо было для этого становиться даосом-отшельником, ибо его желанием было помогать людям.

В цикле представлены варианты нескольких типов личности, обладающей силой "дэ". Основные из них: тип стрелка, тип поэта

и каллиграфа, тип государственного мужа.

Тип стредка (стих. М. 5, 9, 12). Его функция в мире: в совершенстве владеть своим мастерством, чтобы управлять "варварами", воздействуя на них то грозным именем, то силой, то образцовой волей.

Тип поэта и каллитрафа (стих. № 2, 3, 4). Его функция в мире: творить на високом уровне, проникать в тайны природы и поститать законы мира, воспевать гармонию мира, словом и знаком цивилизовать "варваров", давая им своими произведениями образцы для подражания.

Тип государственного мужа (все остальные стихотворения). Его функция в мире: взращивать в себе силу "да", чтобы постоянно быть опорой императора в делах мира; устанавливать тишину и покой внутри и вне государства, покорять и преобразовывать "варваров", распространяя на них силу "да" (формы воздействия могут быть различны — от угрозы до слова).

В цикле эти типы "не классифицированы". Это, видимо, объясинется естественным для поэта стремлением передать единство мира и его многообразие через многообразие проявлений силы "дэ" в природе и особенно в человеке.

А.Б.Кабанов

ПЕРВЫЕ ГАТХИ О САТОРИ В ДЗЭНСКОЙ ПОЭЗИИ В ЯПОНИИ

На формирование традиционной японской культуры сильное влияние оказало проникшее из Китая учение буддизма. Пожалуй, нет ни одной сферы японского искусства, которая в той или иной степени не испытала бы буддийского влияния. Японский буддизм распадается на множество школ и ответвлений, из которых в первую очередь следует отметить школу дзэн (кит. чань). Как никакая другая буддий-

I Цикл помещен в сборнике "Гуйрань бигэн-цэи", - сер. "Сыбу цункань", Шанхай, 1928, цз.17, л.5⁸-10⁸.

Исследование этой категории см. в кн.: А.С.Мартынов, Статус Тибета в XУII—XУIII веках, М., 1978.

окая школа, дзэн уделяет особое внимание искусству и литературе, чем отчасти и объясняется возросший интерес к дзэн у нас и на Западе. Не имея возможности подробно рассмотреть в данной статье все аспекти влияния дзэнских произведений на литературу последурщего периода, однако, отметим, что дзэнские сочинения являлись источником вдохновения для многих японских поэтов и писателей.

Дзэнскими мотивами были проникнути стихотворения Синкэя (1406—1475) и Соги (1421—1502) — непревзойденных мастеров жанра ренга ("сцепленных стихов"). Светская по своему содержанию, поэим дзэнских монахов оказала бесспорное влияние на поэтов жанра
кайку. Без знания дзэнской философии невозможно понять драмы
ипонского классического театра "Но". Дзэнские реминисценции нередки и в произведениях современных японских писателей и поэтов
(например, Кавабата Ясунари и Синкити Такахаси).

Тематика дзэнской поэзии крайне разнообразна, но объединяет ее одно - неординарное восприятие бытия, парадокс, намек, позволяющий по-своему проникнуть в суть вещей. Отмечая своеобразие дванской поэзии, американский исследователь Страйк пишет: "Дзан -»то уникальная религиозная философия. проявляющаяся в искусстве. и о достижениях ее последователей чаше всего сулят по созданным мих произведениям искусства" (3. ХХХ). Дзэн немыслим без поэзик. ибо это единственный способ передать учение, истину, которая не может быть адекватно выражена в словах. У дзэнских монахов сущеотвовал обычай после достижения сатори (кит. у) (档 l'атки и преподносить их своим наставникам, которые по ним могли оудить о глубине внутренней трансформации, произощенией с этим учеником. Такие гатки назывались токи-но гэ (кит. тоу изи изя) (投機 偈). т.е. "гатхи взаимного понимания", которое наступает, когда разум ученика и учителя соединяются в гармонии друг с другом.

Для дзэнской поэзии характерно использование запасников подсознания, пробуждение их и претворение в произведения искусства. На этом и основана система вербальной тренировки при помощи коанов, получившая широкое распространение в направлении Линь-цзи (яп. Риндзай). Назначение коанов состоит в том, чтобы опособствовать интуитивному постижению учеником его собственного "я" в процессе общения учителя и ученика.

Дзэнские поэты творили столь же просто и безыскусно, как и жили. Любой внутренний порыв, переживание, ощущение ложились

на бумагу и превращались в стихи, запечатляя остановившееся миновение. Фактически всякая подлинно дзэнская поэзия посвящена сатори, какой бы им была внешняя форма стиха. Но как безгранично разнообразны личностные переживания сатори, так же разнообразны и темы дзэнской поэзии.

Самыми ранними из дошедших до нас японских дзэнских стихотворений являются гатхи о сатори, автором которых является монах эйсан-но Какуа (XII в.) (文 山 宣 河). О его жизни известно очень мало. Он был учеником Ээна (美之) из храма Ринииндзи (空 方). Согласно легенде, однажды, гуляя по берегу реки, он услышал звук барабана, и достит сатори. Возвратившись в храм Ринииндзи, он написал 5 гатх, в которых выразил свое новое состояние, и преподнес их Ээну (I, 56). Ниже приводится подстрочный перевод этих пяти гатх.

В поисках "истины вне учений" я пересек море. Нужно отбросить жизненный опыт, избегать силков. Блуждая по миру, истоптал я соломенные туфли. В чистой бездне — вода, а на небе — луна.

"Истина вне учений" — означает истину, полученную не из книг или из наставлений учителя. Дзэн отвергал книжную мудрость и любне авторитети, равно как и собственный жизненный опыт, считая, что все это ничуть не способствует достижению сатори. Достичувший же сатори должен не бежать от мира, а оставаться чистым среди мирской грязи, подобно воде в чистой бездне или дуне на безоблачном небе.

Избавился от лиан и от жизненного опита, Полагаюсь на руки веры — и все появилось. Нимо над моей головой проникает в Великую Пустоту, И вращаются разом тысячи и десятки тысяч механизмов.

"Лианы" - символ страстей и привязанностей, опутывающих человека. Дзэн противопоставлял веру рациональному опыту, как единственную помощь в достижении сатори. В несколько высокопарных выражениях поэт показывает свою причастность к Абсолюту и всему существующему.

Как мне поведать людям о сокровенном? Упаду на землю, затем встану, и они сразу все поймут. Стремительно хожу по полям и равнинам, Наизнанку вывернув шапку, иду одинокой дорогой.

Познавшие сатори единодушно считают, что это состояние не-

возможно выразить словами. Можно только намекнуть, "подтолкнуть" другого, чтобы он сам достиг пробуждения. Достигший сатори настолько свободен, что он волен делать все что угодно, не заботясь о мнении других.

Искать истину и отвергать ложь — что в этом сокровенного? Искоренить ложь и прояснить истину — все это заблуждения! Мне смешно старое почтенное шило на Священной Горе. При свете солнца отбрасываю ненужный деревянный черпак.

Какуа говорит об относительности понятий ложь и истина, ибо дзан не признает такого противопоставления, считая эти категории неразрывно связанными. "Старое шило" — аллегорическое наименование Будды. Нетерпимое ко всяким авторитетам, учение дзан даже Будду считало неспособным помочь ишущему в познании истины. "Ненужный деревянный черпак" — символ освобождения, разрыв с земными страстями и заблуждениями.

Замахнись кулаком или обругай, поменьше бахвалься. Правду ли говоришь, неправду ли говоришь — вступаешь в мутную воду.

Прекрати раскладивать по полочкам и указывать, Посмотри на флейту - только и услышишь "ра-ра-ри".

Последователи направления Риндзай считали, что никакими объяснениями нельзя помочь в достижении сатори. Оно всегда наступает мгновенно и внезапно. К нему нельзя стремиться. В "созревшем" ученике резкий крик или неожиданный удар могут вызвать состояние сатори. Поэт призывает отказаться от рациональных объяснений и толкований, а попытаться прочувствовать окружающий мир. Простая и безыскусная мелодия флейты может помочь достижению сатори, в то время как любые объяснения и наставления окажутся бесполезными.

В своих пяти гатхах Какуа попытался в своеобразной форме изложить все основные положения дзэнской философии не на рациональном, а скорее на эмоциональном уровне. В сущности для всех гатх о сатори характерно наличие двух уровней: интеллектуальнофилософского, скрытого за символами и аллегориями, доступного только посвященным; и эмоционального, когда стихотворение может быть "прочувствовано сердцем" и послужить толчком к пробуждению.

I Тамамура Такэдзи, Годзан бунгаку, (玉村竹二,五仏文学),

D.T.Suzuki, Essays in Zen Buddhism, (I-st Series), London, 1958.

Zen Poems of China and Japan, tr. by Lucien Stryk and Takeshi Ikemoto, N.Y., 1973.

М.Е.Кравцова

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РИФМЫ В КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Рифма является однем из основных элементов китайского стихосложения. Наиболее строгие правила рифмы существовали в "уставных стихах" — "люйши" — одного из ведущих жанров танской классической поэзии. В "люйши" могли рифмоваться только четные строки, не допускалось смещение различных групп рифм и рифма под косым тоном. /5; 19-21/ Однако и в танской поэзии наряду с "люйши" существовали стихи "старого стиля" — "гутиши", в которых рифма была более свободной /5; 41-91, 316-362/. Различные отклонения от "классической" рифмы наблюдаются и в дотанской поэзии — в каньских юэфу и в творчестве поэтов Лючао. 2

Одним из таких отклонений можно считать смежную рифму — случаи, когда рифмовались рядом стоящие строки. Количество смежных рифмующихся строк широко варьировалось, поэтому представляется возможным выделить несколько типов смежной рифмы:

- I. Парная рифма³ рифмовка нескольких отдельных смежных строк в стихотворении при основной "классической" рифме.
- 2. Меняющаяся смежная рифма или смежная полирифма⁴ смена групп рифм на протяжении одного стихотворения.
- 3. Смежная монорифма⁵ одна рифма для всех или большей части строк стихотворения.

Наиболее часто в дотанской поэзии встречается парная рифма. Например:

- № I. 0-<u>а-а</u>-0-б-0-б-0-в-0-в-0-0-<u>а-а-а</u>-0-<u>г-г</u> Юэфу "К югу от города" - см. I; 227.
 - # 2. a-<u>6-6</u>-a-a-0-a-0-a-0-a
 - (нешнип) на 😽 вмоно в
 - б рифма åДгэ (пиншэн)

Таншань фужэнь (поэтесса Таншань), 10-ый гимн из цикла "Тимны предкам" /1; 229/.

- # 3. 0-a-0-a-d-d-0-d-0-d
 - а рифма К ю (пиншэн)
 - б рифиа 2 чжи (пиншэн)

Стихотворение № I5 из цикла "Девятнадцать древних стихотворений" /9: 74/.

- № 4. а-а-0-а-0-а-б-б-0-б-в-в-0-в
 - а рифма Дтэн (пиншэн)
 - б рифма 🖫 сянь (цюйшэн)
 - в рифма 🛜 му (пройшэн)

Бао Чжао (421?—466) — стихотворение № II из цикла "Девятнадцать стихотворений — подражаний "Как трудно идти по дороге" /8; I, 678/.

- № 5. a-a-0-a-6-6-0-6
 - а рифма 🗸 в (пиншэн)
 - б рифма 📆 сянь (цейшэн)

Шэнь Юэ (441-513) - первое стихотворение из цикла "Два стихотворения о бессмертных, написанные в подражание чжуншу Лю" /8; 2, 1022/.

Все приведенные примеры написаны разными размерами: четырехсловным (% 2), смещанным (% I, % 4) и пятисловным (% 3, % 5).

Хотя внешне рифма представляется "нерегулярной", в ряде случаев наличие парной рифмы, видимо, не случайно. В большинстве примеров парная рифма встречается при переходе с одной рифмы на другую. Создается впечатление, что поэт подчеркивал этот переход, вводя лишною рифмующуюся строку. С другой стороны, переход с одной рифмы на другую в ряде случаев связан с внутренней структурой стихотворения. Так, например, в гуши (пример № 3) автор, начиная с пятой строки, несколько изменяет тему, основную для первого четверостишия:

- І. Человеческий век
 - не вмещает и ста годов.
- 2. Но содержит всегда

он на тисячу лет забот.

- 3. Когда краток твой день
 - и досадно, что ночь длинна.
- 4. Почему бы тебе

со свечею не побродить?

5. Если радость пришла -

6. Разве можешь ты знать.

что наступит будущий год?" /3: 38/

Кроме того, переход с одной рифмы на другую оформлен и несколько необичным иля гуши этого шикла поэтическим помемом: двумя риторическими вопросами, стоящими рядом (четвертая и шестая строка). Таким образом, в данном стихотворении даркая рибма является органическим элементом общей структуры стихотворения. Интересна связь парной рифмы и в стихотворении Бао Чжао (пример № 4). В этом случае стихотворение по рийме делится на 3 стройн: I-6 строки (ридма "a"), 7-IO строки (ридма "б") и II-I4 строки (рифма "в"). Оба перехода на новую рифму оформлены парной рифмой. Вторая и третья стройы идентичны по рийме (риймуются три строки из четирех). Такое деление соответствует и смысловой структуре стихотворения: первые шесть строк делятся на смысловые группы из двух строк каждая, начинающиеся словами 考 🔏 🗓 цэюнь бу цзянь (2 раза). н 起 富見 цэюнь дан цзянь (I раз). В месте перехода с рифмы "а" на рифму "б" использован эпаностроф - прием, который нередко сопровождает смежную рифму. Связь парной риймы с общей структурой стихотворения очевилна и в данном случае.

Часто встречается в дотанской поэзии и смежная полирийма. Несколько примеров такого типа риймы приводится в книге Лю Да-ц который связывает появление смежной полириймы в творчестве поэтов Лючао с отходом от ханьской поэтической традиции /6; 287-28

Однако, смежная полирифма встречалась и в каньских юэфу , например:

а-а-а-а-б-б-б-0-в-в-г-г

а - рифма 東дун (пиншэн) в - рифма 输чжи (жушэн)

о - рифма 馬ма (шаншэн) г - рифма 屋 у (жушэн) Юэфу "К востоку от кургана Пинлин" /8; I, 65/.

В этом стихотворении, написанном смешанным размером (3-3-7-3-4-7-3-3-7-3-3-7), наряду со смежной рифмой широко используется и эпаностроф, связывающий семисловную и следующую за ней трехсловную строки. О необычности строфического деления этого юэфу говорится в статье Г.Фрэнкеля /10; 78/.

Подобная структура (смешанный размер, эпаностроф, смежная рифма) встречается и в более поздней поэзии — в творчестве Шэнь Юз. Рифма у этого поэта представляет особий интерес, так как. по-мнению некоторых авторов, он был одним из первых поэтов, кто занимался вопросами рифмы /7; 266/. Основное место в творчестве Шань Юэ принадлежит произведениям, написанным пятисловным размером со строгой рифмой. Однако, имеются различные исключения, как, например, цикл "Четыре стихотворения на мелодии "К югу от Цзяна "/8; 2, 996-997/. Этот цикл состоит из четырех семистиший, написанных смещанным размером (7-7-7-3-3-3-3). Третья и четвертая строки связаны эпанострофом, первые четыре строки идут на одной рифме, остальные строки — на другой, причем рифма под ровным тоном обязательно чередуется с рифмой под косым тоном:

a-a-a-a-o-0-o

а – рифма 🌂 чжи (пиншэн)

б - риўма Ехсянь (пройшэн) "Мелодия весенний день".

Как и парная рибма, смежная полирибма могла встречаться в стихотворениях, написанных смещанным размером и пятисловным, например: І-8 строки юэфу "Напоил коня у Великой китайской стены"-/9: 36/. Однако. по мере развития китайской поэзии смежная полирийма чаше встречается в стихотворениях, написанных семисловным размером или смещанным размером с преобладанием семисловной отроки, например: семисловное шестистишие Бао Чжао "Подражаю песне "Кричат гуси " /8; І, 677/, семисловное десятистишие Цзянокого Вэнь-ди из цикла "Два стихотворения "На востоке летает кукушка " /8; 2, 896/, семисловные восьмистиция Шэнь Юэ из цикла "Пять стихотворений-песен Байчжу о четырех временах года" /8; 2, 999/. В этом смысле исключением является пятисловное восымистишме Шэнь Юэ "Подражаю стихотворению "Зелена-зелена трава на беpery peku "/8; 2, 99I/, хотя в этом стихотворении поэт строго выдерживает не только смену групп рифм, но и чередование рифмы под косым и ровным тонами:

а-а-б-б-в-в-г-г

а - риўма 莫чжэнь (пиншэн) в - риўма 支чжи (пиншэн) б - риўма 有 ю (паншэн)

Если мы обратимся к поэзим танского времени, то в "гутиши" смежная рифма не только допускалась, но и была весьма распространена /5; 350-362, 564-570/, а в семисловных "гутиши" допускалась и смежная полирифма /5; 360/. Что касается еще более позднего жанра "цы", то в "цы" чередование смежной рифмы под косым и ровным тоном было обязательным /5; 566/. Разумеется, наличие сходных типов рифмы еще не дает основания для проведения какихлибо прямых аналогий между "цы" и дотанской поэзией, однако, этот факт может служить еще одним доказательством непрерывности развития китайской поэзии, глубокого внутреннего единства всех ее жанров.

В отличии от разобранных выше типов смежной рифмы, смежная монорифма — явление более редкое. В ханьской поэзии она встречается в уже упоминавшемся юэфу "Напоил коня..." (I4—I8 строки — рифма рифма юй), в некоторых гимнах поэтессы Таншань (I; 228/. В более поэдних произведениях смежная монорифма встречается в основном в стихотворениях, написанных семисловным размером. Например: пикл Бао Чжао "Четыре стихотворения—подражания песням Байчжу" /8; I, 6 7 6 /, стихотворение Шэнь Юэ "Поднимаюсь во дворец Хуагуан" /8; 2, 1024/. Интересно, что у Шэнь Юэ смежная монорифма сопровождается и несколько необычным для этого поэта тоновым рисунком:

IIOOOII	IIOOIOI	IIOOOII
IIOOOOI	IIIOOOI	IOOOOII
IIOOOII	IIOOOII	
IIOOOOI	IIOOOII	

Ясно видно стремление поэта повторять тоновой рисунок во всех строках стихотворения. Подобная схема напоминает чередование тонов в парадлельной прозе того периода, где рисунок одной строки либо повторялся в следующей строке, либо являлся ее зеркальным отражением /II; II5/.

В дальнейшей поэзии смежная монорийма не получила широкого распространения, поэтому ее, видимо, можно рассматривать как своеобразный поэтический эксперимент в творчестве некоторых авторов.

Литература

- И.С. Лисевич, "Древне-китайская поэзия и народная песня". М.. 1969.
 - 2. Словарь литературоведческих терминов, М., 1974.
 - 3. Л.З.Эйдлин, "Китайская классическая поэзия", М., 1975.
- 4. С.Е.Яхонтов, "Диалектные различия в рифмах китайской поэзии III-IУ вв." в сб. "Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы и доклады 8-ой научной конфе-

- ренции", М., с.297-302.
 - 5. Ван Ли, Ханьюй шилой сюэ, Шанхай, 1954.
 - 6. Лю Да-цзе, Чжунго вэньско фачжаными, Шанхай, 1957, т.І.
 - 7. Чжунго вэньсюэ ши, Пекин, 1962, т.І.
- 8. Цюань Хань, Саньго, Цзинь, Наньбэйчао ши, Шанхай, 1959, т.І, 2.
 - 9. Хань, Вэй. Лючао шисюань, Пекин, 1958.
- 10. H.H.Frankel, "Yueh-fu poetry" Studies in Chinese literary genres, 1966, p.69-107.
- 11. J.R.Hightower, "Some characteristics of parallel prose"-Studies in Chinese literary genres, 1966, p.108-139.

[&]quot;Классическая" рифма - строго регламентированная рифма, соответствующая правилам в танских "люйши".

² Речь идет о местоположении рифмы в стихотворении без учета ее фонетических особенностей. О рифме периода Лючао с точки зрения фонетики — см. С.Е.Яхонтов, "Диалектные различия в рифмах китайской поэзии III—IV вв."/4/.

В русском стихосложении термины "смежная" и "парная" рифма являются синонимами. /2; 325/ В данном случае термин "парная" рифма использован для обозначения одного из вариантов смежной рифмы в китайском стихе.

⁴В китайском литературоведении для обозначения такого
типа рифмы существуют два термина: 大安高 хуаньюнь — "меняющаяся
рифма" /6; 287/ и 专家高安本уаньюнь — "изменяющаяся рифма" /5; 316/.

Лю Да-цзе использует термин — 👼 июнь - "единая рифма"./6; 288/.

В денном случае использована разметка, данная в статье Г.Френкеля /10; 78/.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕВНЕИНЛИЙСКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

- І. Изучение доминирующих в стиле "Махабхараты" поэтических приемов эпитета и сравнения приводит к выводу о наличии у ни∎ некоторых общих черт, которые могут быть соотнесены в дальнейшем со всей системой художественных средств этого памятника древнеин дийской словесности. Сходные черты, зафиксированные в практике употребления эпитетов и сравнений, прослеживаются в структурном, функциональном и семантическом аспектах,
- 2. К числу общих черт, объединяющих сравнение и эпитет, следует отнести их функционирование в качестве э п и ч е с к и х ф о р м у л, которые, являясь непременным условием устного импровизаторского творчества, своеобразно организуют поэтический текст. Так, классификация формул "Махабхараты" и "Рамаяны", предложенная П.А.Гринцером, включает в особые разделы атрибутивные формулы (в том числе все виды эпитетов) и формулы—сравнения, выделяя в данном отношении эти средства художественной выразительности среди других. Т
- 3. Поиски взаимосвязи эпитета и сравнения опираются также и на внешний, лежащий в плане выражения факт соотнесенности худо-жественных определений с ф о р м а л ь н о й с т р у к т у р о и сравнения, в которой эпитеты выступают как признаки компаративации: ... sumaban abhavat svanah /pravrsiva mahāvāyor uddhatasya.. /III.228.28/2 "Поднялся великий шум, словно от мощного ветра, налетевшего в сезон дождей". Кроме того, объектная часть сравнения (то, с чем производится сопоставление) может использовать эпитеты в качестве конкретизирующих характеристик: в приведенном выше примере "мощный" о ветре; ср. также: çarān āçīviso-рамān /УІІІ.18.31/ "/послал/ стрелы, подобные ядовитым эмеям".
- 4. Если исходить из связи предмета и признака, который выявляется в нем как сравнением, так и эпитетом, то изначальное построение обоих приемов является двучленным. Однако, модель сравнения характеризуется наличием, по меньшей мере, двух предметов, обладающих единым признаком (что и делает возможным их сопоставление). Но поскольку сравниваемые предметы как бы объе-

диняются в признаке, структура сравнения, как и структура эпитета, может быть представлена как исходно бинарная (предмет-признак).

5. В пределах любого текста многообразие признаков, выраженных эпитетами и сравнениями, ограниченно определенными параметрими, в древнеиндийском эпосе — прямой причастностые наиболее
оущественных признаков адресатов к семантике основных образов
впопеи, ее идеологическим построениям этического и эстетического характера. Выявление приблизительных семантических полей,
п пределах которых лежат основные значения эпитетов и признаков
компаративации, обнаруживает их известную идентичность, что попволяет, базируясь на сдвоенных данных, с большей или меньшей
отепенью вероятности сформировать относительный н а б о р осмовных этических и эстетических ценп остей, значимых для "Махабхараты", таких, как мощь, величие, мужество, доблесть, слава, отвага, быстрота, грозность,
красота, сияние, а также цветовые характеристики функциональното назначения.

Вполне естественно, что обозначенные признаки, семантически оближающие эпитеты со сравнениями, не исчерпывают всего содержательного богатства и разнообразия поэтических приемов.
Особо значащей с точки зрения идейно-концептуальной интерпретации "Махабхараты" является детальная разработка в эпитетах
отического аспекта, с героикой непосредственно не связанного
("мудрый", "щедрый", "благочестивый", "верный дхарме", "правдоречивый", "стойкий в обете" и т.п.). З Сравнения же зачастую
пицентируют внимание на тех или иных внешних проявлениях адреоата (величина, вид, форма, способ действия или проявления и
т.п.). Если учесть определенную консервативность эпических
оравнений, которая вполне отчетливо явствует, в частности, из
примеров, оперирующих мифологическими представлениями, 4 то можно фиксировать условную идеологическую "продвинутость" эпитетов.

6. Общеизвестно, что эпитети и сравнения древнеиндийского впоса в большинстве своем традиционны и назначение их в тексте определяется художественной установкой эпоса на создание типически—обобщенного образа. Постоянному характеру эпитета как основного средства типизации в фольклорно-эпическом творчестве

- соответствует известное постоянство сравнений в "Махабхарате", выраженное, например, в существенности, повторяемости признака компаративации ("могучий", "славный", "прекрасный", "блистающий" и т.д.), в устойчивости словесного оформления объектной части: puspitāv iva kincukau /УІІІ.20.16; ср. ІІІ.103.11, 264.32 /, в соотносимости набора признаков и объектов и соответствующего набора субъектов ("прекрасный, как полная дуна, лотос" по отношению к лицу царя, воина, героини, ребенка и т.д.; "грозный, как Смерть, Яма, змея, яд" о воине, отшельнике, оружии и т.д.).
- 7. С фера использования и источники формирования запитетов и сравнений характеризуются широтой и всесторонностью охвата: эпитеты определяют не
 только все существенные для героической эпопей категории лиц,
 предметов, явлений и состояний, формирующих совокупний, основополагающий образ эпической биты, но и касаются категорий второго дидактического плана содержания эпопеи; сравнения же,
 в свою очередь, затрагивают все наиболее значимые стороны эпического бытия и мировоззрения. Идейно-концептуальная мотивированность дополняется для сравнений возможностью непосредственного
 отражения в их содержании мифологических, этических, правовых,
 философских и иных мировоззренческих построений.
- 8. Функция з н а к а с и г н а л а, семантически и эмоционально предваряющего описываемую ситуацию, свойственна как эпитетам, так и сравнениям: "Вскоре появится у тебя дочь, пламенная душой" /III.277.17/ - предрекает богиня Савитри рождение царевны, духовной мощи которой вынужден был покориться сам бог смерти Яма; "словно волк в логово львов" /III.251.8/, вступает чужеземец в обитель героев, где осталась в одиночестве их супруга, и далее описывается сцена похищения Драупади пришельцемнедругом.
- 9. "Нанизивании е запитетов как общефольклорная черта имеет некоторую параллель в выстраивании нескольких сравнений к одному и тому же субъекту. Однако, если целью развернутого ряда эпитетов является преимущественно разработка, но-ансировка самой общей идеи, например, высоких добродетелей царя; āsIn madresu dharmātmā rājā paramadhārmikah /brahmanyaç са çaranyaç са satyasandho jitendriyah//III.277.6/ "Был у мадров царь, душою /преданный/ дхарме, блюдущий высочайщую дхарму,

углубленный в познание брахмана, дарующий защиту /поданным/, верный слову, смиривший чувства", — то перечень сравнений значительно теснее связан единством разрабатываемого признака: Арджуна сразил Карну, "как Махендра — Вритру, как Рама — Равану, как Кришна — Муру, как Рама Бхаргава — Картавирыю" /УІІІ.4.52/.

В пелях полноты описания следует заметить, что в пепочке сравнений может также присутствовать элемент нюансировки признака. например: "Руки. полобные железным брусьям. - точно пятиглавые эмен" /III.54.6/. Такие признаки сравнения, как мощь. смертоносная сила, а также форма рук воина, конкретизируются во втором случае уподоблением пятипалой руки пятиглавому змев (ср. УIII.26.II-I5, где герой Карна уподобляется солнцу по различным линиям сходства). С другой стороны, некоторые эпитеты, близкие по значению, объединяются в довольно устойчивые блоки, разрабатывающие один и тот же или близкие по значению признаки: ...namaskrtva svayambhuva purusaya puranaya sacvatayavyayaya ca... /III.186.13: cp. 160.17, 169.29, 170.6, 186.15/. "HOUTER CAMOсущего, древнего, извечного, непреходящего Пурущу"... Наблюпается, таким образом, наличие определенного диапазона значений признака внутри развернутого ряда эпитетов и сравнений: от тожнества или синонимии (преимущественно в сравнениях) до четкой обособленности в рамках самого общего представления (у эпи-TeTOB).

Объединяющей чертой "нанизывания" эпитетов и сравнений является потенциальная установка на своего рода полноту описания, повышающую эмоциональный эффект произносимого текста. Информационная ценность таких перечней, как правило, низка в силу традиционного характера определений и привычности ассоциаций.

Дальнейшее исследование других элементов поэтической формы древнеиндийского эпоса сможет, по-видимому, показать, что эпи-теты и сравнения "Махабхараты" не только высоко значимы с точки зрения формального и семантического построения текста, но и являются организующими звеньями эпической поэтики.

I П.А.Гринцер, Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., "Наука", 1974, c.40-46.

- Ссылки даются на третью и восьмую книги "Махабхараты" (критическое издание): The Mahabharata, Āranyakaparvan (pts.1-2) Poona, BORI, 1942; The Karnaparvan, Poona, BORI, 1954 (текст на санскрите). Цифры в квадратных скобках означают: римская номер книги, следующая за ней номер главы, последняя номер шлоки.
- З Таким образом, на уровне поэтического приема подтверждается правомерность положения П.А.Гринцера о специфичности содержания "Махабхараты", являющегося двуединым синтезом дидактического и собственно эпического слоев — см. П.А.Гринцер, Древнеиндийский эпос..., с.330.
- Здесь можно сослаться, к примеру, на обилие ведических реминисценций, связанных с Индрой, на меньшую популярность по сравнению с ним ведущих эпических богов Вишну, Шивы и Брахмы, преимущественную ориентацию в сравнениях на героический, а не инкарнационный аспект синкретного образа Кришны и т.д.

М.И.Никитина

XAHTA "CTAPNK ПРЕПОДНОСИТ ЦВЕТЫ" (УІІІ В.)
В СВЯЗИ С ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ ОБ "ОБЛИКЕ" "СТАРЛЕТО" И "МЛАПЛЕТО".

Анализ некоторых хянга, древних поэтических произведений на корейском языке, помещенных в "Самгук юса" (1285), привел нас к выводу о существовании в корейской культуре УІІ-ІХ вв. особой системы представлений о человеке, социуме, космосе В этой системе отношения социально значимого и социально зависимого лица, отношения с врагом и т.д. осмысливались в категориях "облика" и других, соотносимых с ней категориях (например, "души-сознания").

Учитывая наличие в древней корейской культуре такого рода представлений, попытаемся уяснить функциональное назначение хянга "Старик преподносит цвети", которое до сих пор, несмотря на неоднократные попытки истолкования, остается неясным. Эта хянга помещена в "Самгук юса", где включена в повествование "Госпожа Суро" и датирована первой половиной УІІІ в.:

Во времена Сондок-вана (702-736) сунджонский князь отпра-

вился в Каннин на должность тхэсу. По пути на берегу моря днем обедал. Рядом находилась скала. Словно ширма, обращена к морю. Высотой в тисячу чжанов. Наверху были рододендроны в полном цвету. Супруга князя госпожа Суро увидела их. Обращаясь к "правым и левым", спросила: "Кто сорвет цвети и поднесет мне?". Свита отвечала: "Человеку не добраться". Все говорили: невозможно. Рядом оказался старик. Вел корову, проходил мимо. Услишал слова госпожи, сорвал цветы, а также сложил песню, сочинил слова и преподнес ей. Кто был этот старик, неизвестно...

Далее рассказывается о том, что госпожу Суро похищали дракон моря, духи гор и больших болот, и указывается причина: "Суро по красоте облика (йонъ) не имела себе равных".

Хянга приводится в конце повествования:

У края красной скалы Оставляю корову, которую рукой держал. Если не вызываю стыда /у Вас/, Цветы, сорвав, поднесу.²

Обратим внимание на социальный аспект происходящего в приведенном эпизоде. Старик — человек со стороны; он не имеет отношения к той группе людей, где есть "старшие" (князь и его супруга) и "младшие" — сопровождающие их люди ("правые и левые", свита), он — вне иерархии. Выполняя желание одного из "старших", которое было адресовано "младшим", он входит в контакт со "старшим" на правах "младшего" и тем самым включается в общую систему отношений в данном коллективе.

Это дает основание сопоставить хянга "Старик преподносит цветы" с теми хянга, адресатом которых является "стариий", автором — "младший". К ним относятся "Песня о хваране Кипха", "Песня о туе", "Песня о хваране Чукчи". Они достаточно подробно рассмотрены в предыдущих наших работах. Сочинение их было частью специфической ритуальной акции единения "младшего" с "обликом" "старшего", которую младший совершал, убедившись предварительно (в процессе ритуала) в идеальном характере "облика" "старшего". Приобщение "младшего" к "облику" "старшего" подразумевало образование особого единства "старшего" и "младшего". Оно, с одной стороны, санкционировало идеальность "облика" "старшего", с другой — моделировало на будущее его идеальное состояние уже как единство с "младшим". Ритуал имел целью благое во-

здействие на "облик" "старшего", а тем самым — на социум и космос, поскольку "облик" "старшего" приравнивался социуму и космосу в целом. 4

Это приобщение достигалось всей суммой ритуальных действий, в том числе и тем, что "младший" совершал ряд "динамических" операций: поднимал голову, обращал взор к луне, — наклонял голову, вглядывался в отражение луны на воде, — поднимал голову, обращался к туе, росшей на берегу (луна и ее отражение в воде, дерево-туя — ипостаси "облика" "старшего" в данном ритуале). Вся цепь движений (вверх-вниз-вверх) выступала, по-видимому, сама по себе как знак космоса (=старший) и как знак присоединившегося к космосу "младшего".

Аналогом такой цени движений является последовательность действий вассала Синчкуна в повествовании "Синчкун отказывается от должности", в которое включена "Песня о туе":

Когда Хёсон-ван (737-74I) пребывал еще в резиденции наследника, он, играя с просвещенным мужем Синчхуном в шашки во дворцовом саду под туей, постоянно говорил:

- Если забуду тебя в будущем, это будет подобно /тому, что изменится/ туя!

Синчхун вставал и кланялся...⁵

Отвечая на клятву государя, формула которой подразумевала тождество государя и дерева-туи, вассал вставал (движение вверх), кланялся (движение вниз) и, очевидно, выпрямлялся (движение вверх

Как показывает текст хянга "Старик преподносит цветы" и ее прозаическое обрамление, пространственные перемещения старика — взбирается на скалу, спускается вниз, обращается к Суро — в принципе повторяют тот контур, о котором говорилось выше. Он реализуется за счет иных физических действий, чем в приведенных примерах, однако, выполняет, очевидно, ту же функцию — единения "младшего" со "старшим".

Ритуал, в процессе которого создавались "Песня о туе", "Песня о хваране Кипка", был "ночным" ритуалом. Одна из ипостасей "облика" "старшего" в нем осознавалась как световая: луна — ее отражение в воде (реки, пруда). Первым этапом приобщения "младшего" к "облику" "старшего" было движение головы и взгляда "младшего" вверх (к луне) и затем вниз (к отражению луны). Т.е. первым этапом ритуала было приобщение к свету, к световой вертикали, прочерчивающей "ось мира".

Хянга "Старик преподносит цветы" сочинялась днем (во время обеда) и, учитывая цветение рододендронов, — весной. Здесь пермым этапом динамической цепи было движение вверх по скале и затем вниз. По аналогии с ночным ритуалом можно предположить, что "младшим" "осваивается" световая вертикаль, устанавливающая связь между небом и землей-водой, вертикаль, которая в данном случае представлена скалой с цветами на вершине.

Известно, что в древних культурах подниматься на вершину овначает подниматься к небу. 6 Оказаться на вершине и срывать тим цветы в дальневосточной традиции может означать приобщение к солнцу. Сравним соотнесенность с небом и солнцем вершин гор в корейской и японской мифологии, соотнесенность с небом и солнцем цветов в корейском ритуале. Согласно "Самтук юса", цветы мграли роль жертвы небу и солнцу в ритуале изгнания второго солнца, появившегося на небе (событие помечено 760 г.). В нем цветы "разбрасывались" и "посылались" небу "велением прямой "души—сознания", и исполнялась сложенная тут же по этому случаю хянга, в которой отражалась процедура ритуала.

Скала, по которой в рассматриваемом эпизоде взбирается вверх старик — "младший", — красная. На ее вершине —рододендроны, т.е. куст цветов красного цвета. Между тем, соотнесенность красного цвета с солнцем карактерна для Дальнего Востока. ПО в древней корейской культуре, в которой сильны были шаманские традиции, дорога между небом и землей, представлявшаяся как гора, дерево, веревка—нить и т.д., нередко соотносилась с красным цветом. Так, красной оказывается нить, которую свешивает небо на вершину горы, чтобы спустить ларец с чудесным младенцем, в предании о суро, основателе государства Карак; красное облако спускается с неба и окутывает дерево, на котором висит ларец, в предании об Альчи, основателе рода Ким. 14

Красная скала с цветами на вершине находится на берегу моря и обращена к нему, "словно ширма". Парадлель этой красной скалеширме на корейском берегу можно усмотреть в мегалитических сооружениях Океании 15 (островов Общества, Фиджи), "обращенных фасадом к восходящему солнцу", особенно — островов Банкс, где "существует обичай обмазывать мегалити красной глиной, чтобы вызвать снова свет солнца". 16

Все сказанное свидетельствует о соотнесенности красной скалы с красными цветами на вершине с солнцем и позволяет интерпре-

13 56

тировать ее как "солярную вертикаль".

Скала-пветы и берег-море (разомкнутая водная поверхность) являются координатами "солярного" сакрального пространства, ¹⁷ в котором существенную роль играет фигура человека - "старшего": "младший" переходит от скалы к "старшему".

Вспомним, что пространство в ночном ритуале задается дунойводой (пруд, река, как замкнутая водная поверхность), берегом и
туей на нем и что в "Песне о туе" завершающим звеном динамической цепи было прикрепление текста хянга на дерево-тую, замещавшую в ритуале отсутствующего "старшего". В рассматриваемом случае завершающим моментом является преподнесение цветов и хянга
госпоме Суро. Очевидно, прикрепление текста на тую (в ночном
ритуале) и вручение цветов и хянга живому человеку (в дневном)
семантически тождественны. Отсюда тождественны не только деревотуя и человек (госпома Суро), но и написанный текст хянга (в ночном ритуале) и цветы + устный текст хянга (в дневном).

Ночной ритуал предусматривал выяснение идеальности-неидеальности "облика" "старшего", отсутствующего в момент ритуала, путем зрительных операций (сравнение луны в небе и ее отражения в воде и пр.). В данном случае "старший" — госпожа Суро присутствует, и о ее облике сказано, что ему по красоте нет равных. Если принять во внимание представления о сакральном характере красоты в древней Корее, о внешней привлекательности как существенном моменте в характеристике "облика" в эпоху Силла, 18 можно предположить, что специального выяснения характера "облика" Суро не требовалось: он был ясен старику с самого начала (работа глаз).

Согласно древне-корейским представлениям, "младший" — мужчина — "глаза" и "руки" "облика" "старшего". 19 В ночном ритуале реализуются прежде всего зрительные усилия "младшего". В тексте же хянга "Старик преподносит цветы" и ее прозаическом контексте очевиден акцент на действиях, связанных с руками. Так, в тексте песни отмечены "рука", "держать" /рукой/, "оставлять" /то, что держал рукой/, "рвать" /цветы/, "подносить" /цветы/.

В хянга "Старик преподносит цветы" и ее прозаическом обрамлении дана характеристика "младшего", характеристика "облика" "старшего", воспроизводится сакральное пространство-вре-

мя и процедура ритуала создания хянга. Т.е. ее можно рассматривать как текст, отражающий в принципе ту же систему представлений, что и хянга "Песня о туе", "Песня о хваране Кипха" и др., и как текст, выполняющий ту же ритуальную функцию: обеспечить единение "младшего" с "обликом" "старшего" и тем содействовать нормальному функционированию социума и космоса.

I М.И.Никитина, А.Ф.Троцевич, Очерки истории корейской литературы до XIV в., М., 1969, с.88-90. (далее - Очерки).

² Полный перевод повествования см. Очерки, с.85-86; текст см. Ирён, Самгук юса, Пхеньян, 1960, с.180-182. (далее — Самгук юса) расшифровка текста см. Хон Гимун, Хянга хэсок, Пхеньян, 1956, с.104-119.

³ М.И.Никитина, К пониманию двух древне-корейских поэтических произведений (хянга), ШІ и ШИКНВ, ХІІ/ІІ, М., 1977, с.191-200; и др.

⁴ Там же, с.196-198.

⁵ Там же, с.194.

⁰ восхождении на гору, дерево, по лестнице, веревке и пр. как восхождении на небо в шаманской традиции см. А.Я.Штернберг, Первобытная религия в свете этнографии, Л., 1936, с.123 и др.; м.Eliade, Patterns in Comparative Religion, London, 1971, р.104—111. (далее — Элиаде).

⁷ Chang Duk-soon, Transference of the Solar Myth from Ko-rea to Japan, - Actes du XXIXe Congrás international des Orientalistes. Corée (Korea), Paris, 1977, p.9-10. (далее - Чан Доксун).

⁸ 0 двух солнцах как образно-мифологической интерпретации социальной коллизии (борьба за престол) см. Чан Доксун, с.9-10.

⁹ Самгук юса, с.527-528; перевод см. Очерки, с.72-73.

⁰ красном цвете и солнце в китайской культуре см. Л.П.Сы-

чев, В.І.Сычев, Кытайский костим, М., 1975, с.24, 28, 30 и др.; о роли красного цвета, в частности, красного камня в японских солярных культах см. M.Takeshi, Origin and Growth of the Worship of Amaterasu, — Asian Folklore Studies, v.ХХХVII—1, Nagoya, 1978 р.2—5. Там же см. о популярности в Корее У—УІ вв. представлений о правителях как о "детях солнца".

II См. описание обряда восхождения на гору Чхонмасан (букв. Гора, которой касается Небо) в окрестностях г.Кэсона в третью луну в кн. На Tae Hung, Folk Customs and Family Life, Corean Cultural Series, v.III, Seoul, 1972, p.37.

12 О дереве и веревке в корейском фольклоре в связи с пережитками солярных мифов см. Чан Доксун, Хангук коджон мунхаг-ый ихэ. Сеул, 1974, с.384-386.

13 Текст см. Самгук юса, с.261; перевод предания см. А.Ф.Тр цевич, Оппозиция Земля — Небо в корейских мифах (некоторые наблю дения над текстами преданий об основателях царств), Теоретически проблемы изучения литератур Дальнего Востока, М., 1977, с.242.

Текст см. там же, с.100; перевод см. там же, с.243.

Параллель интересна в свете гипотезы о миграции на Корей ский полуостров с юга во II-I тыс. до н.э. См., например, Истори Кореи, т.І, М., 1974, с.24. В этой же связи следует отметить рол красного камня в мифах островов Банкс. Ср.: "...Но вот прошло время ночи, и петух закукарекал, а другие птицы защебетали. Кват взял кусок красного обсидиана и разрезал ночь. И свет, который был покрыт темнотой, снова ярко засиял...". Сказки и мифы Океани М., 1970, с.152.

16 Элиаде, с.137.

17 0 горе как "оси мира" см. Элиаде, с.99-102; о "типовой" модели сакрального пространства см. там же, с.271.

18 М.И.Никитина, Представления об "облике" "старшего" в дре вней корейской поэзии (хянга) и пейзажная поэзия на корейском языке XY-XYIII вв., ПП и ПИКНВ, XIII, М., 1977, с.141.

19 М.И.Никитина, Представления об "облике" "старшего" и "мл дшего" в хянга "Песня Чхоёна" (IX в.) и обрядах "хождения по моотам", — Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезиси и доклады восьмой научной конференции. М., 1978, о.241-242; М.И.Никитина, Представления об "облике" враждебного адресата, "старшего" и "младшего" в хянга "Песня о разбойниках" (УІІІ в.) и "Песня Чхоёна" (IX в.) (в печати).

А.Г.Сазыкин

ГЕНЕЗИС И БЫТОВАНИЕ ПРОЗОПОЭТИЧЕСКОЙ ВЕРСИИ "ПОВЕСТИ О ЧОЙЛЖИЛ—ЛАГИНИ".

Театр Тибета, история которого насчитывает многие столетия и восходит к добуддийским временам, очень охотно и широко использовался буддийской церковью для популяризации своих религиозно-нравственных идей. Известны три вида тибетских театрализованных представлений: пантомимический цам, цам с диалогами и драматические пьесы в современном их понимании. Все они позднее получили распространение и в Монголии. Два из них — пантомимический цам и цам с диалогами достаточно хорошо изучены и неоднократно описаны в востоковедной литературе.

Менее известна история драматических постановок в дореволюционной Монголии. Единственным доказательством существования таковых служат сообщения о публичных представлениях "Повести о Дунной кукушке", осуществляющихся начиная с 30-х годов прошлого века в Урге³ и несколько позднее у чахаров. Упоминаний о других драматических постановках более не встретим в работах, посвященных дореволюционному монгольскому театру. Неизвестно даже, были ли знакомы монголы с другими произведениями, используемыми в Тибете пля постановок на спене.

Трудность выявления таких произведений среди многочисленной переводной монгольской литературы объясняется тем, что в Тибете не существовало сочинений, написанных специально для театра. Драматические спектакли ставились на сижети повестей и обично текст такой драмы "состоит из рассказа, перемешанного с диалогами, мало отличаясь по форме от текста произведений повествовательной литературы". 5 Среди такого рода "драматической" тибетской

литературы можно выделить серию текстов, для которых характерно следующее: в основе их сюжета лежат истории людей, которые послемерти попадают в подземные области ада, проходят по всем его отделениям и по возвращении в мир живых повествуют о всем увиденном. В рамках тибетской литературы существует несколько подобных сочинений, составляющих там особый жанр "дэ-логов". Однако на монгольском языке в настоящее время обнаружено лишь одно из них - "Повесть о Чойджид-дагини".

Установлено, что это "наиболее известное из серии до-логов произведение, часто использовалось для инсценировок в стенах тибетских монастырей. 7 Но пока нет никаких сведений об осуществлении в Монголии постановок на срмет этой повести. Тем не менее Хайсиг в своей "Истории монгольской литературы", неизменно определяя "Повесть о Чойшжий-пагини" как "храмовую праму". связывает ее бытование с историей монгольского театра и потому пишет, что "в тибетских, а также в монгольских монастырях эти истории /дэ-логи - А.С. / исполнялись как мистерии". В подтверждение своего мнения Хайсиг, цитируя Баруха, пишет: "... в 1928 г. молодые монголы из Улан-Батора знали эту пьесу о путешествии в ад, а один из них, бывший прежде послушником в монастыре, был в состоянии прочесть из нее наизусть целые отрывки". 9 Знание наизусть "целых отрывков" предполагает, по-видимому, участие этого монаха в театральных представлениях на сюжет повести. Но дело в том. что Хайсиг не совсем точно цитирует Баруха, у которого сказано, что монах этот был послушником в тибетском мо**настире.** ¹⁰ Следовательно, это сообщение никоим образом не может служить доказательством осуществления монгольских театральных постановок по "Повести о Чойджид-дагини".

Характеризуя повесть, Хайсиг пишет далее, что "легенда о волшебнице Чойджид не может скрыть за своей стихотворной формой, что это произведение написано в первую очередь для драматического представления, будь то несколько актеров или один рассказчик". П но одной из специфических особенностей "драматической" тибетской литературы является как раз то, что их текст всегда "состоит из рассказа, перемещанного с диалогами", причем, "пролог, рассказ о разных событиях, а также рассказ, связывающий диалоги, в подобных сочинениях обычно пишутся прозой. Речи же действующих лиц, диалоги представляются в стихах ...". 12 При исполнении пьесы все поэтизированные диалоги исполнялись ак-

терами, тогда как пролог драмы и "рассказы, при помощи которых отдельные сцены связываются друг с другом, зачитывает специальный рассказчик". ¹³

О версифицированной форме текста пьеси "Лунная кукушка", представляемой на монгольской сцене, пишет академик Дамдинсурэн в исследовании, посвященном истории этих постановок, где в частности указывает, что этот роман был написан тибетским писателем Дувсандамбицкалцаном около 1737 г. Затем сочинение, "насыщенное целым рядом религиозно-проповеднических стихов" было переведено на монгольский язык и в начале XIX в. монгольский поэт Равджай, используя это произведение, создал музыкальную пьесу.

Таким образом наиболее характерной особенностыю произведений, используемых в Тибете и Монголии для театрализованных представлений и, по-видимому, даже необходимым условием для их театрализации является наличие стихотворных диалогов. Следовательно, стихотворная форма повести не противоречит законам тибетского и монгольского театров и не скрывает, а наоборот, подчеркивает сценичность этого варианта.

В отношении происхождения версифицированного текста повести Хайсиг на основании известных ему трех рукописей, написанных целиком в прозе и ургинского ксилографа, содержащего прозопоэтическую версию, высказывает предположение, что поскольку "в них /монгольских письменных образцах повести - А.С. / имеет место реалистическое изображение недостатков в маньчжурском государстве", то это позволяет "классифицировать монгольские варианты скорее как монгольские дальнейшие разработки и переработки, чем как переводы". 14 Из этого видно, что автор считает и прозаические варианты, и прозопоэтический текст, где как раз и солержится "реалистическое изображение сопиальных непостатков". монгольскими переработками какого-то одного перевода повести. Подобное высказывание немецкого ученого правомерно лишь в отношении прозаических вариантов рукописей, имеющихся в европейских коллекциях, действительно содержащих варианти одного и того же перевода, еще большую вариантность которого обнаруживают ленинградские и уланбаторские рукописные собрания. Однако материалы, хранящиеся в этих собраниях рукописей позволяют говорить не только о "разработках и переработках" одного перевода, но и о разных переводах, два из которых (оба в прозе) были выполнены

уже в XУII в. ойратским Зая-пандитой и южномонгольским Гушри-цорджи Лубсан-лиг-шад-дарджаем. Вероятнее всего, тоже переводом, а не монгольской переработкой является и прозопоэтическая версия "Повести о Чойджид-дагини", о чем можно заключить на основании некоторых особенностей, свойственных тексту письменных источников этой версии.

Помимо уже упомянутого ургинского ксилографического издания, в уданбаторских фондах представлены четыре рукописи этой же версии и еще одна рукопись находится в рукописном отделе ЛО Института востоковедения АН СССР. Из этих пяти рукописей только одна уланбаторская рукопись может быть признана несомненной копией ксилографа. Сопоставление текста остальных четырех рукописей между собой, а также с текстом ксилографа показывает различия в текстуальном отношении, отражающие тенденции к переработка ведущим прежде всего к изменениям в структуре и ритмической орга низации стиха. Представляется весьма сомнительным, чтобы переложение на стихи монгольского прозаического текста повести было выполнено монголом-интерпретатором столь несовершенно, что потре бовались постоянные переработки, достаточно очевидные во всех ру кописях версии. Однако такая работа вполне объяснима применитель но к монгольским переводам тибетских стихов, сохранявших нередко особенности тибетского стихосложения и потому отличающихся искус ственностыю и многословностью. Многословность весьма характерна для переводных поэтических произведений и не свойственна монголь ской поэтике, поскольку "длинная строка кажется монгольскому слу шателю тяжеловесной, ритмически слабо организованной". 15

Поэтому понятно стремление монгольских переписчиков путем сокращений, перестановки слов или добавления новых слов и фраз по иному организовать стихи, более приспособить их к нормам монгольского стихосложения. Наиболее удачная и, видимо, позднейшая по времени переработка представлена в ургинском ксилографическом издании "Повести о Чойджид-дагини".

В пользу тибетского происхождения поэтизированного текста свидетельствует и тот факт, что позднейшие, несомненно монгольские, интерполяции, представленные в этой версии повести, написаны исключительно в прозе, тогда как главы, общие для всех тибетских и монгольских рукописей сочинения, последовательно переданы в стихах.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод, что прозопоэти-

ческая версия "Повести о Чойджид-дагини" является монгольским переводом, выполненным уже с версифицированного тибетского текста, наиболее отвечающего канонам тибетского театра, где, как известно, осуществлялись театрализованные постановки на сижет повести. Поэтическая переработка текста повести была осуществлена, по-видимому, в довольно позднее время. Первоначально бытовавшая в устной и письменной традициях, повесть имела прозаический текст и только попав на сцену, она была переработана в более подходящую для этих целей поэтическую форму.

Знакомство монголов с прозопоэтической версией "Повести о Чойджид-дагини", которая, вероятнее всего, никогда не инсцени-ровалась в Монголии и битовала там только как произведение письменной повествовательной литературы, следует отнести ко второй половине XIX в., поскольку все известные нам рукописи версии написаны не ранее этого времени. В конце XIX или даже начале XX в. был напечатан и ургинский ксилограф.

Б.Я.Владимирцов, Тибетские театральные представления, - "Восток", кн. 3, Л., 1928, с.99.

Библиографию цама см.: Т.А.Пострелова, О ламаистских масках мистерии цам, — "Научные сообщения Государственного Музея Искусства Народов Востока", вып.ІХ, М., 1977, с.103-104.

³ Ц.Дамдинсурэн, 0 музыкальной пьесе "Дунная кукушка", — "БНМАУ—ин Шинжлэх ухааны академийн мэдээ", № 2, 1961, с.85—108.

⁴ А.М.Позднеев, Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу, — "Записки Русского Географического общества по отделению этнографии", т. XУІ, СПб., 1887, с.270—271.

⁵ Владимирцов, с.103.

W.Baruch, Un mystere tibetain. La dame Tchokyid de Ling,"Cahiers du Sud", XXXV, 1948, p.312; R.A.Stein, Recherches sur
l'epopee et le barde au Tibet, - "Bibliotheque de l'institut des
hautes etudes chinoises", vol.XIII, Paris, 1959, p.400.

7 Baruch, p.313.

W.Heissig, Geschichte der Mongolischen Literatur, Band I, Wiesbaden, 1972, S.119.

Tam me, II9.

10 Baruch, p.312-313.

11 Heissig, S.121.

12 Владимирцов, с. IO3.

13 Baruch, p.311.

14 Heissig, S.120.

Л.К.Герасимович, Монгольское стихосложение, Л., 1975, с.8I.

Г.Г.Свиридов

ИРОНИЯ В СЭЦУВА: ЧАСТНЫЙ ПРИЕМ ИЛИ СТИЛЕОБРАЗУЮЩАЯ КОНПЕППИЯ?

Проза сэцува иронична. Естественно задаться вопросом, что представляет собой ирония в прозе сэцува. Художественный прием? Или нечто более значительное. То, что мы осмелились бы назвать стилеобразующей художественной концепцией. Рассмотрению этого вопроса и посвящено данное сообщение. Мы сталкиваемся с иронией в прозе сэцува, когда речь идет о дискредитации определенных социально-психологических типов. Чаще всего ироническую окраску имеет облик монаха, лже-праведника, нерадивого чиновника. Однако сатирическая задача, решаемая попутно, не является конечной целью автора. Конечная задача — вызвать в сознании читателя мысль о несовершенстве бытия, об относительной ценности зримого "мира вешей".

Ирония здесь витекает из общей концептуальности прози сэпува как литературно-философского жанра. Хотя нередко в конкретном рассказе виступает персонаж, образ которого воспринимается в плане иронии лишь от чисто умозрительного его наложения на идеальную социально-психологическую модель данного типа (монах, торговен, святой и т.д.), в сэнува встречаются и такие фабулы, когда внутри данного текста происходит показ идеального типа (персонаж ловко носит маску праведника, благородного человека и т.д.), а затем в результате сижетного поворота происходит раскрытие "подлинного" лица героя, его разоблачение. Этим читателю еще более облегчается задача наложения реального образа на "идеальный", поскольку приметы обоих содержатся в одном тексте и даже аккумулированы в одном персонаже. Созданию эффекта иронии благоприятствует в этом случае "скоморошеская" роль героя, ведущего на наших глазах "комически-идеальную" партию. Подобный розыгрыш не только ведет к открытой компрометации идеи, но и способствует общему метабизическому постижению горькой истины об относительной ценности всего сущего в этом мире, постижению, свершаемому с помощью главного инструмента - иронии.

Важную роль в поэтике сэпува играет прием "незавершенности" /см. 4. 102-103/. Способом его проявления выступает крония, которая "визывает в нас чувство неразрешимого противоречия между безусловным и обусловленным, чувство невозможности и необходимости всей полноты высказывания" / 3, 176/. Ирония дает возможность поверить, переоценить "все вещи, бесконечно возвышаясь над всем обусловленным, включая сюда и собственное свое искусство, и добродетель, и гениальность" /3, 177/. Необходимость такой поверки всех ценностей остро встала в эпоху крушения хэйанской культуры и нарождения новой, самурайской, когда и создавались вершинные памятники прозы сэцува, прежде всего "Повествование". Соотнесение идеального и действительного вызывает сложную эмошию неудовлетворенности "дисгармонии. В "Повествовании" этот "прием" базируется на соотнесении идеального носителя социально-психологического типа с реально действующими, живыми людьми. Такое ироническое наложение, обнаруживающее несоответствие реального и полжного, характерно именно для эпохи общественной дисгармонии. В раннехэйанских образцах житийной литературы, например, "ироническое наложение" как литературный прием, насколько нам известно, полностью отсутствует в литературе. Напротив, вместо него наблюдается нечто противоположное, прием, который мы бы назвали "трагическим наложением". В одной из легенд IX в. персонаж, внешне принадлежащий к "нечистой" профессии оказывается человеком рецкой праведности. Днем он занимается убиением скота, а ночью предается втайне молитве. Это наложение кажущегося на реальность не вызывает иронического эффекта, но в конечном счете также призвано настроить читателя на постижение относительности привычных ценностей. Кажушийся облик отверженного, презираемого героя сменяется его подлинным, реальным обликом. И вот этот-то подлинный. но скрываемый от мира облик оказывается полностью соответствующим идеальному представлению о святом. Создание такой легенды возможно лишь в особой атмосфере приятия религиозной идеи, в эпоху гармонического бытования этой идеи. Иной характер имеет прием "наложения" в некоторых рассказах XIII в. Здесь все наоборот. Внешнее поведение персонажа соответствует идеальным представлениям о святости, однако последующее его разоблачение приоткрывает его подлинную личину, его неспособность к религиозному самопожертвованию. эгоистичность, приверженность к мирскому бытию. Идеальное оказывается блефом, подлинная же реальность - низменна. И объектами разоблачения выступают монахи, праведники, представители государства. Лостигаемая таким образом нель - хуложественное воплошение мысли о неуповлетворительности существующего миропорядка - реализуется не только в отцельных образах, рассматриваемых в плане иронии. То же обнаруживается и на уровне структуры произведений. Так, каотическую структуру "Повествования" следует интерпретировать в плане ее соотнесения с ироническим в данном памятнике.2

Важный элемент эстетики иронического в прозе сэцува — сосуществование, сопряжение, противоборство различных точек зрения. И существенный момент при этом — нежелание автора проставлять однозначные акценты, четко декларировать свои позиции. Это — принцип эстетики иронического. В "Повествовании" этот принцип конкретно проявляется в том, что сменяющие друг друга сэцува, "налагаясь" друг на друга в сознании читателя, создают эффект смены точек зрения, а в конечном счете — впечатление зыбкости, непостоянства мировозэренческих, житейских, эстетических критериев, — и одновременно — впечатление их пестроты, разнообразия. Прозе сэцува свойственно стремление к концептуальному охвату мироздания. "Хаос" "Повествования", без сомнения, концептуален и содержит попытку охватить весь космос, создать его модель.

Рассмотрим этот вопрос более подробно. Сборники сэцува чрезвичайно многослойны, многосоставны. Включаемые в них короткие "расскази", как правило, несут в себе четкие стилевые признаки какого-либо определенного жанра — будинйской притчи, "простонародного" или "аристократического" анекдота, сказки, синтоистского предания и т.д. Разнородные по стилевым признакам "рассказы" не просто сосуществуют в едином контексте. Зачастую, как это происходит, например, в "Повествовании", несовместимые казалось бы стили нарочито чередуются.

На наш взгдял, речь илет не только об изощренном приеме стилевого контраста, возникающего от прямого сопоставления "несопоставимых" по языку, образам, поэтике "рассказов". В конечном счете. "корень" естественности, органичности переходов и сочленений между рассказами - в некой мировоззренческой основе самого принципа "соединения несоединимого". Этот принцип проистекает из желания "объять необъятное", пропустить через себя всю "вселенную" в ее противоречиях, крайних точках зрения, парадоксах. Парадоксальность - вообще характерная черта японского будлийского мировоззрения, в особенности - дзан-будлийского. Условием такого метода "всеохватности" является приятие идеи всеобщих причинно-следственных связей (закон кармы), в соответствии с которой человек - не только Творец, способный создать нечто самоценное, но прежде всего - живая частина живого вселенского тела. В самой илее "сопоставимости несопоставимого" заключается, таким образом, попытка рассмотрения "каждого во всем" и "всего в каждом".

Некоторую типологическую аналогию описанному принципу прозы сэцува мы находим в поэтике романтической иронии, где, согласно Шлегелю, господствует "стремление находить то в одном, то в другом индивидууме все содержание, намеренно забывая остальных" /3, 174/. Разница здесь в том, что буддийское мировозэрение благодаря идее всеобщей нравственной причинности никогда не позволяет "забыть остальных", тем более — "намеренно". Напротив, забыть о других явлениях космоса, рассматривая явление данное, можно лишь ненароком, увлекшись. В основе же стилистических и мировозэренческих "контрастов" прозы сэцува лежит принцип конечного единства всех, самых противоречивых и даже взаимоисключающих элементов во всеобщей гармонии. Вот почему самый принцип этот проявляется здесь столь свободно, органично.

Вместе с тем, в сэцува действует прием "остранения" - в связи с тем, что "объективированный" материал дает толчок опно-

временному развитию мысли автора и читателя в заданном автором направлении. Развитие мысли предугалывается и направляется самим материалом - способом его расположения. При этом "объективированный" материал представляет собой до некоторой степени как бы ступень на пути к постижению авторской "истины", а не самое Истину в последней инстанции. Действительность, таким образом, несмотря на кажущийся предельный пиетет к ней, проявляемый в прозе сэцува внешне, все же подчинена здесь авторскому высказыванию. Типологическая обоснованность такой сложной субординации объективированного высказывания и авторского с предельной четкостью охарактеризована Гегелем, сказавшим об иронической субъективности: "Эта крайняя точка эрения субъективности может возникнуть лишь в эпоху высокой образованности, когда погибла серьезность веры и от нее остается лишь представление о тщете всех вещей" / 2, УІІ, 175/. Как известно, эпоха создания "Повествования" и была временем глубокого социального и религиозного кризиса, в которое особенно усилилась и без того доминирующая в буддизме идея эфемерности сущего.

Литература

- Р.М.Габитова, Философия немецкого романтизма, М., 1978.
- 2. Гегель, Сочинения, М.-Л., 1934.
- 3. Литеретурная теория немецкого романтизма, Л., 1934.
- 4. Г.Г.Свиридов, Повествование, собранное в Удзи. "Народы Азии и Африки", № 1, 1978.

І Это сопоставимо с гегелевским определением принципа "трагической иронии" у Сократа. Согласно Гегелю целью иронической позиции Сократа было развитие внутреннего нравственного мира человека в направлении к овладению всеобщей идеей добра (См. 2, X, 48).

Как пишет Шлегель, "иронией является ясное сознание вечной подвижности, бесконечно полного хаоса" (Цит. по: I, 84). В этом свете и собственно хаотическая структура произведения может быть осмыслена как выражение "духа иронии". Для Шлегеля ирония, остроумие, острота — явления синонимичные. Остроумие, острота

как таковые играют важнейшую роль в составе "Повествования" и их влияние не может не учитываться при оценке общей художественной значимости произведения.

З Известно, что "для Шлегеля подлинно творческий дух несовместим с односторонностью, абстрактностью. Он (Шлегель) не считает для себя обязательной какую-либо одну возможную точку " (I, 82). Теоретическое обоснование метода Шлегеля соответствует эстетическим принципам "Повествования" и в более конкретных деталях. "Осуществляя в своем творении какой-либо определенный подход он (Шлегель) в то же время отрицает его, оставаясь свободным при осуществлении нового подхода, появлении нового взгляда (I, 82).

Примечательно, что суть воплощенной здесь идеи, бесспорно, адекватна шлегелевской мысли о том, что "творческая деятельность духа никогда не может быть признана окончательной, нашедшей свое завершение в каком-либо определенном творении. Каждое отдельное творение - лишь одна из сторон универсальной жизнедеятельности духа, заключающего в себе в зародыше все "мироздание" (I, 82).

Н.Н.Туманович

ЗАБЫТАЯ ПЕРСИДСКАЯ ОБРАМЛЕННАЯ ПОВЕСТЬ

Среди произведений персидского фольклора литературоведы выделяют группу так называемых о б р а м л е н н ы х повестей. По
своим жанровым особенностям они близки и к романическим повестям
типа "Нушафарин" и к занимательным рассказам - хикаятам. Исследователи персидской литературы объединяют их в отдельную группу по
формальному признаку: все они имеют характерную композиционную
особенность - набор занимательных рассказов, связанных рамочным
сюжетом. Так же построены и некоторые большие хикаяты. Отличие
рамочных хикаятов от обрамленных повестей, во-первых, в том, что
структура повестей часто более сложная - во вводный рассказ вплетается новый сюжет, который, в свою очередь, служит рамкой для
какой-нибудь истории и т.д.; во-вторых, в рамочном хикаяте больше
трех вставных историй нам не встречалось, тогда как в обрамленной
повести их бывает семь-девять и более; в-третьих, размеры повести,

как правило, в два-три раза больше хикаята.

Число известных обрамленных повестей персидско-таджикского фольклора пока исчисляется единицами. Это — "Бахтиар-наме или десять везиров", "Синдбад-наме или семь везиров", "Ширзад и Гул-шад или девять замков" и др. Такие повести были распространены на всем Переднем Востоке. Существуют, например, арабская, персидская, турецкая, сирийская, греческая, еврейская версии "Синдбад-наме". На основе народных вариантов создавались литературные произведения. Так, в XII в. аз-Захири ас-Самарканди написал свою "Синдбад-наме". Сравнение ее с народной версией, содержащейся в рукописях ЛО ИВ АН показывает, что, сохранив рамку и сюжетную схему, Самарканди значительно расширил повесть за счет многих рассуждений, подробностей, цитат; число вводных рассказов у Самарканди вдвое больше, но фабула их проще. В народной версии не названо имя Синдбада, поэтому для нее возможно лишь второе название этого сочинения — "Семь везиров". 2

В наши дни почти забита авторская обработка персидской обрамленной повести, озаглавленной "1001 день" ()). Ее автор — исфаханский дервиш Мухлис в 1675 году позволил французскому ориенталисту Пти де ля Круа сделать копию со своего труда. В 1710 году в Париже вышел перевод повести на французский язик, выполненный тем же Пти де ля Круа. Повесть имела успех и выдержала более десяти изданий без изменений текста перевода. 3

Название повести указывает на арабский цикл "1001 ночи", как на образец, послуживший Мухлису для подражания. И действительно, повествование в ней тоже делится на "дни", почти все темы "1001 дня" встречаются в "1001 ночи". Как правило, в них совпадают имена, сюжетная схема, последовательность эпизодов, Особенно близки между собой арабский и персидский варианты рассказа о Бадр ад-дине Лоло. Однако, в "1001 ночи" эти темы тонут в общей массе других, иного стиля, иной направленности. Разбросанные в разных местах обширного разнородного произведения, они имеют лишь одну цель — занять время скучающего героя.

"1001 день" -произведение несравненно более компактное, динамичное; разрозненные сюжеты сгруппированы в единый блок, имеют четко выраженную идейную направленность, более романтическую окраску. Рамочному рассказу в нем придан более глубокий смысл, иное звучание; тематический подбор вводных историй о мужском постоянстве в любви противопоставляет "IOOI день" так называемым книгам о женском непостоянстве и коварстве - "Тути-наме", "Бах-тиар-наме" и другим.

Сказанное отнодь не означает, что составитель повести "1001 день" черпал сюжеты непосредственно из цикла "1001 ночи". Во-первых, наряду с литературно обработанными, кодифицированными сводами этого произведения у народов Переднего Востока существовали на разных языках сходные сюжеты, иногда далеко отступающие от первоосновы, а иногда буквально соответствующие включенным в "1001 ночь". Во-вторых, еще в начале XIX века Хаммер-Пургшталь представил убедительные доказательства того, что сама "1001 ночь", так сказать, уходит корнями в персидскую почву. 5 Речь идет, конечно, не обо всем цикле, но о его ядре, основе.

Мы располагаем бесспорным свидетельством того, что рассказы, включенные в арабский цикл "1001 ночи", на персидском языке продолжали порознь передаваться из уст в уста подчас неграмотными рассказчиками. В каталоге Рьё описана рукопись, имеющая шифр от. 237. Это сборник из 20 занимательных рассказов на персидском языке, составитель которого (Рьё называет его автором) — Мухам—мад Казим б. Мирак Хусайн Музаффари Саджванди Хутби. Заметим, что этот случай пока единственный известный нам, где составитель записал свое имя.

Ръё датирует список концом XУІ – началом XУІІ вв., т.е. в период работы над "IOOI днем" Мужлис мог иметь его в своем распоряжении. В кратком вступительном слове Мухаммад Казим Саджванди писал, что достигнув 70-летнего возраста, решил литературно обработать рассказы, которые ему доводилось слышать "в собраниях". Почти все рассказы сборника встречаются в "IOOI ночи"; шесть из них — в "IOOI дне".

Саджванди поставил своей целью только стилистическую правку наиболее популярных рассказов. Мухлис, судя по изданию Пти де ля Круа решил более сложную творческую задачу — помимо литературной обработки подобрал рассказы о верных влюбленных и нашел для них подходящее обрамление.

Но быть может Мухлису, как и Саджванди не было необходимости искать и подбирать сюжеты? Вполне вероятно, что тематическая подборка рассказов о верных влюбленных была в репертуаре профессиональных рассказчиков. Знакомство с книгой, изданной на английском языке в 1780-х годах под названием Persian tales подсказы-

14 56

вает такую мысль.

Это издание не содержит сведений ни о переводчике. ни об оригинале, с которого делался перевод. Сравнение с "IOOI пнем" в переводе Пти не ля Круа убеждает в том, что обе публикании имеют один источник. Естественно возникает предположение, не является ли английский текст переводом с французского языка. Но в этом случае совершенно не понятно, почему английский вариант завеломо обеднен: издания 1710 и 1713 гг., которыми в этом случае должен был воспользоваться переводчик, имели пояснения де ла Круа к тексту; в английской публикации их нет. Английский вариант в полтора-два раза короче французского; большой рассказ о братьяхпери в нем опущен; нет постоянных возвращений к рамочному сюжету. где геромня высказывает свое отношение к услышанному рассказу; язык проще, снят ряд описаний, прямая речь сведена к минимуму; разделы более дробные; нет ни деления на "дни", ни заглавия произведения в пелом. В конце третьего тома имеется раздел: "Окончание истории кашмирской царевни", которым завершается рамочный спист. Так правомерно называть всю обрамленную повесть в этом варианте (ср. сказанное выше о "Семи везирах").

Не исключено, что близость текста английского и французского переводов объясняется другой причиной — существованием персидского оригинала, послужившего основой для литературной обработки Мухлиса, а через него — для перевода Пти де ля Круа. А спустя примерно сто лет персидский оригинал (устный или письменный) оказался в распоряжении англичанина.

Подготовка английского издания осуществлялась в 1770-х годах, в период особой активности англичан в Иране после получения ими торговых льгот от Керим-хана Зенда. Очевидно, среди них находились люди, смотревшие на Иран не только как на объект приломения торгового капитала, но и видевшие в нем проявление особой культуры. В этом смысле изданная в Англии "Повесть о кашмирской царевне" заслуживает внимания как показатель определенного интереса в самой метрополии к литературе Ирана, в том числе к литературе народной.

Местом записи повести были, видимо, районы, тяготевшие к Персидскому заливу — быть может, Шираз, столица Керим-хана, или же города, где находились английские фактории — Бендер-Бушир, Бендер-Аббас, Басра.

Что касается времени составления предполагаемого оригинала, то это не могло произойти ранее середины XVI века, ибо в повести (в обоих вариантах) упоминается шах Тахмасп, правивший в Иране в 1524—1576 гг. Думается, что описание рукописей персидской художественной прозн, находящихся в хранилищах Ирана, со временем внесет ясность в этот вопрос.

Включение хикаятов в тематическую подборку, обрамление сюжетной рамкой, стилистическая обработка их создавали новое литературное произведение, в котором каждый хикаят был зафиксирован на определенной стадии его развития. Но никакие сборники, подборки, повести, "рамки", циклы не могли задержать дальнейшее развитие хикаята как самостоятельного произведения. Популярные занимательные рассказы продолжали свое существование, изменяясь под влиянием запросов и вкусов рассказчиков и слушателей, читателей и писателей, но до тех пор, пока сохранялась основная, главная идея рассказа или его сюжетная схема сохранялась и возможность идентифицировать рассказ, прошенший многовековой путь развития. В частности, вводные рассказы рассматриваемой повести "1001 день" или "О кашмирской царевне" уходящие корнями в более далекое проплое, чем время составления этой повести, претерпели значительные изменения, но не утратили своей популярности в последующие столетия. Они встречаются в рукописях соорников хикаятов коллекции ЛО ИВ АН, которые датируются рубеком XYIII-XIX вв.

Сюжет первого вводного рассказа об Абу-л-Касеме близок к четвертому нашей рукописи А 103. Рассказ о Ризваншаде (2-й вводний из повести) перекликается с двумя нашими хикаятами; оба они есть в списке В 256-8-й и 48-й по порядку. История Кулуфа и Дилара соответствует рассказу о кирпичнике в А 103_{16} . Известный сюжет о Турандот из повести "1001 день" или "О кашмирской царевне" встречается в наших рукописях в двух версиях и многих списках (например В 256_{10} С 1502_{1} и др.). Рассказ о Фадлалле из повести близок в основной своей части к нашему А 103_{1} . Рассказ о поисках беспечального (о Бадр ад-дине Лоло из повести) соответствует А 103_{11} лишь в завязке. Истории Малека и Ширин есть параллель в А 103_{13} , а рассказам об Аруйе и Наср ад-дауле — в А 103_{12} и А 103_{8} соответственно.

I См. Мухаммад аз-Захири ас-Самарканди. Синдбад наме. Пер. М.Н.Османова, М., 1960.

- ² Повесть о семи везирах содержится в рукописях собрания ЛО ИВ АН — В 4496, лл.2I6-676; С 809, лл.19а-556; С 1640, лл.2556-286a.
- Les Mille et un jours. Contes Persans, traduits en Francois par M.Petis de la Croix, t. I-5, Paris, 1710-1712; то же: Amsterdam 1711-1713; то же: t. I-3, Paris, 1826; то же в одном томе: Paris, 1840.

V.Chauvin, Bibliographie des ouvrages arabes ... tt. IV-X, Paris, 1900-1907, t. IV, p.126-130.

- CM. V.Chauvin, Bibliographie, t. V, p. 8, 49, 130, 133, 137, 142, 174, 191, 232, 286; t. VI, p. 13, 50, 180, 159; t. VII, p. 1, 64, 119.
- J. de Hammer, Sur l'origine des Mille et une Nuits, Journal Asiatic, 1827, p.253-256; J. de Hammer-Purgstall, Note sur l'origine persane des Mille et une nuits, J.A., 1839, p.171-176.
- Ch.Rieu, Catalogue of the persian manuscripts in the British museum, vol. II, London, 1881, p.759-760.
 - Persian tales, vol. I-III, Coburg, 1780-1785.

0.Л.Фишман

"ВЛАДЫЧИЦА ОЗЕРА СИХУ" ПУ СУН-ЛИНА И СТРУКТУРА КЛАССИЧЕСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

Если для представителей "историко-географической" школы важейшим фактором для отнесения произведения к жанру сказки является наличие в нем сказочных мотивов, то для школы В.Я.Проша этим фактором является синтагматическая последовательность функций (поступков персонажей). Наличия сказочного мотива недостаточно: о жанре сказки можно говорить только тогда, когда мотивы в произведении организованы в повествовательную ценочку, подчиненную специфическим законам "морфологии" сказки.

Проанализируем произведение Пу Сун-лина "Владичица озера Си-

- ку", 2 используя методику и терминологию В.Я.Прошпа.
- І. "Исходная ситуация" (в символах Прошпа "1") сообщает предварительные данные о герое: его имя (Чэнь Би-цзяо), место рождения и социальный статус ("Семья обеднела, и он стал секретарем у главнокомандующего Цзя"). Кажущаяся нарочитой скупость этих сведений (по сравнению с другими крупными произведениями Пу Суилина) и неопределенность времени действия соответствуют сказочной традиции.
- II. Чэнь сопровождает Цзя в его служебной поездке. Они иливут по озеру Дунтин, ср. XI-ю функцию Проппа ("отправка" обозначение!).
- III. Цзя стредяет в показавщуюся на повержности озера игуану и ранит ее. Игуану и держащуюся за ее квост рыбу втаскивают в джонку. Игуана жалобно смотрит на Чэня, разевая рот, словно моля о помощи. Раненое животное появляется обычно как "даржтель" в ХІІ-й функции Проппа ("Испытание героя, подготовляющее получение им водшебного средства или помощника" "Д"), как правило, в подвиде "Д⁴" или "Д⁵" ("героя просят об освобождении или пощаде"), но игуану ранил и поймал не герой (Чэнь), а второстепенный персонаж Цзя, благодаря чему "герою предоставляется возможность оказать услугу. Объективно здесь имеется испытание, котя субъективно оно не ощущается как таковое героем (обозначение д⁷)". З
- ІУ. Чэнь уговаривает Цзя отпустить "пленников", смазывает рану игуаны лекарством, бросает ее и рыбу в озеро. В терминах Проппа это функция XIII ("Терой реагирует на действия будущего дарителя "Т"). В нашем случае "Т" герой оказывает услугу, соответствующую просьбе и продиктованную его добротой.
- У. Через год Чэнь со своим слугой возвращается домой, на север; джонка плывет по озеру Дунтин. Ветер опрокидывает джонку, но Чэню и слуге удается спастись. Оба голодны и идут в окружающие их холмы искать деревню (этот эпизод можно рассматривать как "пространственное перемещение между двумя царствами", т.е. как функцию ХУ "R", в варианте "R²" перемещение по воде и по суше).
- УІ. Чэнь и его слуга видят двух женщин в мужской одежде, вооруженных луками и скачущих на конях в сопровождении множества вооруженных всадниц. Их слуга, заметив двух людей, советует им уйти: здесь охотится Владычица озера Сиху, и если "смертных" увидят, их убырт. Чэнь и его слуга в испуге углубляются в лес,

где видят дворец, окруженный стеной. За стеной — сад, заросший огромными растениями и цветами в человеческий рост. В другом саду стоит беседка и на огромной высоте висят качели. (Описание женщин, предостережение их слуги, описание сада служат как бы индикатором "иного" мира; действия Чэня изофункциональны "неузнанному прибытию" — функция XXIII, обозначение — "X").

УІІ. Услышав топот копыт и женский смех, Чэнь и его слуга прячутся в кустах. В сад входит девушка, ехавшая с Владычицей озера Сиху. Покачавшись на качелях, она уходит во дворец. Подняв оброненный ею платок, Чэнь заходит в беседку и пишет на нем стихи, выражая восхищение красотой владелицы платка (морфологически сходно с функцией ХУІІ — "клеймение" — "К" — во втором ее варианте — "Терой получает кольцо или полотенце"; в то же время реакцию Чэня можно рассматривать как "проявление им присущих ему качеств" — поэтического дарования, т.е. как "вторичную реакцию на действия будущего дарителя" — XIII bis⁵).

УІІІ. Чэнь хочет выйти из беседки, но она заперта. Заметившая его служанка угрожает ему казнью за то, что он проник в сад и подглядывал за барышней. Чэнь просит ее отдать барышне платок. Вернувшись, служанка приносит еду и вино: стихи понравились. (Ослабленное морфологическое сходство с какими-то другими сказочными элементами, типа — "обретение невести-помощницы", "улучшение", "спасение от опасности"; такие случаи В.Я.Пропп относит к "неясным элементам", обозначая знаком "N". Но важно подчеркнуть, что для сказки они тоже характерны).

IX. Чэнь проводит ночь в страхе. Утром Владичица озера Сиху, услыхав о присутствии в ее владениях "смертного", велит привести его. Она узнает в Чэне своего спасителя и решает отдать ему в жены свою дочь (функция XXVII - "Узнавание" - "У").

X. После свадьбы новобрачная объясняет Чэню, что ее мать была спасенной им игуаной, а она — рыбой, пойманной вместе с игуаной. Она делится с Чэнем секретом долголетия. (Здесь совмещены функция XXXI — "свадьба с царевной" — "С $_*$ " — и функция XIУ — "получение волшебного средства" — " $_*$ ", в нашем случае — "секрета полголетия").

XI. Проведя несколько дней во дворце, Чэнь начинает тосковать по дому. Он возвращается домой (функция XX, обозначение -↓), со множеством драгоценностей, в богатой одежде, с большой свитой. Он богато и счастливо живет со своей "земной" женой, у них рожда-

ется пять сыновей (здесь ассимилируются два подвида функции "С" — возобновленный брак с "земной" женой — "с 2n + обретение богатства "с 3n).

Но на этом действие не кончается. Однажды Лян (друг Чэня), плывя по озеру Дунтин, увидел сидящих в роскошной джонке молодого человека и девушку лет 16-ти. Узнав Чэня, Лян окликнул его, тот пригласил друга на свою джонку, устроил богатое угощение, а потом, объяснив, что плывет на запад, а не домой (на север), посоветовал Ляну вернуться к себе на джонку. На следующий день, Лян, вернувшись домой, сразу пошел к Чэню. Тот отрицал, что Лян видел его в джонке и, смеясь, спросил: "Разве я владею искусством «раздвоения»?". Когда Чэнь умер, ему был 81 год. Гроб его оказался таким легким, что его открыли и увидели, что он пуст ("житийный" мотив).

Таким образом, развитие сюжета ведет, как в классической волшебной сказке, к изменению положения героя ("улучшению" его социального статуса), к установлению личного благополучия (Чэнь получил и богатство, и жену-царевну, но не "пол-царства", т.к. не остался в "том" царстве). Бедняк Чэнь стал богачем, обладателем "секрета долголетия", отцом пяти синовей (предел мечти супружеской пары в старом Китае) и, видимо, бессмертным.

Помимо отмеченных нами аналогий по крайней мере с 10-ю вылеленными В.Я.Проппом функциями (которые в их синтагматической последовательности можно представить в виде формулы: $i/a/\hbar \pi^7 \Gamma^7 R^2$ $x^2 K^2/?/ y c^*/=z / \psi c^2+c^3$), отметим наличие таких распространенных в мировом фольклоре (и, в частности, в волшебной сказке) мотивов. как мотив иного, чем в "этом" мире, протекания времени в "том" мире (Чэнь пробыл в "том" мире всего несколько дней, но "земная" его жена более года носила по нему траур; вернувшись домой, Чэнь провел там столько времени, что успели родиться пять сыновей, но его "чудесная жена" повзроследа лишь на год, да и сам Чэнь, видимо, тоже подчиняется законам "волшебного времени": Лян видит его в джонке совсем молодым⁸) и мотив возможности существования героя в "этом" и "том" мирах одновременно. 9 Пространственная оппозиция "этот-тот" мир, занимающая важное место в рассматриваемом произведении Пу Сун-лина, аналогична оппозиции "человеческий/нечеловеческий", которая "на макрокосмическом уровне локализуется в виде противопоставления своего и иного царства". 10

Думается, что сказанного достаточно, чтобы назвать наш текст волшебной сказкой. Основное его отличие от классической волшебной

сказки — отсутствие второго члена центральной оппозиции: "предварительное испитание/подвиг". "Специфической для волшебной сказки является двойная оппозиция предварительного и основного испитаний... средство противостоит цели, проверка правильности поведения — сказочному подвигу". II

Чэнь выдерживает "предварительное испытание", проявив доброту к раненой игуане, I2 подвига же ему и не нужно совершать, ибо он не ставил себе цель добыть в жены царевну, или какую-либо иную цель. Поэтому в сюжете отсутствуют "вредительство", "антагонист", препятствующий достижению "цели", "помощники", способствующие ее достижению. Потенциально враждебные герою силы — зооморфные по своему происхождению обитатели "того" мира — сказываются дружественными "дарителями". Поэтому-то и оказалась возможной асмимляция XIУ-й функции ("снабжение", "получение волшебного средства") с XXXI-й ("свадьба"), которая в классической волшебной сказке является конечной целью, а следовательно и развязкой сюжета (т.е. получение волшебного средства, обично служащего для достижения конечной цели, здесь становится одной из изначальных натрад).

Рассматриваемая нами сказка Пу Сун-лина подтверждает очень ажное наблюдение авторов уже цитировавшейся статьи о том, что отличие от закона троичности, специфического для европейской казки, в китайской сказке преобладает двоичность". В нашем тесте персонажи, как правило, виступают попарно: Чэнь и Цзя, игуана рыба — они же две охотници (Владычица озера Сиху и ее дочь), их луга и служанка, Чэнь и его слуга, Чэнь и его "чудесная жена", тэнь и его "земная" жена, Чэнь и Лян. Двоичность наблюдается и в действиях персонажей: Чэнь пражды проявляет реакцию на действия удущего дарителя (эпизоды ТУ и УП), от слуги и служанки исхочит предостережения об опасности пребывания в "ином" царстве, луга и служанка — оба кормят Чэня ...

Отличия рассмотренного текста от схемы классической волшебсой сказки объясняются как региональными особенностями, так и разложением структуры фольклорного жанра в авторской литературе, однако важно показать, что метаязык описания сказки может послужить для определения жанровых особенностей некоторых подвидов литературной прозы в сборниках бицзи.

I При анализе отдельного текста можно говорить о последова-

тельности мотивов, сознавая, что они являются реализацией более абстрактных "функций": "...специфика волшебной сказки оказалась заключенной не в мотивах (не все, но многие сходные мотивы оказалось можно найти и в других жанрах), а в неких структурных единицах, вокруг которых мотивы группируются" (Е.М. Мелетинский, Структурно-типологическое изучение сказки. — В кн.: В.Я.Пропп, Морфология сказки. Изд. 2. М., 1969, с.136).

- 2 Пу Сун-лин, Ляо Чжай чжи-и. Пекин-Шанхай, 1962, т. II, c.646-654 (на кит.яз.).
 - 3 В.Я.Пропп, Морфология сказки, с.42.
- 4 Типичная для волшебной сказки "фантастическая" гипербола, призванная подчеркнуть иную природу "того" царства.
- В.Я.Проши приводит ряд примеров "двойного морфологического значения" одной функции (В.Я.Проши, ук. соч., с.62-64). Функция XVII (или XIII bis) в нашем случае стоит после функции XXIII, т.е. мы имеем дело с "обращенной последовательностью" функций (там же, с.97).
- 6
 Так мы переводим выражение фонь шэнь (☒У); в буддий—ской терминологии оно означает явление святого в разных ипостасях в одно и то же время.
- 7 1/a/ - исходная ситуация, содержащая в себе констатацию "недостачи".
- "Связь "биограймческого" времени с пространственными перемещениями организует скжет о волшебном сохранении молодости у героя, находившегося в путешествии по чудесным и дальним странам" (С.Ю.Неклюдов, Статистические и динамические начала в пространственно-временной организации повествовательного фольклора. В сб.: Типологические исследования по фольклору, М., 1975, с.189).
- Говоря о возможности одновременного пребивания человека в двух мирах, или в двух частях "этого" мира, В.Г.Богораз имеет в виду не пространственные перемещения героя, а структуру пространства, систему соответствий между мирами, присущую вселенной, в которой существа обладают двойным бытием, или какие-то участки пространства одновременно являются частями этого и другого мира

(W.Bogoras, Ideas of Space and Time in the Conception of Primitive Religion. - "American Anthropologist". Vol. 27, N 2, April-June 1925, p.233-237).

10 Е.М.Мелетинский, С.Ю.Неклюдов и др., Проблемы структурного описания волшебной сказки. - Труды по знаковым системам. IУ. Тарту, 1969, с.102.

II Tam me, c.9I.

"Предварительное испытание имеет характер не сурового ритуального искуса, а проверки некоторых качеств героя" (там же, с.90).

Tam me, c.I3I.

Лж. Хайдари

РОМАНТИЗМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ШАКИРА ФАТТАХА

Шакир Фаттах — крупнейший курдский прозаик и публицист нашего века. В течение сорока лет он плодотворно трудился на разных
фронтах литературной деятельности, все силы отдавая просвещению
курдского общества. В произведениях Ш.Фаттаха отражена борьба целого поколения с рутиной и косностью, опутавшими все сферы окружавшей их жизни. Основным в своей деятельности писатель считал
пропагандирование и распространение курдского языка. Он преподавал в школе, публиковал книги и брошоры, даже участвовал в выпуске стенгазет. В течение многих лет Ш.Фаттах занимает крупные государственные посты. В начале 40-х гг. он был градоначальником и
своей властью открыл множество вечерних школ, в которых сам же
преподавал курдский язык.

В творчестве Ш. Фаттаха можно отметить несколько литературных направлений, последовательно сменявших друг друга. Эстетические взгляды писателя развивались в лоне общего литературного процесса, и в начале своего творческого пути Шакир Фаттах испытал значительное влияние романтизма, получившего в то время распространение в ближневосточных литературах. Первая новелла Ш.Фаттаха, опубликованная на страницах журнала "Диари Лаван" в 1934 г., называлась "Несравненная женщина". То было небольшое поэтическое произведение — своеобразный гимн супружеской любви, прекрасный образец романтической прози, весьма распространенной в первые десятилетия XX в. в курдской литературе.

Главний герой этой новеллы — простой старик — вспоминает счастливо прожитую жизнь, начало своей молодой любви, которую он сохранил к жене до глубокой старости. Повествование начинается с того незабвенного дня, когда он встретил Гулчин. "Крестьянская дочка Гулчин для меня достойнее шахини, она красивее пери, нежнее ангела". 2

Вместе с героем мы путешествуем по волнам его памяти, следя за тем, как развивалось его чувство, как долго скрывал он его от любимой и томил себя и ее молчанием. Самыми нежными сравнениями наделяется образ любимой: "На ветвях моей жизни цветет только один цветок - это ты. Я хочу быть соловьем, чтобы петь только для этого цветка. Ты единственный в мире цветок, обладающий свойством дарить жизнь. Я кочу быть бабочкой, чтобы своими крыльями укрыть тебя от чужих жадных взоров". З Герой новедлы - простой человек. но любовь к жене сделала его поэтом. Когда он описывает красоту Гулчин, язык его становится необычайно звучным и образным: "Она была подобна розе, распретающей в ночи и наполняющей все своим ароматом, я же был соловьем, сидящим на ветке и охраняющим ее покой". 4 Традиционность метафор для любовной лирики Востока соединяется у Ш.Фаттаха со свежестью восприятия окружающего мира. Все богатство курдского языка ожило под пером писателя, зазвучало, заиграло яркими красками. Чистота родной лексики в этой новелле была настолько абсолютной, что при ее первой публикации редакция предпослала такой подзаголовок-аннотацию: "образец курдского языка".

Ш.Фаттах — выдающийся мастер жанра короткой прозы. На нескольких страницах он перелистывает целую человеческую жизнь, показывая, в каком взаимопонимании и согласии могут жить муж и жена: "Я созидатель — она мой судья, я открываю ей душу, она свой долг выполняет молча, я смел в поступках, она независима в мыслях, но одно у нас счастье, одни у нас горести".

Язик новелли кроме внешней живописности замечателен и определеным ритмическим звучанием, поэтому жанр этого произведения хочется определить как "стихи в прозе":

"Этот сад — наш дом, тень чинары — обитель, цветы и зелень — ковер под ногами, аромат роз нам вместо благовоний. Нас здесь на-вещают друзья — голуби и соловьи, слух услаждают журавлиные клики, журчанье воды, шорохи листьев. Ночь дорогие светильники дарит — луна и звезды нас освещают". За этими приподнятыми строками — бедность героев новеллы, которые начали совместную жизнь, не имея даже крыши над головой. Но любовь и преданность друг другу помогли им вынести тяготы жизни. Безмятежные картины новеллы не были созвучны реальной жизни курдского общества 30-х годов нашего века. Однако романтически настроенный писатель искал корни социального зла в личных отношениях между людьми и надеялся, что подобными литературными примерами он может научить людей быть счастливыми: "У нас два тела, но одна душа, один ум соединяет две головы, на две груди — одно сердце, оно бьется, чтобы из двух жизней сделать одну и наполнить ее красотой". 7

Взаимная любовь и согласие в семье укроют людей от всех несчастий и согреют их жизнь до последних дней: "Мы постарели, выпали зубы, волосы наши седы и согнуты спины, но никогда не пролегала меж нами размолвка и сейчас я люблю и любим, как прежде".

В 40-е годы Ш. Фаттах выступил на литературном поприще как страстный публицист. Статьи и очерки его также демонстрировали блестящее владение словом, поэтическую приподнятость языка, которые так полно проявлялись в художественном творчестве писателя. Публицистика Ш. Фаттаха также отмечена влиянием романтизма, и прослеживается это совершенно четко. Вот один из примеров — статья "Мелодия бедности", опубликованная в журнале "Галавеж" в 1942 г.

Статья является поэтическим воззванием к сильным мира сего, к голосу их совести. По ней можно судить о политических взглядах писателя, о его гражданской позиции. Ш.Фаттах не понимал классовой природы социальной несправедливости, экономической основы существующего строя. Горячим словом он хотел пробудить сознание одних и совесть других и изменить таким образом существующую жизнь.

Эпиграфом к статье послужили следующие строки: Война и дороговизна —

— это близнецы-братья,

и породило их

ненавистное богатство.

А после эпиграфа автор сделал такой подзаголовок:

"Обращение к богачам":

Ты такой же, как я, не лучше, и не хуже. Мы оба рождены матерью. Ты человек, и я человек, так почему же ты хочешь связать мне руки?! Вчера еще ты был такой же бедняк, как я, но у тебя оказалось больше силы, ты не удовлетворился долей, полученной от бога, и захватил мою.

0, богачи, вкушающие яства, облачающиеся в драгоценные одежды, живущие в роскоши в окружении красавиц, у вас нет веры, нет души, сердца ваши черны, вы звери, а не люди. Но верю, день придет, когда вы сгинете навечно, и люди равенство обретут, блага поделят справедливо между собой, как братья, станут жить.

Этические взглялы Ш.Фаттаха нашли свое отражение в таких статьях, как "Кандалы богачей" IO и "Мой современник". II В них писатель решает вопросы общечеловеческого счастья, соотношения счастья и свободы, свободы и общественной морали. Обе статьи написаны в художественной форме внутреннего монолога. Устами героев свобода провозглашается непременным условием счастья. В "Кандалах богачей" крестьянин убегает от своей хозяйки и мысленно обращает к ней такие слова: "Уйдя от вас, сорвал я путы с ног своих, печаль и старость стер с лица". "Я счастлив, обретя свободу и право не склонять ни перед кем голови". Теперь он может осуществить свою мечту: "Я буду работать для себя и буду жить своим трудом". Статья "Мой современник" написана от первого лица и ее лирический герой, по всей видимости, не принадлежит к эксплуатируемому сословию. Но он такой же искатель свободы, как и крестьянин в "Кандалах богачей", и в своих поисках счастья готов отвергнуть и проклясть все существующее современное общество: "Жить узником я не хочу нигде , в тюрьме или в собственной семье, прогнивший мир не соблазнит меня ничем: небесным счастьем ли или земной красой".

Герой "Моего современника" обращается к своим единомышленникам последовать его примеру. При этом, поскольку он отвергает все установки "гнилого общества", то ищет друзей независимо от их национальности, вероисповедания и социального положения.

Таким образом, романтизм с его утопическими представлениями о полной свободе, бунтом личности против существующих порядков и уходом в некий абстрактный мир, где можно жить в соответствии со своими взглядами, был литературным кредо Ш.Фаттаха, в начале его пути. Но романтические произведения писателя не составляли зна-

чительной части его литературного наследия. Довольно бистро Ш. Фаттах отходит от этого направления. Однако след его остается: стилистическая природа романтизма ярко проявляется и в позднейших произведениях. Думается, что роментические новедлы и статьи Ш. Фаттаха сказали собственное веское слово и получили определенное социальное звучание в развитии курдской прозы вообще. Герои этих произведений, как правило, несут в себе откровенный бунтарский дух. так или иначе противостоят окружающей действительности. Важно также то, что отринание существующего всегда соединяется у Ш. Фаттаха с поиском истинного пути, попыткой найти и дать правидъное решение поставленных вопросов. Вполне естественно, что эти социальные искания писателя на каком-то этапе неминуемо должны были оказаться в тупике, ибо бунт романтической личности, активный или пассивный, приводит только к одному - уходу от окружающего мира, отказу от него. Социально активная мысль Ш. Фаттаха в поисках выхода, естественно, устремилась к другим решениям проблемы: писателя увлекли просветительские идеи, возможность изменения общества с помощью распространения знаний и повышения культурного уровня людей. Романтизм же, отвергнутый как оружие борьбы, остался прекрасной поэтической страницей в курдской литературе, пробуждая своей лирой добрые чувства.

I См. "Диари Лаван", 1934 г., Багдад, с.79-85.

² См. "Диари Лаван", с.79.

Там же, с.82.

там же, 1934, Багдад, с.8I.

⁵ См. "**Лиа**ри **Лаван".** 1934, Багдад, с.80.

б Тамже, с.83.

⁷ Там же, с.8I.

в Там же. с.84.

⁹ Шакир Фаттах, Журн. "Талавеж", 1942, № 3-4, с.19-22.

10 Шакир Фаттах, "Кандалы богачей", журн. "Галавеж", 1942, № 5-6, с.69-71.

II Шакир Фаттах, "Мой современник", журн. "Талавеж", 1942, № 7-8, с.8I-83.

языкознани в

В.И.Гохман

О МЕСТЕ ЯЗЫКА НАДПИСИ РАМАКАМХЕНГА В ГЕНЕТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАПИИ ТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Надпись на стеле Рамакамхенга — первый известный нам памятик тайской письменности. Как следует из самой надписи, она датируется I292 г. В надписи говорится о том, что кхун (король) Рамакамхенг является создателем первой тайской письменности. Сейчас доказано, что в действительности Рамакамхенг не создал тайскую письменность, а реформировал ее. Но памятники исходной тайской письменности не домли до нас, и язык надписи Рамакам-хенга до сих пор остается самой древней формой тайского языка.

Надпись Рамакамхенга была создана в государстве Сукхотхай, одном из первых тайских государств на территории Таиланда. Суккотхай считается первым сиамским государством, и тайский период
в истории Таиланда отсчитывают со времени образования королевства Сукхотхай. Почти одновременно с Сукхотхай на территории
северного Таиланда образовалось другое крупное политическое
объединение — королевство Чиенгмай или Ланна (1292 г.). Эти два
государства включали в себя большую часть территории современного Таиланда.

Вопрос о классификационной принадлежности языка надписи Рамакамхенга до сих пор не решен. Письменность этого памятника, подобно большинству тайских письменностей индийского происхождения (кроме ахом и шанской) является этимологической. Она отражает древнетайскую фонетику того периода, к которому относится создание письменности, и не фиксирует тех фонетических изменений, которые произошли повже и лежат в основе классификации тайских Лексика также не позволяет дать точного ответа на интересующий нас вопрос. В свое время К.Браджи выявил все лексические параллели словарного списка надписи. Оказалось, что несколько употребительных слов общие с языками лао и юан и не родственны сиамским. Однако таких слов очень мало. Они могли исчезнуть в сиамском позднее. Кроме того, не ясно, к какому из языков — юан или лао — ближе язык стедлы. Лексически юан и лао очень близки, а генетические расхождения между ними значительны.

М.Браун считает, что язык стелы Рамакамкенга — генетически наиболее отклоняющийся из всех близкородственных тайских языков; снамского, лао, юан и шанского. По мнению М.Брауна он является предком современных киных диалектов сиамского языка. 4 На мой взгляд эти предположения М.Брауна аргументированы слабо. В предлагаемой им схеме эволюции тайских диалектов вообще много схематизма или просто неправильных утверждений (см. ниже).

Иногда можно встретить весьма безапеляционные высказывания относительно классификационной принадлежности языка стели Рамакамкенга, например: "Сиамский язык, для которого была создана письменность Рамакамкенга, выгравированная на стеле в I292 г., должен был быть шанским, так как нет доказательств того, что лао проникали в долину р.Менам в предшествующий период." В подкрепление своего предположения автор не приводит ни одного аргумента.

В настоящей статье предпринята попытка определить, к какому из современных тайских языков наиболее близок язык стелы Рама-камхенга.

ахом, языки черных и белых таи ($\int_{\mathbf{b}} J$, $\int_{\mathbf{d}} J$, $\int_{\mathbf{g}} J$ — $\int_{\mathbf{p}} J$, $\int_{\mathbf{t}} J$, $\int_{\mathbf{k}} J$). Однако письменность стелы Рамакамхенга не дает ответа на вопрос о характере этих звуков в языке Сукхотхай. Кроме того, не известна и абсолютная датировка оглушения звонких. Следовательно, исходя лишь из этого признака, язык надписи Рамакамхенга может быть отнесен к любой из двух указанных подгрупп.

Но в письменности стелы Рамакамхенга есть одно отклонение от этимологического принципа этой письменности, которое может помочь решить поставленную задачу.

Прежде всего рассмотрим систему заднеязычных инициалей прототайского языка. Этот ряд состоял из пяти фонем: $\int_{\mathbb{R}} J$, $\int_{\mathbb{R}} h J$, $\int_{\mathbb{R}} J$, $\int_{\mathbb{R}} f J J$, $\int_{\mathbb{R}} f J$, $\int_{\mathbb{R}} f J J$, $\int_{\mathbb{R}} f J$

Каким образом мог проходить процесс слияния фонем в этих языках и диалектах? В каждой подгруппе он протекал по-разному, причем если для сиамско-лаосской подгруппы возможны три теоретических варианта, то для шанско-юанской — лишь один. Начнем с последнего.

- I. Шанско-юанская подгруппа.
 - а. Звонкие перешли в глухие

б. $[x] \rightarrow [kh]$ (шанский) или $[kh] \rightarrow [x]$ (юан). Второй этап (б.) не затронул язык бедых тай, где $[kh] \neq [x]$. Средневековый язык юан XVI в., известный из китайских записей как $[\times] = [x]$ также не претерпел еще этого второго изменения, о чем свидетельствует произношение китайских иероглифов, передающих соответствующие слова языка ба бай [x] = [x]. Этот факт доказывает, что реконструкция М.Брауном этапов фонетической эволюции

Чиенгмайского диалекта не соответствует действительности. М.Браун предположил, что переход $\lceil \frac{1}{2} \rceil$ в $\lceil \frac{1}{2} \rceil$ в Чиенгмайском диалекте относился к самым ранним периодам его эволюции (до XIII в.).

II. Снамско-лаосская подгруппа.

T

а. Звонкие перешли в глухие.

а. Щелевые перешли в смычные

$$[Y] \rightarrow [g]$$

$$[x] \rightarrow [kh]$$

б. Звонкие перешли в глухие прилихательные

- a. [Y] [B]
- 6. $[g] \rightarrow [kh]$ $[x] \rightarrow [kh]$

Каков был реальный путь эволюции фонетической системы свамско-лаосской подгруппы-не известно. Не исключено, что различные языки и диалекты этой подгруппы претерпевали фонетические изменения по-разному. Однако третий вариант имеет примое отношение к интересующей нас теме.

Дело в том, что в письменности Рамакамхента существует лишь четире букви для передачи пяти вышеперечисленных заднеязичных инициалей: Л , 2 , 2 , Л , Вуква Л , передающая звук [7] в письменности Рамакамхента отсутствует, а слова где должна была би бить Л пишутся с начальной Л . Это свидетельствует о том, что [8] и [7] в языке Сукхотхай представляли собой одну фонему [8] либо [kh], в том случае, если оглушение звонких уже произошло ко времени создания надписи. Таким образом, язык стелы Рамакамхента не мог принадлежать к диалектам шанско-юанской подгруши, где звуки [8] и [7] имели разную историю и дали в современных диалектах разные фонеми. Он мог принадлежать лишь к тем диалектам, где [8] и [7] превратились в одну фонему, т.е. к сиамско-лаосской подгрушие. Путь фонетической трансформации в языке стелы соответствует третьему варианту, релевантному пля сиамско-лаосской подгруши.

Теоретически не исключено, что язык стелы Рамакамхенга

представлял собой самостоятельную подгруппу, где $f Y f \to f_g f$, а затем $f_g f \to f_k f$, т.е. глухой непридыхательный. Однако, поскольку не известен ни один тайский язык юго-западной подгруппы, где можно наблюдать подобный путь фонетического изменения инициадей, такая возможность маловероятна.

Следовательно, язык стелы Рамакамхента скорее всего относидея к сиамско-даосской подгруппе вго-западной ветви тайских языков. Вопрос о том, был ли он непосредственным предпественником сиамского языка, пока остается открытым. В более поздних памятниках письменности государства Сукхотхай мы находим уже обе буквы, Р и Р. Неизвестно было ли появление Р в этих памятниках простой данью традиции или связано со сменой диалекта.

То, что государство Сукхотхай было связано в первую очередь с лаосским этническим компонентом, подтверждается и рядом исторических данных. Как известно из надписи Рамакамхенга, в состав государства Сукхотхай входили территории на р. Меконг и его притоке р. У, а также княжества Ман, Пхла и Пхлуа и Чава (Дуанг Прабанг). Все эти территории в настоящее время населены лао. Король Рамакамхенг согласно сведениям хроники Чиенгмая совершал перемонии очищения на берегу Меконга, где находились традиционные места для совершения священных омовений.

Таким образом, два крупнейших государства, образовавшиеся В XIII столетии на территории Такланда — Суккоткай и Чиенгмай уже в тот перкод несколько различались по этнической принадлек ности тайского населения этих государств. Формирование двух центров государственности в долине р. Менам объясняется, повиди мому, не только политическими, но в какой-то мере и этническими причинами.

The oldest known Writing in Siamese - "The Journal of the Siam Society", vol.6, 1909, pt.1; G.Coedes, Recueil des inscription du Siam: I.Les inscription du Sukhodaya, Bangkok, 1924.

A.G.Haudricourt, Les arguments geographique, ecologique, et semantique pour les origine des Thai, - "Readings on Asian Topics", 1970.

C.B.Bradley, Op.cit.

J.M.Brawn, From Ancient Thai to Modern Dialects, Bangkok, 1965.

- L.Briggs, The Appearance and the Historical Usage of the Terms Tai, Thai, Siamese and Lao, "Journal of the American Oriental Society", vol.69, 1949, 2.
- Классификация Ли Фан-гуя. См. Li Fang-kuei, Classification by Vocabulary: Tai Dialects, - "Anthropological Linguistics", 1/2, 1959, p.15-21.
- А.Одрикур полагает, что она относится к периоду до XIII столетия. Он привел в пользу этого мнения ряд свидетельств, но не доказал окончательно. См. A.G.Haudricourt, Op.cit.
 - 8 Буквы приведены в современной смамской графике.
- H.Izui, Decipherment of the Pa-Po Vocabulary and the Epistles, - "Memoirs of the Department of Literature. Kyoto University", 2, 1953.
 - 10 J.M.Brawn, Op.cit.
 - C.B.Bradley, Op.cit.
 - 12 Н.В.Ребрикова, Таиланд. Социально-экономическая история (XIII-XVIII вв.), М.1977.

И.С.Гуревич

HEKOTOPHE OCOECHHOCTU UMEH B KUTAÑCKOM RIHKE III-Y RB.

Применив синтаксический критерий для классийнкации знаменательных слов китайского языка III-У вв., мы получили 6 групп (или классов) слов. Слова, входящие в каждую из групп, характеризуются общим грамматическим значением. ^I

Предлагаемое сообщение посвящено характеристике одного из шести полученных классов, а именно - класса имен.

В обследованном тексте² выделилась большая группа слов, обозначающих предмет в широком смысле и употребляющихся в следующих функциях³: подлежащего (сокращенное обозначение S), дополнения (сокращенное обозначение O), именной части связочного сказуемого (сокращенное обозначение AP) и дополнительного члена I-го типа (сокращенное обозначение OSI). Эти слова также могут выступать

в функции определения с притяжательным значением (сокращенное обозначение 'A'). Ряд слов этой группы отмечен как обстоятельства места и времени (сокращенное обозначение D, и D,).

Слова рассматриваемого класса ни разу не отмечены как бессвязочное сказуемое.

Примерн слов характеризуемого класса с указанием функций, в которых они отмечены:父敬 'отец', 婶敬 у 'жена', 水 щуй 'вода' (s. 0. AP. A):

五 部 ваши 'гончар', 王 ван 'правитель', 馬 люй 'осел' (s. 0. А); 鬼 гуй 'демон' , 弘 жу 'молоко', 'вымя', 均у 'вещь', 'тварь' (S, O, AP):

壁ом 'стена', 狗гоу 'собака', 命мин 'жизнь' (s, 0); 望ово 'драгоценность', 官 гуань 'чиновник', 皮 пи 'шкура' (0, A); 伴 бань 'товариш', 妻 ци 'жена', 石 ши 'камень' (0, 0gl, AP) и др.

По частоте встречаемости характеризуемых слов в той или иной функции на первом месте стоит 0 , затем идут s, A, AP, OgI, D, и D_{\pm} .

То. что поплежащее оказалось на втором месте, объясняется, очевилно тем, что в языке рассматриваемого периода оно опускалось особенно часто.

Слова карактеризуемого класса свободно сочетаются с предлогами и последогами (於火上 юй хо-шан 'на огне'. 会中 ша-чжүн 'в доме', У жа-бянь 'у реки'), а также принимают различные определения (выраженные предикативами качества, указательными местоимениями, числительными и словами рассматриваемого класса):

冷水 лэн шуй (холодная вода):

其事 щи ши это дело;

此樹珊畈 это дерево;

— В и доу 'одна горошина';

验乳 люй жу 'ослиное молоко';

新星дао го 'плоды Пути'.

Интересующие нас слова не принимают определения, выраженного наречием (так, в частности они не сочетаются без связки с отрицанием).

Среди рассматриваемых слов есть такие, которые чаще встречаются в функции А, чем в основных своих функциях (s, 0, AP), - это слова 銀 инь 'серебро', 水 щуй 'вода', 木 му 'дерево'(как материал), обозначающие название вещества.

Некоторые слова характеризуемого класса, как уже указывалось. отмечены как обстоятельства места. В этой функции встретились

слова 林 линь (лес), 家 цзя (дом), 室 шк (помещение), 山 шань 'гора', Залу 'дорога', ча синь 'сердце' и некоторые др. (Как правило, такие обстоятельства встречаются в предложениях наличности).

Отдельные слова из числа встретившихся в функции D, (например, шань 'гора' и ши 'помещение') образуют интересные пары, в которых одно и то же слово отмечено то как неоформленное, то как оформленное обстоятельство. Примеры: 山...停... шань ...сю... 'в горах . . . совершенствуются'; 山 中)東東шань-чжун фон хань 'в горах ветер и холол':

率常有張鬼 ши чан в э гуй (в помещении постоянно водились бе-CH'; 此室中.....有异思 IM IM-TXYH ... D 3 IYX B STOM помещении ... есть бесн'.

Факультативность последога в этом случае свидетельствует о том, что в отличие от других слов рассматриваемого класса, которые для выражения идеи места нуждаются в последожном оформлении. эти слова уже сами по себе содержат идею места.

Возможно, имеет смысл выделить такие слова в особый под-KMACC.

Некоторые слова характеризуемого класса, помимо функций, обичных для класса в целом, отмечены также как D, . Это относится к названиям времен года (冬 дун 'зима',夏 ся 'лето', 春 чунь 'весна',秋 що 'осень'), времени суток 日 жи 'день',夜 е 'ночь'), а также к словам типа 月 юе 'месяц', 年 нянь 'год'и дp.

Эти слова обладают некоторым грамматическим своеобразием⁶. поэтому на них остановимся несколько подробнее.

Указанные слова сочетаются со словами, обозначающими число (二月 эр юе 'два месяца', 七日 ци жи 'семь дней'), с местоименным числительным 🔅 🖯 цзи жи 'несколько дней'), с количественным прилагательным % Д до жи 'много дней').

В таких сочетаниях слова со значением времени очень напоминают счетные слова: так, сочетание рассматриваемых слов со словами, обозначающими число, выступает в предложении в качестве D_{\perp} со значением длительности, которое может стоять, как до, так и после глагола. Примеры:

- 이 - 연단 명 當 와 сно эр ци жи дан сы мальчик через семь дней должен умереть

經 多日 цзинли до жи прошло много дней.
Сочетание слова со значением времени со словами, обозначающими число, может выступать как определение к слову, напоминающему послелог: 七月頭 ци жи-тоу 'к концу седьмого двя'.

Слова со значением времени могут иметь при себе определение, выраженное словами, которые с другими словами карактеризуемого класса не сочетаются: 久時цзю ми 'долго', 初時чу ми 'вначале'.

В связи со способностью выступать в специйнческих конструкциях целесообразно виделить в рассматриваемом классе подкласс слов се значением времени.

К словем со значением времени олизки слова 今цзинь 'сейчас' и 昔 сц 'прежде.'

В традиционной системе частей речи рассмотренному классу вмен соответствует имя существительное.

Как мы пытажись показать выме, среди слов, отнесенных нами по их основным функциям к классу имен, отмечены и такие, которые, обладая основными признаками класса, имеют и свои особенности. Мы имеем в виду имена, способные выступать в функции неоформленного \mathbf{D}_1 , а также имена со значением времени.

І Принцип классийнкации и выполненные для этого операции описаны нами в статье: И.С.Гуревич, Опыт выделения классов слов в китайском явыке III-У вв. с помощью синтаксического критерия (на материале сутры Бай юй цвин), — ШІ и ШИКНВ, Х. М., 1974, с.123—128.

² Tam me, c.I27.

³ Более подробно о каждой функции см. там же.

⁴ Tam xe, c.125.

⁵ См. А.А.Драгунов, Исследования по грамматике современного китайского явика, М.-Л., 1952, с.69.

⁰ словах со значением времени в языке китайских стихов см. С.Е.Яхонтов, Грамматика китайских стихов. — "ТПИДДВ", — М., 1974, с.66-75.

УПРАВЛЕНИЕ ГЛАГОЛОВ С ОТРИЦАТЕЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В КОЛТСКОМ ЯЗЫКВ

І. Глагоды с отрацательным значением типа "не позволять", "запрещать", "удерживать", "межать", "препятствовать", "отказиваться" и т.п. в коптском языке управляют целевыми выражениями, а именно: а) целевыми инфинитивными оборотами (предлог 6- + обичный или каузативный инфинитив) и б) целевыми придаточными предложениями.

Подобным конструкциям присуща особенность, до сих пор не отмеченная грамматистами, — управляемие целевие виражения должни виступать в отрицательной форме. Например, предложение типа "он запретил ему говорить" в коптском языке должно бить оформлено как "он запретил ему не говорить" или "он запретил, чтоби он не говорил".

ачколу $\overline{M}MOO$ у $\overline{E}T\overline{M}$ \underline{M} $\underline{A}X$ \underline{C} \underline{C} \underline{G} \underline{A} , 33, 10-11) "он воспрепятствовал им говорить (букв. "чтобы не говорить")" (ср. ниже \underline{G} \underline{A} , 33, 13-14);

TAI ON TE BE $\varepsilon+\kappa\omega\wedge\gamma$ MITATINA ETMTPE46 ω 2ATETHYTN (KBesa, 119, 9-10; cm. tarke I2-I3) "Tarke ke of-pasom, kak a meman moemy gyzy upedubate b bac";

ΠΑΙ ΝΤΑΥΚωλΥ ΜΜΟΙ ΜΠΟΟΥ ΕΤΕΜΕΙΡΕ ΟΥ-ΠΕΘΟΟΥ ΝΕ (Kingdoms I,II, 81, 14-15) "это он воспрепятствовал мне сегодня сделять зло тебе";

ОТОИ ИІМ ЄТИЗКОЛТЄ ІЙ ПЕТОТОЄІЩ ЄТЙМАТ НОИ ТЕЙОТ ЕТЙТРЕТОЩ ЙЙЩЗЖЕ ТНРОТ ЕТСНЕ ЕРАІ ЕЙ ПЖООМЕ ЕТЙМАТ... (LS IV, 204, 14–15) "ВСЯКИЙ, КОТОРЫЙ ВОСПРЕПЯТСТВУЕТ В ТО ИХ ВРЕМЯ ИЛИ ЖЕ ТЕПЕРЬ (ТОМУ), ЧТООЙ ЧИТАЛИ ВСЕ СЛОВА, НАПИСАННИЕ В ЭТОЙ КНИГЕ ...":

NIM ON $\Pi \in NTA \downarrow K \omega \wedge \gamma \in MM \omega T \tilde{N} \in TMTP \in T\tilde{N} \uparrow$ $N \in T\tilde{N} \in PHT$ (LS III, 134, 7; cm. Takke 130, 22) "RTO RE HOMEBAR BAM CREPKATS BAME OF STATE :

€16Ψ Κωλγ ΜΠλλας εΤΜΚΙΜ ΜΠεμοργανον (BM1s, 5, 11-12) "MOTY ЯК Я ПОМЕЩЯТЬ МОЕМУ ЯЗЫКУ ДВИГАТЬ СВОИМ ОРГАНОМ?";

CEENITIMA NAN ETMKATANANEI OYTE ETMKPMPM (LS III, 119, 7-8) "HAM BOCHPEMENT SJOCHOBUTE I POINTATE";

 λ ПРОИВ Н ПТОЩ СОЩТ Н λ РСОЩТ $\sqrt{1}$ ЕТМТРЕПЕКРІТНС ЩІΝЄ РО ЙСА ПЕСНО $\sqrt{1}$ (AS I, 117, 3–5) "дело или постановление или (какие-либо люди) воспрепятствовели тому, чтобы судья требовел крови (преступника)";

ФАІ ПЕ ПІРН+ ЄТАПОС ЩАЩТŲ ЄЙТЕМЕР ОУНВ ЩА ЄNEZ (В) (РНІв, 349, 13-14) "таким образом господь воспрепятствовал ему быть священником навсегда";

ачпараітє єтмвшк (вмів, 235, 16) "он отказался пойти":

 λ ЧП λ Р λ ІТЄІ Δ Є ϵ ТMВ ω К (ОСМегс, 26, 20–21) "ОН же отказался пойти":

 $\lambda Y X I P \omega \downarrow \epsilon T M \omega \lambda X \epsilon$ (RPC II/3, 8, 31-32) "ОНИ ПОМОПЕЛИ ӨМУ ГОВОРИТЬ".

Незнание указанной закономерности может привести к неправильному пониманию текста. Так, например, вышеприведенное выражение осмегс, 26, 20-21 переведено: "он же просил, чтобы ему не прийти". 2

2. Если, напротив, глагол с отрицательным значением имеет отрицательную форму, управляемый им оборот положителен.

 \vec{N} FN \vec{A} K $\vec{\omega}$ AY \vec{M} MOI AN EBWK ENAMONACTHPION (DTCL, 11, 26–27) "TH HE HOMEMARE MHE BOÏTE B MOÏ MOHACTHPE";

МПркш∧ү МПАСШМА ЄТААЧ МАУ ЄЎШАМШІМЕ ЙСШЧ (ВМаг, 43, 29-30) "не воспрепятствуй тому, чтобы отдать им мое тело, когда они попросят его";

MTOYKWAYELDE NAAAY EP OYZOYO(AmMon IV, 236, 4) "ОНИ ЖЕ НЕ МЕЩАЛИ НИКОМУ ДЕЛЕТЬ ООЛЬШЕ";

NAI єтє МПЄПЄЗРОЩ ЙТСАРЕ КШЛУ ММООУ ЙЛААУ ЄТРЕУЩШПЄ ЙЗІС АГГЄЛОС (ОСРЫЯ, 46, 11–13) "ЭТИ (ЛЮДИ), КОТОРЫМ СЛАФОСТЬ ПЛОТИ СОВЕРШЕННО НЕ МЕШАЛА УПОДОБИТЬСЯ АНГЕЛАМ":

МЕЧКШЛУЄ $\overline{M}MOO$ У ХЕКАС ЕУНАПІСТЕУЄ ЕП $2\omega B$ СНАУ (LA, 94, 15–16) "он не запрещает им, чтобы они веровали в две вещи (сразу)".

Таким образом, в контском языке обороты, управляемые глаголами с отрицательным значением, выражают цель, к которой стремится действующее лицо, результат, которого оно должно достичь своим действием. При положительной форме глагола с отрицательным значением результат отрицательный, а при отрицательной форме такого глагола (т.е. при отрицании отрицания) результат положительный.

3. Если за положительной формой глагола с отрицательным значением следует положительный же оборот, это означает, что семантическая связь между ними нарушена, и оборот, следующий за глаголом, не выражает содержания запрещения, отказа и т.п., выраженного этим глаголом, например:

АУЄПІТІМА NAC ON ЄТРЕСКТОС ЄВОЛ 2М ПМА ЄТСКШИС ЙЗНТО (LS IV, 12, 20-21) "ему (т.е. ме-чу) было снова запрещено (разить), чтобы он вернулся из того места, в котором он разит". При отрищательной форме целевого оборота ЄТМТРЄСКТОС смысл был бы иным, а именно: "ему снова было запрещено вернуться ...";

ТАЗ NO ММОК Є ОРІЩЕ N К (В) (ВНАМ, 54, 25) "ОСТАНОВИСЬ (БУКВ. "ЗАДЕРЖИ СЕБЯ"), ЧТОБИ Я ПРИВЕТСТВОВАЛ ТЕБЯ"; при отрицательной форме целевого оборота смысл был бы
таков: "воспрепятствуй себе (сделать так), чтобы я приветствовал тебя".

4. В переводах с греческого, особенно в переводах Писания, когда копты старались возможно точнее передать оригинал. нередко встречаются нарушения коптских языковых новы. 3 Что касается описываемого нами явления, то примерно в половине сдучаев копты переводили греческий положительный оборот положительным же контским, в остальных же случаях, согласно правилу, заменяли его отрицательным, например: ЕХУКОЛУЕ ММООУ... €ТМХЄ ПШАХЄ (Деяния, Іб, б) "причем они не были допущены ... говорить слово" (букв. "чтобы не говорить", отрищатель-HAN OCOPOT), HO ΕΥΚωλγε ΜΜΟΝ εμβάε (I Φecc., 2, I6) "они препятствуют нам говорить" (положительный оборот). Такой же разнобой наблюдается и в документальных текстах (см. напр. СКR I, № 89. 36-39), для которых вообще не редкость отклонения от нормы как в области правописания, так и в области грамматики. Следует отметить еще любопытный факт, что в произведениях Висы положительный оборот вместо отрицательного употребляется в вопросительных предложениях (KBesa, 36, 30; 85, I6; 92, 7).

 $^{
m I}$ это явление напоминает обороты с эксплетивной отрицательной частицей $^{
m ne}$ во французском языке.

 2 Еще 0.Э.Лемм отмечал, что глагол $\kappa\omega\lambda\dot{\nu}\omega$, управляющий в греческом отрицательным оборотом с $M\dot{\eta}$, может и в коптском, наряду с положительными формами, вводить инфинитив с TM-(0. von Lemm, Koptische Miscellen LXXVII, ИАН 1910, с.178–179).

См. напр. А.И. Еланская, Связь и согласование приложений с определяемым в коптском языке, Краткие сообщения Института народов Азик, 46, "Древний Восток", М., 1962, с.93-94; H. Quecke, Das Lukasevangelium saidisch, Barcelona, 1977, p.78.

Принятые сокращения

- В бохайрский диажект. В статье, за неимением места, приводится только материал из текстов на главном диажекте коптского языка саидском, игравнем роль литературного языка; однако для того, чтобы показать, что описываемая закономерность свойственна и другим диалектам, приводятся некоторые примеры и из текстов на бохайрском диалекте втором по значению после саидского.
- AmMon IV E.Amélineau, Monuments pour servir à l'histoire de l'Égypte chrétienne aux IVe, V^e, VIe, et VIIe siècles (Mémoires publiés par les membres de la Mission Archéologique Française au Caire, t.IV), Paris, 1888.
- AS I E.Amélineau, Oeuvres de Schenoudi, t.I, Paris, 1909.
- BHAM I.Balestri et H.Hyvernat, Acta Martyrum, I (CSCO, SC, series III, t.I), Parisiis, 1907.
- E.A.W.Budge, Coptic Martyrdoms etc. in the Dialect of Upper Egypt, London, 1914.
- E.A.W.Budge, Miscellaneous Coptic Texts in the Dialect of Upper Egypt, London, 1915.
- CKR I W.E.Crum und G.Steindorff, Koptische Rechtsurkunden des achten Jahrhunderts aus Djême (Theben), Bd. I, Leipzig, 1912.

- CSCO, SC Corpus scriptorum christianorum orientalium, Scriptores Coptici.
- DTCL J.Drescher, Three Coptic Legends, Le Caire, 1947
- GA G.Garitte, S. Antonii vitae versio sahidica (CSCO, vol. 117, SC, series IV, t.I), Parisiis, 1949.
- KBesa K.H.Kuhn, Lettres and Sermons of Besa (CSCO, vol. 157, SC, t.21), Louvain, 1956.
- Kingdoms I, II J.Drescher, The Coptic (Sahidic) Version of Kingdoms I, II (Samuel I, II) (CSCO, vol. 313, SC, t.35), Louvain, 1970.
- LA L.-Th. Lefort, S. Athanase. Lettres festales et pastorales en copte (CSCO, vol. 150, SC, t.19), Louvain, 1955.
- IS III I.Leipoldt, Sinuthii archimandritae vita et opera omnia, III (CSCO, vol. 42, SC, series II, t.IV), Parisiis, 1908.
- IS IV I.Leipoldt, Sinuthii archimandritae vita et opera omnia, IV (CSCO, vol. 73, SC, series II, t.V), Parisiis, 1913.
- OCMerc Passione e miracoli di s. Mercurio. Introduzione e testo copto a cura di Tito Orlandi. Traduzione a cura di Sara Di Giuseppe Camanioni
 (Testi e documenti per lo studio dell'antichità
 LIV). Milano. 1976.
- OCPhif Vite dei monaci Phif e Longino. Introduzione e testo copto a cura di Tito Orlandi. Traduzione a cura di Antonella Campagnano (Testi e documenti per lo studio dell' antichità LI), Milano, 1975.
- PHIs E.Porcher, Histoire d'Isaac, patriarche jacobite d'Alexandrie, R.Graffin F.Nau, Patrologia
 Orientalis, t.11, Paris, 1915-1916, p.301-387.
- RPC II/3 F.Rossi, I papiri copti del Museo Egizio di Torino, vol. 2, fasc.3 (Memorie della Reale Accademia delle Scienze di Torino, serie II, t.XLI). Torino, 1891.

CYETHIE CHOBA K THATOHY B CPEHHERUTANCKOM SHIKE

Как известно, в современном китайском языке количественные карактеристики глаголов действия (указание на одно- или многократность) выгажается системой приглагольных счетных слов, стоящих в отличие от счетных слов к существительным после глагола на правах числительного дополнения.

В текстах периода Сун-Юань приглагольные счетные слова употребляются чрезвычайно широко. Они образуют три основных группы.

I. Счетное слово к глаголу, представляющее собой вторую часть "удвоенного" глагола. Чаще всего такое счетное слово встречается с числительным "один", но это не обязательно, вместо числительного "один" может быть употреблено любое другое числительное. "Упроенный" глагол с числительным "олин" обозначает однократное действие. На русский язык глагол обычно переводится совершенным видом, числительное же просто остается без перевода. "Удвоенный" глагол, кроме того, имеет, по-видимому, еще два значения: "недолго". "немного" и значение совершенного вида в будушем (сила же относится и повелительное предложение); в этих случаях перед второй частью "удвоения" возможно только числительное "один". Примеры: 拜了長老九拜 <u>Байляо</u> чжанлао <u>цэр-бай</u> · [Он] поклонился настоятелю девять раз (Шуй A, 62) :那 賊 略 抢 — 推 На цзэй люе туй и-туй 'Вор легонько толкнул Дверь/' (Цзин, 79); 我面别一剔去 Во цзай ти и-ти цой 'Поправлю снова [фитиль], (Юань, 36); 你進來坐一坐咱Ни цзиньлай цзо и-изо цза 'Ты входи и посиди' (Юань, 241); 你 也隸) — 蓉力 波 Ни е прань и-прань со 'Ты уговори (его)' (Юань, 430); 再等一 筌咱 Цзай дэн и-дэн цза 'Подожду еще' (Си, II5).

В рассматриваемый период числительное "один" обычно не опускалось, тем не менее отдельные случаи с опущенным числительным можно встретить (это относится и к односложным и к двусложным глаголам). В юаньских пьесах вторая часть удвоения глагола могла оформляться именным суффиксом Я эр. Перед счетным словом было возможно указательное местоимение 这 чкэ. Примеры: 那漢定睛看了看 на хань динцзин каньляо кань 'Парень пристально посмотрел /на него/ (Пуй А, 253); 北門這門 Во кайкай чжэ мэнь 'Я /сейчас/ открою дверь '(Юань, 332);

你買此間脂粉搽搽脸你也打扮打扮 Ни май се яньчки фень чеча лянь, ни е дасаньдасань 'Ты купи румян и пудры, на-пудомсь, принарядись' (рань, 213); 學究哥,你隸一書办兒 Спе-цзю гэ, ни прань и-праньэр 'Брат Спе-цзю, уговори /ero/! (рань, 169); 蘇他這一嘛,他還敢認你那?Ся та чил и-ся, та кай гань изнь ни на?' Если /ты/ сейчас напугаеть его, разве он посмеет признать теся?' (рань, 164).

Если двусложный глагол состоит из основного глагольного корня и модификатора, то при "удвоении" повторяется только основной глагольный корень, модификатор фигурирует лишь один раз и, вероятно, может стоять и после глагольного корня, и после счетного слова (к сожалению, примеры этого слишком редки, чтоон говорить с полной уверенностью). Если пополнение к глаголу выражено местоимением, оно всегда стоит между основным глагольным корнем и счетным сдовом. Дополнение к глагоду, выраженное существительным, по-видимому, еще не имеет точно фиксированного места. Неопушевленное существительное обично стоит после счетного слова: одушевленное существительное, по всей видимости. может стоять и перед счетным словом и после него. Дополнение к глаголу может быть вынесено в препозицию с помощью предлогов 把 ба и 將 цэян. Примеры: 我赶不上, 怎麽得人來替我 擎一擊住也好那 Во ганьбушан, цээмма дэ жэнь лай ти во на и-начжу е хас на 'Мне не догнать /осла/, как он сделать так, чтобы кто-нибудь (ради меня) поймал /его/ (Юань, 537); 你也等我一等 Ни е дэн во и-дэн! 'Ты подожди меня!' (Юань, 162); 目而如 — 而 Це най та и-най 'Придется подчини-TECH EMY' (LLYLI A, 175);拜了長老九拜 Ballino WARLINO <u>цэр-бай 'Дон/ поклонился настоятелю девять раз' (Шуй А. 62);</u> 潤一潤喉也好 Kyhb N-Kyhb xoy e xao 'Xopomo on rodno промочить, (Шуй А, 180);你吃了,你過去謝一謝那相公去 Ни чиляо, ни гоцюй <u>се и-се на сянгун</u> цюй Кончите есть, <u>побла-</u> годарите того сановника (Юань, 338);你可抗一統頭Ни кэ шу <u>и-шу тоу</u> 'Ты причешись' (Юань, 213);把崔擎看了一看 <u>Ба Цуй</u> Нин каньляо и-кань 'Он посмотрел на Цуй Нина' (Цзин, 8).

Действие неоформленного "удвоенного" глагола может относиться к прошедшему или будущему времени. В раньских пьесах "удвоенный" глагол обично не оформляется глагольными показателями, в том числе и показателем у дно. В других текстах оформление показателем дно достаточно регулярно (и тогда действие глагола относится только к прошедшему времени), из других поII. Вторую группу составляют счетные слова к глаголу, представляющие собою предметный корень, семантически связанный с действием, — орудже действия. Как указывает А.А. Драгунов², эти счетные слова в отличие от счетных слов — повторов глагольного корня в известной степени представляют собою слова-классификаторы. Например: счетное слово дея "голос", "звук" употребляется с глаголами, действие которых связано со звучанием, и которые в этом отношении образуют особую лексико-грамматическую группу (в частности, уже в наших текстах отмечены глаголы: 天 ку "плакать", 完 що "говорить", அ цзяо "кричать", "звать", учина "кричать", "звать", ку кричать", "звать", ку куань "кричать", "звать", ку кань "спрашивать", ку кань "орать", ку тань "вздыхать", жу куму "рычать", "реветь" и т.д.).

Как и в первом случае, перед счетным словом данной группы может стоять и числительное "один", и любое другое числительное (а также 我 цэм "несколько"). Числительное "один" обычно не переводится (если только не надо специально его подчеркнуть), глагол переводится совершенным видом. Между глаголом и счетным словом также возможно дополнение, указательное местоимение указательное местоимение указательное местоимение указательное обрымен глагольными показателями (чаще всего — 3 ляо, но не исключен и (年(的)дэ/ды/). В данном случае в отличие от предндущего числительное — и "один" нико-гда не опускается. Примеры: 他 可 3 元 三 為 Ань цзяоляо лян-сань-шэн 'Я кричал несколько раз' (Юань, 163); — 位 教 家 文 多рвэй цзяотоу цзяолян и бан 'Пусть два наставника померятся силами' (Шуй А, III); 你 成 我 — Р ни яо во и-коу 'Ты укусил меня' (Юань, 328); 又 另 3 我 — № 0 тиляо во и-цзяо 'Да еще ударил меня ногой' (Шуй А, 429).

III. В рассматриваемых текстах встречается еще ряд счетных слов к глаголу, обычных и в современном языке; эти счетные слова отличаются от рассмотренных выше тем, что они представляют

собой, выражансь словами А.А.Драгунова, единицы измерения в узком смысле этого термина. Среди них есть совершенно нейтральные (например, ж цы), но большинство из них (например, 場 чан, уд пунь, ы бянь) указывают еще и на ту или иную степень длительности, а отсюда и интенсивности действия, и в связи с этим нередко имеют эмоциальную окраску. 3

Как и в первых двух случаях, между глаголом и счетным словом могло стоять и дополнение, и указательное местоимение с чко; счетное слово право употребляется также с суфиксом Уэр; глагол оформляется глагольными показателями; числительное — и "один" не опускается. Примеры:我愛你好幾次 во хуань ни хаоцзины 'Я звал тебя много раз' (Юань, 39); 我 入去看一遭 во жущой кань и-цзао 'Я войду и посмотрю' (Си, 108); 将我打一锅 海棒 Цзян во да и-дунь ду бан 'Меня жестоко избили палками' (Цзин, 54); 從人往復去了裝置 Цункэнь ванфу пойляо цзи-цзао 'Гонец ходил туда и обратно несколько раз' (Пуй А, 796); 且饒你這一遭犯 Це жао ни чжэ и-цзаоэр 'Я прощаю тебя на этот раз' (Юань, 333).

Итак, как уже говорилось и как вилно из приведенных примеров. приглагольные счетные слова обнуно стоят после глагола на правах числительного дополнения. Согласно А.А.Драгунову⁴, дополнение, выраженное счетными словами, в известных условиях может онть поставлено и перед глаголом, если глагол модифицирован служебными наречиями типа 🛪 бу "не" или 👝 е "также" или если глагол имеет результативное или результативно-направительное значение и состоит из основной глагольной морфемы и морфемы—модификатора. Это грамматическое явление наблюдается и в рассматриваемых текстах. Счетные слова к глаголу могли стоять перед глаголом, если сам глагол (вторая часть его) имел результативное значение или если после глагола имелось указание на результат действия. Это относится главным образом к счетным словам двух первых из рассмотренных выше групп; при этом счетное слово не обязательно должно быть употреблено с числительным "один". В этой конструкции перед счетным словом часто стоит Я чжи (или ∮јцзэ) "только", "вдруг". Счетное слово переводится либо словом "сразу", либо выражениями типа "одним ударом", "одним махом", "одним укусом" и т.д. (при числительном "один"). Примеры:只一拳打殺 З Чжи и-прань дашаляо Одним ударом кула-KA (A) YOUN (STOPO NAPHA), (Dans. 317); 當勝裏則一口咬死 (1⁴) Дан яо-ли <u>цзэ и-коу яосыды</u> ¹Всего одним укусом в хребет загрыз [ero], (Юань, 332);我若一棒打翻了他.....Во жо и-бан цайнылно та... 'Если я одним ударом дубинки опрокину его...' (Шуй А, III);用手一指指着屋梁上道...... Юн шоу и—чии, чиич као улян-шан дао...' (Она) показала на потолок и спросила...' (Цвин, 49); 只一丢丢落地 чии и—до, доло ди 'Олним махом броски [его] на землю' (Шуй А, 25).

В рассматриваемых текстах представлена еще одна конструкция со счетными словами к глаголу, являющаяся по существу сокращенным вариантом конструкции, которая упоминалась выше. Речыщет о тех случаях, когда сам глагол (а также указание на результат действия) опускается и сочетание числительного со счетным словом выступает в роли сказуемого. Обично такое сказуемое обозначает однократное, внезапное действие. В этой конструкции возможны только счетные слова двух первых групп. Как и в полной конструкции, здесь употребляется слово Я чим (или рідзе). Примеры:

Примеры:

Денти на денти на

Итак, все три группы счетных слов к глаголу обичны в текстах периода Сун-Юань, как северных, так и южных. Из частных расхождений можно отметить следующие. В юаньских пьесах в отличие от других текстов "удвоенный" глагол обично не оформляется глагольными показателями, а в южных текстах в отличие от юаньских пьес счетное слово первой группы, по всей видимости, не встречается с суффиксом 2 эр.

На первый взгляд общая картина употребления приглагольных счетных слов в текстах периода Сун-Юань не отличается от тако-всй в современном языке. Однако это не так. Существенные различия касаются первого типа счетных слов — "удвоения" глагола — и сводятся к следующему. 5

В среднекитайском языке счетное слово к глаголу, образованное от того же глагола, является отглагольным существительным и может оформляться суффиксом У эр (счетные слова двух других групп так или иначе тоже представляют собой обычно существительные); в современном языке второй элемент "удвоения" не оформляется этим суффиксом.

В среднекитайском язике счетные слова первой группы так же, как и остальных групп, служат для счета действия, и перед второй частыр "удвоения" может стоять любое числительное, а что касается числительного "один", то оно обычно не опускается;

в современном языке при "удвоении" глагола вставляется только числительное "один", да и то факультативно.

В среднекитайском языке счетное слово первой группы так же может отделяться от глагола дополнением, выраженным местоимением или одушевленным существительным, как и счетные слова других групп; в современном языке это исключается.

В среднекитайском языке счетное слово первой группы, подобно другим счетным словам, может стоять перед глаголом; в современном языке вторая часть "удвоения" глагола почти никогда не выносится в препозицию.

Вместе с тем счетное слово первой группы в среднекитайском языке часто выступает в роли сказуемого само по себе, что наблюдается и в современном языке.

Таким образом, как отмечает С.Е.Яхонтов⁶, счетное слово, образованное от глагольного корня, с течением времени потеряло и грамматические признаки счетного слова, и счетную функцию. Сочетание глагола и счетного слова превратилось в аналитическую глагольную форму, образующуюся удвоением глагольной основы и выражающую кратковременность, непродолжительность или ослабленность пействия.

Нами использованы следующие тексты: 京本通俗小説,上海 1954 ("Популярные рассказы, изданные в столице"), сокр. Цзин; 施耐苍, 水滸, 北京,1953 (Ши Най-ань, "Речные заводи"), сокр. Щуй А; 元人雜劇選北京,1959 ("Избранные юаньские цзацэюй"), сокр. Юань; 王雷甫, 西南記,上海,1954 (Ван Ши-фу "Западный фли-гель"), сокр. Си.

² А.А.Драгунов, Исследования по грамматике современного китайского языка. М-Л., 1952, с.116-117.

³ Тамже. с.II7.

⁴ Tam xe, c.96.

Бпервые эти наблюдения были сделаны С.Е.Яконтовым на материале "Шуй ху чжуань" и "Хун лоу мэн" (С.Е.Яконтов, Категория глагола в китайском языке. Л., 1957, с.101-103, 151-153).

⁶ Tam me. c.104.

ВАРИАНТЫ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ В ШУМЕРСКОМ

(к типологии синтаксиса архаических языков)

В шумерском - языке агглютинативного типа - грамматические показатели в определительном сочетании не выступают при каждом члене, а скапливаются в конце сочетания.

Здесь будут рассмотрены конструкции с определением, выраженным именем в родительном падеже. Состав такого сочетания может быть значительно расширен в результате присоединения к определению и определяемому приложений, прилагательных, причастий, притяжательных суффиксальных местоимений, существительных в род. пад., числительных. Наконец, оба члена сочетания могут стоять во множественном числе.

Члены определительных комплексов и грамматические показатели занимают при этом следующие позиции:

- I. Определение стоит после определяемого, ам-kur-ra "ropный бык". Ту же позицию занимают выступающие в роли определений:
- а) Приложение, выраженное одним существительным или сочетанием слов, ама-gan-numun-zid-da "мать, родительница прекрасного потомства" (G Gyl B XXIII 19); 2 zi-ama-ugu-mu- d Nin-sún-ka < * zi-ama-ugu-mu- d Nin-sún-ak-a/k/ (показатели род. пад.) "/кля-нусь/ жизныю матери, моей родительницы, Нинсун" (GLL 89).
- б) Прилагательные и причастия (в форме чистой основи или основи, осложненной формантом -a). sipad-zid-kalam-ma <*sipad-zid-kalam-a/k/ (показатель род. пад.) "благочестивый пастырь страны" (SGL I 14,60). gú-^{1d} Вигапипа-кид-да-ка <*gú-^{1d} Вигапипа-кид-ак-а (показатель локативного пад.) "на берегу светлого Ев-фрата" (GH 69). me-zu-an-ki-a "знающий обряды небес /й/ зем-ли", букв. "обряды знающий небес /й/ земли" (IE SITNI 32,9).
- в) Имена в род. пад., выполняющие в шумерском функцию относительных прилагательных. В конце сочетания в таком случае стоит два показателя род. пад. sipad-udu-sig-ka-ke₄-ne < sipadudu-sig-ak-ak-ene (показатель мн.ч.) "пастухи руноносных овец", букв. "овец шерсти" (Ukg.5 III 19).
- 2. Существительные в род. пад. в функции относительных прилагательных следуют после качественных прилагательных или причастий, пад-tur-tur-hur-sag-gá-ka < *na₂₁-tur-tur-hur-sag-ak-a "на маленьких горных камешках", букв. "на камешках малень-

- ких горы" (ELA 351): alam-gub-kù-babbar-a-a-ugu-na < alam-gub-kù-babbar-a-a-ugu-ani (притяжательное суффиксальное местоимение 3 лица ед.ч.) ak] "установленная золотая статуя отца, его родителя" (JN 28).
- 3. Определительное сочетание может иметь в своем составе три формы род. пад., однако графическое выражение получают то-лько две из них. 6-ninnu-^dAnzu^{mušen}-babbar-^dNin-gír-su-ka<*6-ninnu-^dAnzu^{mušen}-babbar-^dNin-gír-su-ak-a/k/ "/храм/ Энинну свер-кающей птипы Анзу владыки Гирсу" (G St F I 9-10); alam-Gu-de-a-ensí-Lagay^{ki}-ka "статуя Гудеа, правителя Лагаша" (G St B VII 60-VIII 2).
- 4. В атрибутивном сочетании с несколькими однородными определениями, выраженными род. пад., выступает только один общий показатель родительного падежа. ki-tuš-An-den-lil-la < *ki-tuš-An-den-lil-a/k/ "покой Ана /и/ Энлиля" (MNS 119.5); men-an-uraš-a/k/ "корона небес /и/ земли" (MNS 104, 3).

5. Притяжательные суффиксальные местоимения и показатели

- мн.ч., относящиеся к определению, стоят непосредственно после него, предшествуя показателю род. пад. (при этом притяжательные суффиксальные местоимения стоят перед показателями мн.ч.). после форманта род. пад. следуют притяжательные суффиксальные местоимения и показатели мн.ч.. относящиеся к определяемому. Последнюю позицию занимает палежный показатель. dingir-gal-gal-Lagaški-a-ke,-ne < dingir-gal-gal-Lagaški-ak-ene (показатель мн. числа) "великие боги Лагаша" (G Cyl A X 28); dumu-ki-ág-^dNin-gír-su-ka-ke_u-ne < dumu-ki-ág-^dNin-gír-su-ak-akene "любимые дети бога Нингирсу" (G St K II 17-18); é-dingir-galgal-e-ne-ka < *é-dingir-gal-gal-ene-ak-a "B xpame великих богов", (LE 183); ab-ba-dingir-ré-ne-ke, < ab-ba-dingir-ene-ak-e (NORAзатель эргативного падежа) "отец богов" (Ent.28 I 1-3); nindakaskal-la-ka-ni <*ninda-kaskal-ak-ani (притяжат. суф. местонм. З лица ед.ч. социально-активного класса) "его дорожный клеб" (LE 340); ezen-an-na-mu < ezen-an-a/k/-mu (притяжат. суф. местоимение I лица ед.ч.) "мой небесный праздник" (LE 340); bad-urune-ne-ka < bad-uru-nene (притяжат. суф. местоимение 3 лица мн. ч.) -ak-а "в стенах их городов" (FA 171).
- 6. Наибольшее число грамматических показателей, обнаруженных в конце определительного сочетания 4: har-ra-an-šeš-mu-ne-ka < har-ra-an-šeš-mu (притяжат. суф. местоимение I лица ед.ч.) ene (показатель мн.ч.) ak (формант род.пад.) a (формант ло-

кативного падежа) "по пути можх братьев" (LE 27); KA-kešda-gar-ra-šeš-a-ne-ne-ka < KA-kešda-gar-a-šeš-ani (притяжат. суф. местоямение 3 лица ед.ч.) - еле (показатель множ.ч.) - ак (показатель род.пад.) - а (показатель локативного пад.) "среди отряда своих братьев" (LE 223).

- 7. Количественные числительные в сочетании определяемоеопределение занимают свои обычные позиции они стоят перед
 названием меры, перед исчисляемым объектом³ (в хозяйственных
 текстах), после исчисляемого объекта (в прочих текстах), например, 5 tug-nam-lugal "5 царских одежд" (Enz. IV 2). dumu-mas-7
 ^dBa-Ú-me < dumu-mas-7
 ^dBa-Ú-me < dumu-mas-7
 ^dBa-Ú-/ak/ (показат. род. пад.) me/s/
 (глагол связка 3 лица мн. числа) "7 близнецов богини Бау они
 есть", букв. "близнец 7 богини Бау они суть" (G Су1 а XI 11);

 dumu-ama-1-a-gim < dumu-ama-1-a/k/ (показатель род. пад.) gim
 (формант сравнительного падежа) "подобно сыновьям одной матери"

 (G Су1 а XII 23).
- 8. К количественному числительному может присоединяться указательное местоимение 3 л. ед. числа -bi/-е. Числительные с таким оформлением засвидетельствованы и в атрибутивных сочетаниях: lugal-an-ub-da-4-ba-me-en <*lugal-an-ub-da-4-bi (указат. местоимение) a/k/-men (глагол-связка I лица ед. числа) "я царь четырех стран света", букв. "царь страны света 4 это я есть".

При исчисляемом объекте-определяемом числительное с -bi/е может выступать как после определяемого: ud-7-e-diskur-ra-gim "подобно семи ураганам бога Ишкура" (LE 172), так и после определения: dingir-kur-ra 7-bi "семь богов подземного мира", букв. "боги подземного мира 7 это" (DU 76).

В мумерском явике нет прямого противопоставления единственного числа множественному. Существует несколько форм мн.ч. Здесь учитываются только такие, где мн.ч. выражается посредством специальных грамматических показателей. Случаи, когда определение и определяемое оба стоят во мн.ч., передаваемом грамматическими показателями, не обнаружены.

В скоожах даются общепринятие в шумерологической литературе сокращенные названия текстов.

³ Исчисляемый объект всегда стоит в форме ед.ч.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ И СИНТАКСИЧЕСКАЯ ЭРГАТИВНОСТЬ В ТАНГУТСКОМ ЯЗЫКЕ

О. В последние годы при описании проявлений эргативности в том или ином языке различают морфологическую эргативность и синтаксическую эргативность. Морфологические признаки эргативности проявляются, во-первых, в оформлении имен (а именио: в специальном показателе (падеже) для имени со значением агенса действия (\mathbf{N}^{a}) переходного глагола (\mathbf{V}^{tr}) и в одинаковом оформлении (падеже) имени со значением объекта действия (\mathbf{N}^{o}) при \mathbf{V}^{tr} и имени со значением субъекта действия (\mathbf{N}^{s}) непереходного глагола (\mathbf{V}^{intr}) и, во-вторых, в глагольном согласовании (\mathbf{V}^{tr} должны согласовываться с \mathbf{N}^{o} , а не с \mathbf{N}^{a}). Синтаксические признаки эргативности обнаруживаются при соположении предложения с \mathbf{V}^{tr} с предложением с \mathbf{V}^{intr} , когда во втором предложении может быть опущено \mathbf{N}^{s} , совпадающее с \mathbf{N}^{o} (но не с \mathbf{N}^{a} !) первого предложения:

Na No Vtr + Ns Vintr Cm., Hanpumep, npumep # I.

Язик может бить эргативным на морфологическом уровне (оформление имен или глагольное согласование, или одновременно — и оформление имен и глагольное согласование), но бить номинативным на синтаксическом уровне. В большинстве эргативных языков эргативность проявляется на морфологическом уровне. Нам известно только одно исключение — австралийский язык дирбал, в котором эргативное соединение предложений является единствение возможным способом их соединения. Заметим, что на морфологическом уровне эргативность в языке дирбал затрагивает только оформление имен.

I. В тангутском языке морфологическая эргативность может проявляться как в оформлении имен, так и в глагольном согласовании.

Здесь N^S не получает никакого оформления (N^S). N^S может получать после себя показатель N^S N^S N

С помощью служебных слов $\frac{\sqrt{N}}{N}$ $\frac{1}{N}$ $\frac{1}{$

Таким образом. V пtr образуют следующую конструкцию: N_{ϕ}^{B} $V_{s/\phi}^{intr}$

А v^{tr} могут образовивать следующие четыре конструкции (в конструкции $\overline{1}$ оформлены оба имени, в конструкции $\overline{11}$ оба имени не оформлены, в конструкциях $\overline{111}$ и $\overline{19}$ оформлено одно из имен при неоформленном другом имени):

I. Na No cytrole Nangytrole Nangytrole Nagytrole Nagytrole Naccytrole Naccytrole Naccytrole Naccytrole Naccytrole Сравнивая конструкции, которые образуются при уtr , с конструкцией, образуемой уintr , мы видим, что по морфологическим признакам тангутский язык следует отнести к языкам смещанного номинативно-эргативного типа, так как предложения с уtr могут быть выражены набором конструкций, в которых одни и те же члены получают то эргативное, то номинативное оформление.

2. Что же касается синтаксической эргативности, то в тангутском языке она регулярно проявляется при сложении таких предложений, в которых N° выражено местоимением I или 2 лица единственного числа (возможно, и множественного числа, однако нам такие примеры не встретились), причем неважно, какое предложение с V^{tr} или V^{intr} — стоит на первом месте. И в том и в другом случае на опущенное N° (см. ниже конструкция A) или опущенное N° (конструкция B) второго предложения указывает служебное слово, показатель согласования, стоящее после глагола второго предложения:

A. N° N° V^{tr} + N° V^{intr}

Hpmbegem примеры?:

/I/ 剛 美見 青 秀化 事後 治仏 久泉 公前 「神後 火流 12 царств

Ты не беспокойся, мы спасем /тебя/. В соединенных по эргативному принципу предложениях служебное. СЛОВО, ПОКАЗАТЕЛЬ СОГЛАСОВАНИЯ. МОЖЕТ СТОЯТЬ КАК ПОСЛЕ ГЛАГОВА первого, так и после глагола второго предложения, например: /4/标数级延见新处线整 H. II. c.390 ni²tin^I mi^I si³I-pa² ku^I kha^I-pha^I-vie^I -na² Если ты не уйдень, убыр /тебя. /5/娇存酿细 fu 技能 計畫 問題 I2 napctb Mei^Iswen^I ma^I no na² khe^I -na² tsi^I thin²-kie² ngu²-kiwa²-na «Мэн Сунь» в прежде ненавидел тебя, а/ты/ так плачень. /6/外电调 新 蛟 扇 漏 配 彩 新 粉 颜 颜 彩 绿 绿 绿 绿 绿 扇 扇 科 更 药 茂 琼 溪 Пословицы, № 219 wei² u² ndźs^I ndzie^I su² ka² ngu² lde² ndźêi-vie^I viei² ndzie^I-nga² ndziwo² tśiei^I rie² this² mbe ²su² ndziwo² ngion^I rie² in^I kiwa²-kiwa²-nga² Лучше пусть /меня/ тигр съест в горах, чем лисица в низине. Лучше пусть (я) заплачу с хорошим человеком, чем посмеюсь с пло-XIM.

Последний пример (№ 6) состоит из двух построенных соверменно параллельно предложений: глаголы в обоих предложениях оформленны одним и тем же служебным словом $\stackrel{?}{\sim}$ 1

/Тн/, ван, не любить добродетельных людей, но почему /тн/ говорить, что нет добродетельных людей?
/в/ 火光 年 清 火素 音 高東 市山 青 平臣 川山 南京 東京 原 ЛК III
ulkhwil viel kai² kul tahi² rial tha²-khwil-na²niuol xwa²tahie-na²
Всли хочешь рубить голову, так руби, а зачем же /тн/ гневаещься?

3. Следовательно, и по морфологическим, и по синтаксическим признакам тангутский язык следует отнести к языкам смещанного номинативно-эргативного типа, где эргативность проявляется только в тех случаях, когда по выражено местоимением I или 2 лица единственного и множественного (?) числа.

I B.Comrie, Ergativity, Cambridge University Press, 1977, c.8-20 (preprint).

² Tam me. c.I6.

R.M.W.Dyxon, The Dyrbal Language of North Queensland, Cambridge University Press, 1972, c.130-137.

Подробнее см.: К.Б.Кепинг, К вопросу об основной характеристике строя тангутского языка. — Тезисы докладов I Международного симпозиума социалистических стран на тему "Теоретические проблемы восточного языкознания", ч.І. М., 1977, с.105-106.

⁰ служебных словах, показателях согласования см.: K.B.Kepping, Subject and Object Agreement in the Tangut Verb. — Linguistics of the Tibeto-Burman Area, Volume 2, Number 2, 1976, c.219-231. — 254 —

- 6 Подробнее см.: К.Б.Кепинг, Согласование глагола в тангутском языке. - Ш и ШИКНВ, XIII. М., 1977, с.169-173.
- Примеры взяты из следующих источников: I) "ЛК" с указанием порядкового номера царани - "Лес категорий"; 2) "I2 царств" - "Двенадцать царств"; 3) "Пословицы" с указанием порядкового номера - см.: "Вновь собранные драгоценные парные изречения". Факсимиле ксилографа. Издание текста факсимиле, перевод с тангутского, вступительная статья и комментарий Е.И.Кычанова. М., 1974.

В < > скобки заключена приблизительная русская транскрипция китайского имени, прочитанного нами в тангутской транскрипции.

Таблину типов предложений с переходными глаголами см.: К.Б.Кепинг, Согласование глагола в тангутском языке, с.171.

Л.П.Смирнова

"ТАЛАБА" ПО ТЕКСТУ "АДЖА" ИБ АД-ДУНИА

I. При работе над текстом персидского анонимного географического сочинения "Аджа" и ад-Дунйа (первая четверть XIII в.) $^{\rm I}$ мы обратили внимание на многообразное и столь необичное употребление слова галаба, что порой казалось, переписчик неправильно его употребил или же допустил описку.

Как известно, галаба в персидском языке заимствовано из арабского. По форме образования это — масдар І-ой породы от корня галаба 'одолевать', 'побеждать'. В современных персидском и таджикском языках галаба употребляется именно в значении 'одоление', 'победа' в самом широком смысле этого слова, в том числе и как военный термин. В этом же значении галаба встречалось нам в исторических хрониках X-XI вв., например, в Та'рйх-и Сйстан, Та'рйх-и Мас'ўдй, Зайн ал-Ахбар.

При обращении к толковым словарям персидского и таджикского языков 3 и переводным словарям Вуллерса, 4 Джонсона 5 и Ценкера, 6 отражающим также лексику средневековых персидских текстов, выяснилось, что в некоторых из них приведен ряд других значений это-

го слова, в частности 'множество', 'обилие' (Джонсон, Ценкер, Пеххола. Толковый словарь талжикского языка): 'много' (Пенкер): 'крик'. 'вопль' (Деххода: банг, фариад: Талж. словарь: гавга. марал). В словаре Деххода значение 'множество' иллострируется примерами из сочинений Джувейни "Та рйх-и Джехангущай (вторая половина XIII в.) и Исфизари (XV в.), в Толковом словаре талжикского языка (пол шифрой 2) - примерами из сочинения Мирханда "Раузат ас-Сафа" (ХУ в.); значение 'крик', 'вопль' в словаре Деххода иллострировано примерами из Джувейни, "Гулистана" Са'ли (приведен также в словаре Вуллерса) и "Анйс ат-Талиойн" (XVII в.). В Толковом словаре талжикского языка (пол нифрой 4) примером из перевода Бал'ами "Та'рйх-и Табарй". В данном случае нас будут интересовать именно эти значения галаба. Текст 'Апжа'ио ап-Пуний позволяет уточнить их. а также спелать некоторые наблюдения относительно словоупотребления галаба в средневековом персицском языке. Несмотря на сравнительно небольшой объем сочинения, галаба встречается в разных контекстах свыше 30 pas.

2. Значение 'множество', 'большое число' (его отмечают для галаба также словари арабского языка) галаба реализует в сочетании с именами собирательными, обозначающими группу людей, в форме ед. или мн.ч.; галаба в этом случае предшествует имени и сочетается с ним изафетом;

Галаба-йи мардум бар ў джай пуданд (л.1976) К нему собралось большое число людей; галаба-йи турк 'большое число турков' (л.1926), ср. также у Джувейни: галаба-йи жалайк-и шахр 'большое число жителей города' (Деххода ІІ, стр.287).

Галаба как всякое имя может быть оформлено артиклем неопределенности, в этом случае оно сочетается с именем во мн.ч. с помощью предлога аз: галаба-йй (العبر) аз мухалифан значительная часть (или же часть) противников (Исфизари-Деххода, II, стр.287), галаба-йй аз аснаф-и халк большое число народа из разных разрядов (Мирханд — Тадж. словарь, II, стр.644).

Галаба может иметь количественное определение: галаба-йи бисйар (Исфизари — Деххода, II, стр.305) или галаба-йи анбух (Мирханд — Тадж. словарь, II, стр.644) многочисленная толпа, большое число народа.

3. Особенно часто галаба употребляется в данном памятнике в значении 'многочисленный', 'многий'; 'много', зафиксированном только в словаре Ценкера, но без иллюстративного материала. Не

удалось его найти в словарях арабского языка. Возможно, данное значение галаба не было свойственно ему в арабском языке и развилось на местной почве из значения 'множество', 'большое число'. При этом галаба как всякое прилагательное а) виступает в функции определения в постпозиции к определяемому имени и сочетается с ним посредством изафета:

Туркан-и галаба дар йн навахи мутаваттин-анд (л.191а) В той области проживает много турок (букв. многочисленные турки),

Особенно часто это значение реализуется в тексте в сочетании со словом базар (базаргах) базар::

Сивас шахр-й-ст му аззам бар сархадд-и Рум ва макамгах-и турк, базар-и галаба (л.210а) 'Сивас - большой город на границе Рума, местожительство турок,

MHOTO GASADOB'.

Булгар шахр-й-ст чазим, базаргах-и галаба дарад (л.195б) Болгар – большой город, в нем многочисленные базары.

Однако, возможно, словом галаба автор обозначает не столько число базаров, сколько их оживленный характер. В пользу такого понимания галаба говорит как будто следующий пример: бар пул базаргах-и галаба сахте (л.1986) 'На мосту он устроил оживленный(?) базар'.

В сочетании со словами шахр 'город' и вилайат 'область' галаба, по-видимому, указывает на их густонаселенность:

Сарир вилайат-й-ст чазим ма'мур ва душхвар ва галаба (л.2096) Сарир - очень благоустроенная, труднодоступная и густонаселенная (?) область:

... вилайат-й-ст бисйар ва галаба ва ма'мур (л.2086) '... - область большая, густонаселенная (?) и благоустроенная'.

Обращает на себя внимание и тот факт, что галаба в обоих примерах выступает как однородное определение в одном ряду с ма иўр, душхвар, бисйар.

Кроме того, в тексте отмечены также сочетания маршуман-и галаба 'много людей' или же'многие люди' (л.206а, ср. выше туркан-и галаба), сабзезар ва бише-и галаба иногочисленные лужайки и кустарники (л. 1976).

б) выполняет функцию предикатива:

Хар сал се мах базар галаба бащад аз турк (л.210а) 'Ежегодно в течение трех месяцев базар бывает наводнен (букв. многочисленным, обильным от ...) турками'.

Вероятно, как предикатив следует рассматривать галаба в сочетании с глаголом даптан (примеры особенно многочисленны в тексте 'Аджа'иб ал-Махлукат, ⁸ XII в., и в персидском переводе Истахри, выполненном в XIII в.⁹):

Ин ду шахр сахт абадан-анд ва араб андка галаба даранд (Истахри, стр.61) Эти два города очень благоустроенные, в них много арабов:

Ма дар иклим-й башим ки аб галаба дарад (АМ, стр. 263) "Мн находимся в стране, где много воды";

Гуйанд бе Чйн гурбе набашад ва муш галаба дарад (АМ, стр. 595)

'Говорят, в Чине нет кошек, и мышей много'.

4. Галаба, как свидетельствует наш текст, обозначает не просто 'крик', 'вопль', а 'густой шум'; 'крик', источником которого является множество людей, животных, насекомых:

Аз рафтан-и ў аваз-й айад бахаул чўн галаба-йи асйа (л.1706) "При его передвижении слышен страшный шум словно грохот мельнипы"; ср. также галаба кардан "поднимать шум", "приниматься жужжать" (о рое пчел) на л.1466 и примеры, приведенные в словаре Деххода и в Толковом словаре талжикского языка.

Это значение отмечено в словарях арабского языка и несомненно является производным по отношению к значению 'множество', 'большое число'.

5. Галаба является ярким примером бытования в персидском и таджикском языках многозначного слова арабского происхождения. Интересно отметить, что семантическая модификация, сужение семантической нагрузки галаба и стабилизация его значения произошли сравнительно поздно, о чем свидетельствуют примеры его многообразного использования еще в текстах XVII в.

فرهنگ عمید تالیف حسن عمید ، جلد دوم (ع سی) . تبرین . ۱۳۳۷ ، ص ۹۰۸

Рукопись А 253 из рукописного собрания ЛО ИВ АН СССР, о ней см.: О.Ф.Акимушкин и др. Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии Ан СССР (Краткий алфавитный каталог), I, M., 1964, с. 380.

Ср. Персидско-русский словарь. Под редакцией Ю.А.Рубинчика. М., 1970, т.II, стр.209; Таджикско-русский словарь. Под редакцией М.В.Ражими и Л.В.Успенской. М., 1954, с. 475, а также:

- على أكر دهذا لفت نامه زير نظر مهدمعين تهران ، ١٩٢٥ . بلددوم ، ص ١٨١ Фарханги забони точикії (аз асри X то ибтидон асри XX). М., 1969, ч.ІІ, с. 644.
- I.A. Vullers. Lexicon Persico-Latinum Etymologicum. Bonnae ad Rhenum, t.II, 1864, c. 6I4.
- Dictionary Persian, Arabic and English by Fr. Johnson. London, 1852, c. 90 I.
- Dictionnaire turc-arabe-persan par Dr.J.T.Zenker. Leipzig, 1866, c. 649.
- 7 Матал, согласно этому же словарю (I, стр.667): 'сон', 'сотдых'; употребление его для объяснения данного значения галаба нам не понятно.
 - عِابِ المخلوقات ، تالیف محمد بن محمود بن احمد طوسی . به ایتمام دکتر 8 منوچهر ستوده . ترمران ، ۱۳۴۵ .
 - ابواسحاق ابرا بهم اصطحری مسالک و ممالک ترجه فارسی (المسالک و المالک از قرن ۱/۵ بهری) ، تهران ، ۱۷۵۷

Dictionnaire Arabo-Francais par A.De Biberstain Kazimirsky, Paris, I860, t.II, c. 490; Supplement aux Dictionnaires arabes par R.Dozy, t.II, Layde, 1881, c. 22I.

А.С.Четверухин

O L'HABHRY ATERAX CLADOELNHELCKOLO NWEHHOLO HEETHINA

Староегипетское именное предложение по принадлежности его главных членов к частям речи может быть классифицировано следующим образом 2 :

- I. а. Личное местоимение $+/_{DW}$ +/ личное местоимение
 - б. Личное местоимение $+/_{DW}$ +/ существительное
 - $_{\rm C}$. Личное местоимение +/ $_{\rm pw}$ +/ причастие
 - d. Личное местоимение $+/p_W$ +/ прилагательное
- 2. а. Существительное $+/_{pw}$ +/ личное местоимение
 - b. Существительное +/pw +/ существительное
 - с. Существительное +/рw +/ причастие

- d. Существительное +/pw +/ прилагательное
- 3. а. Причастие +/pw +/ личное местоимение
 - b. Причастие +/pw +/ существительное
 - с. Причастие +/pw +/ причастие
 - d. Причастие +/pw +/ прилагательное
- 4. а. Прилагательное +/рw +/ личное местоимение
 - b. Прилагательное +/pw +/ существительное
 - с. Прилагательное +/pw +/ причастие
 - $^{\rm d}$. Прилагательное $+/{\rm pw}$ +/ прилагательное $^{\rm 3}$

Указательное местоимение pw функционирует как формальный логический субъект типа русского "это". Обращает на себя внимание отсутствие достоверных примеров на случаи пунктов 3. с-d и 4. с-d. Объяснению этого явления, маркировке главных членов, а также рассмотрению некоторых иных возможностей объяснения функции указательного местоимения pw и посвящается настоящая заметка.

В языкознании уже утвердилось мнение о предложении как явлении многоаспектном или многоуровневом. 5 Функция рж объясняется путем анализа логикограмматического уровня, 6 который иногда признается единственным для предложений этого вида. 7 Но логикограмматический анализ не в состоянии объяснить отсутствие примеров на пункты 3. с-д и 4. с-д и, следовательно, не может быть принят нами как единственно возможный. Необходимо найти тот уровень анализа именного предложения, который дал бы ответ на интересующий мас вопрос. По-видимому, при анализе именного предложения на уровнях модальном, полноты предложения, места предложения в развернутой речи, коммуникативной задачи и степени эмоциональности предложения (следуя классификации уровней (анализа) предложения В.Г.Адмони как наиболее полной из существующих вы не добъемся результата. По нашему мнению это явление должно найти свое объяснение из взаимосвязи "уровня выявления реальных смысловых связей между конституентами высказывания" и "уровня анализа. включающего известные синтаксические ещиницы, т.е. главные члены предложения - подлежащее и сказуемое", поскольку уровень внявления реальных смысловых связей между конституентами высказывания оперирует понятиями "а) носитель или произволитель признака (патиенс или агенс), понятие, которому признак приписывается, и б) наименование или обозначение этого признака", 10 а подлежащее - один из двух грамматически организующих центров предложения — это именной (в широком значении этого слова) конституент предложения". 12 учитывая, что "в функции грамматического подлежащего всегда выступает либо слово с общеграмматическим значением предметности (из разряда существительного или его
местоименных эквивалентов), либо слово окказионально "опредмеченное" (субстантивированное) тем или иным способом, в частности и
тем, что оно является подлежащим, т.е. его синтаксической функцей". ¹³ Иными словами, подлежащим именного предложения должно
быть имя, обозначающее предмет (любой степени абстрактности) или
"опредмеченное", заключающее в себе понятие, которому приценвается некий признак. Легко заметить, что этому требованию не могут
отвечать случаи пунктов 3. с-d и 4.с-d, поэтому их обнаружение
практически маловероятно (в последнем случае приходится подовревать "опредмечивание" одного из членов), впрочем, не только в
староегипетском языке. ¹⁴

Если исходить из существующих определений (грамматического) поддежащего. 15 то указательное местонмение явится самым универсальным в этом смысле, на втором месте станет личное местовмение, на третьем - существительное, на четвертом - придагательное и причастие, ибо способность слова выступать в качестве того или иного члена предложения связана, в первую очередь, с системообразующими свойствами данной лексемы. ¹⁶ а именно, с тем ее аспектом. как "предметность", "способность опредмечиваться" и. соответственно, выступать как "главный член двусоставного предложения. грамматически не зависимый от других членов предложения и указывающий на то, к чему относится информация, соцержащаяся в сказуемом", быть "словом или сочетанием слов, обозначающим тот предмет мысли. по отношению к которому определяется и выпеляется содетжание высказывания, связанное с предикацией. ¹⁸ Но маркировка главных членов такого предложения, безусловно, сильно затрудияется, если предицируются лексемы, принадлежащие к одной и той же части речи. Если опознавание поплеманего и сказуемого в таком случае не может быть провелено на основе лексических характеристик, то выход здесь может быть чисто формальным - ориентация на позицию (место расположения) лексемы в предложении в рамках системы именного предложения. 19 В таком случае в конструкциях пунктов I. a-d (грамматическим) поддежащим явится личное местовмение. То же в конструкциях пунктов 2. а. 3. а. 4. а. Спорным остается вопрос о позиции подлежащего в пункте 2. ь (существительное + /рw +/ существительное), но в данном случае мы орментируемся на пункты 3. в и 4.в., т.е. подлежащим считаем второе существительное.

И, наконец, следует остановиться на функции указательного

местоимения рw . 20 на уровне логикограмматического анализа предложения оно определяется как формальный логический субъект, 21 на "уровне выявления реальных смысловых связей между конституентами высказывания" оно функционально отключено, а на синтаксическом уровне ничто, по-видимому, не препятствует рассматривать его как местоименную связку по причине отсутствия в этой конструкции связки глагольной. 23 что же касается позиций формальной логики, признающей субъект, связку и предикат, 24 рм не более, чем факультативная связка.

В заключение отметим, что возникающее таким образом расхождение межну единицами различных уровней анализа предложения это реальность, с которой постоянно сталкиваются исследователи синтаксиса. ²⁵

Mu умышленно не употребляем термина "морфологическая классефикация", т.к. морфология староегипетских частей речи известна лишь весьма приблизительно (например, не исключено, что оуществительное и качественное прилагательное не имели морфоло-логических различий), из новейшей литературы см.: E.Edel, Alt-Agyptische Grammatik. I, An.Or. 34, Roma, 1955; G.Janssens, Contribution to the Verbal System in Old Egyptian, Orientalia Gandensia VI, Leuven, 1972; W.Schenkel, Die Altägyptische Suffixkonjugation, Äg.Abh. 32, Wiesbaden, 1975; J.Osing, Die Nominalbildung des Ägyptischen, I-II, Mainz, 1976; J.Vergote, Problèmes de la "Nominalbildung" en égyptien, CdE LI, N 102, 1976, p.261-285 etc.

В нашей статье "Синтаксическая функция указательного местоимения рw в староегипетском именном предложении" (будет опубликована, по-видимому, в сб. "Древний Восток — 3") мы даем несколько иную классификацию. Здесь мы объединяем указательноместоименный вид и безуказательноместоименный подвид в одной слеме.

В данном случае мы игнорируем модели, которые в качестве одного главного члена (или обоих) содержат группу (существительное, прилагательное или причастие с цепочкой зависимых слов), либо инфинитив или числительное как несущественные для данного анализа. Примеры для классификации базируются на Текстах пирамид

В изданиях к.Sethe, Die altägyptischen Pyramidentexte, 4 Bde, Lpz., 1908-1922; A.Piankoff, The Pyramid of Unas, Bollingen Series XL: 5, Princeton, 1968; R.O.Faulkner, The Ancient Egyptian Pyramid Texts Translated into English, Supplement, Oxford, 1969. Конкретные ссылки на встречаемость даются в нашей вышеуказанной статье, скооки показывают, что указательное местоимение — формальний логический субъект — в ряде случаев могло опускаться. Это явление анализируется нами в той же статье.

4 А. И. Молотков, Трудные случам лексико-грамматической карактеристыки слов ТО и ЭТО в русском языке, "Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И.И. Мещанинова", М.-Л., 1960, с.342-361.

5 Краткий обзор мнений и библиографию см. у В.И.Банару, Очерки по теории предикативности, Кишинев, 1973, с.4-9.

В этом отношении мы следуем за В.З.Панфиловым, Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971, с.138

Ук. соч., с.206. Вопросы соотношения единиц разных уровней анализа таких предложений признаются спорными — М.М.Гухман, Позиции подлежащего в языках различных типов, "Члены предложения в языках различных типов", Л., 1972, с.24.

В.Г.Адмони, Типология предложения, "Исследования по общей теории грамматики", М., 1968, с.232-237; аспект познавательной установки (- логикограмматический уровень по В.З.Панфилову) мы уже исключили.

9 М.М.Гухман, ук. соч., с.2I-22.

10 ук. соч., с.21.

В.З.Панфилов, Экстралингвистические и внутрилингвистические факторы в функционировании и развитии языка, ВЯ 4, 1963, с.49-57.

12 М.М.Гухман, ук. соч., с.22.

0.П.Суник, Общая теория частей речи, М.-Л., 1966, с.94 ср. с.95-96.

14 Что, вероятно, верифицирует оба этих, описанных М.М.Гухман, 17-2 56 аспекта применительно к именному предложению как одну из языковых универсалий.

15

- О.С.Ахманова, Словарь лингвистических терминов, М., 1969, изд. 2, с.329; Э.Д.Розенталь, М.А.Теленкова, Словарь-справочник лингвистических терминов, М., 1976, изд. 2, с.290; Ж.Марузо, Словарь лингвистических терминов, М., 1960, с.215.
- Н.В.Солицева, В.М.Солицев, Взаимоотношение частей речи и членов предложения (на материале изолирующих языков), "Члены предложения в языках различных типов", Л., 1972, с.82-83.
- 17 Автор данной заметки, однако, не согласен с мнением вышеуказанных авторов, считающих, что "для построения предложений чисто лексическая неоднородность (аспект фундаментального системообразующего свойства элементов языка А.Ч.) имеет подчиненное значение и может вообще быть несущественной" ук. соч., с.84.
 - 18 0.С.Ахманова, ук. соч., с.329.
- 19 Ср. М.М.Гухман, ук. соч., с.23-24. Парадигматика и синтагматика староегипетского именного предложения в настоящее время исследуется автором данной заметки.
- Помимо нашей вышеупомянутой статьи см. также работы того же автора "Именное предложение в системе староегипетского синтаксиса" (находится в редакции "Палестинского сборника") и "Происхождение египетского именного предложения модели "имя + указательное местоимение" (ШІ и ПИКНВ, XIII, М., 1977, с.175—179).
 - 2I См. прим. 2 и 4.
 - 22 См. прим. 10.
- Ср. А.И.Молотков, ук. соч., с.350—352. Сходным образом обстоит дело и в древнекитайском языке, в котором указательное местоимение ий , аналогичное египетскому о , рассматривается как связка в именном предложении. В отличие от египетского, превращение древнекитайского указательного местоимения в связку прекрасно прослеживается, см. М.В.Крюков, Хуан Шу-ин, Древнекитайский язык, М., 1978, с.185 (§ 32.8) и 314 (§ 55.1).

Б.Форгани, Логика, М., 1959, с.224; А.С.Ахманов, Логи-ческие формы и их выражения в языке, "Мышление и язык", М., 1957, с.193-194; П.В.Копнин, Природа суждения и формы выражения его в языке, там же, с.288-289; П.В.Таванец, Суждение и его вилы. М., 1953, с.47 и многие другие работы.

25 М.М.Гухман, ук. соч., с.2I-24; В.Г.Адмони, ук. соч., с.232-29I и многие другие работы. Констатируется во введениях в языкознание. См. также В.З.Панфилов, Грамматика и логика, М.-Л., 1963, с.39-40.

К.Л. Чижикова

ПОПОЛНЕНИЯ К БИБЛИОТРАФИИ ПО БЕНГАЛЬСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

- I. КАМИЛОВ З.С. Синтаксические функции деепричастия на -ите(-те) и образуемые ими конструкции в бенгали в сопоставлении с аналогичными фактами языка хинди. Научные труды Ташкентекого ун-та, 1975, вып. 480, с.90-II3.
- 2. ЧЕВКИНА Л.М. Некоторые замечания о классификации сложных предложений в современном бенгали. В сб.: "Индийская и иранская филология. Вопросы грамматики". М., ИВЛ, 1976, с.239—250.
- 3. BASU D.N. A socio-linguistic study of the Bangla kinship terms. IL, 1975, vol.36, N:3, p.217-226.
- 4. BASU D.N. Sutras of vowel-mutation in standard Colloquial Bengali. IL, 1976, vol.37, Nº4, p.311-312.
- 5. BHATTACHARYA Pramod Chandra. Sino-Tibetan (Boro) elements in Assamese, Bengali and North-Eastern Indic languages.L., 1975, vol.36, N:3, p.240-246.
- 6. DABBS J.A. Glossary of agricultural terms. English-Bengali. Texas, 1969. 102p. (International Programs Information report, 69).
- 7. DESPANDE Nanda V. Negation and negative particles in Bengali. BDCRI, 1976, vol.XXXV, Nº3-4, p.22-28.
- 8. GHOSH Manjuli and SINHA Prabhakar. Bilingualism and the Bengali of Bhagalpur. IL, 1975, vol.36, N:3, p.256-267.
- 9. GHOSH Samir K. Colloquial Bengali kha eat. AL, 1969, vol.XI, p.267-270.

- 10. GOLDSACK William. Mussalmani Bengali-English dictionary. Publ. by the compiler and printed by D.N.Banerjee and the Banerjee Press. Calcutta. 1923. IV.119p.
- 11. ISLAM Rafiqul. Language planning in Bangladesh. IL, 1975. vol.36. Nº3. p.186-190.
- 12. KLAIMAN M.H. Subjecthood, Reflexivization, Emphatic Pronominalization and clause Matedness in Bengali (with some side Glances at Hindi). B co.: "The Notion of Subject in South Asian languages". Ed. by K. Verma, South Asian studies University of Wisconsin-Madison Publ. series Publication N°2, 1976, p.137-151.
- 13. KOSTIC D. and DAS R.S. A short outline of Bengali phonetics. Calcutta, 1972. 182p.
- 14. MALLIK Bhaktiprasad. Language of the underworld of West Bengal. Calcutta, Sanskrit College, 1972. XVI, 130p. (Calcutta Sanskrit College Research Series NaLXXVI).

Pen.: Rocher Ludo - JAOS, 1977, vol.97, Nº3, p.370-371.

- 15. MIZOKAMI Tomio. On Arabo-Persian elements in modern Bengali. Indogaku bukkēgaku kenkyu, 1973, vol.XXI, N*2, p.1023-1019.
- 16. MIZOGAMI Tomio. On videsi loan-words in Modern Bengali-Osaka Gaikokugo Daigaku Gakuhō, 1973, vol.29, p.69-78.
- 17. MOJUMDER Atindra. Bengali language. Historical grammar. Pt.1-2. Calcutta, K.L.Mukhopadhyay, 1972-1973.

Pt.1 - 1972. IX.86, XXV p.

Pt.2 - 1973. XIII, 294p.

- 18. NARA Tsuyoshi and DASGUPTA Kolyan. On definiteness in Bengali Grammar (I). Ajia Afurika Bunpō Kenkyū, 1974, vol.3, p.91-101.
- 19. RÁCOVÁ A. The compound verb in Bengali. AASt., 1977, vol.XIII, p.29-46.
- 20. SEN S. An etymological dictionary of Bengali: c.1000-1800 A.D. In two volumes. Calcutta, Eastern publishers, 1971.

Vol. I A-NIBARA, p.XVI, I-496.

Vol.II NÎBANA-SELÂMI, p.497-968.

- 21. SINGH Udaya Narayan. Negation in Bengali and the Order of constituents. IL, 1977 (dec.1976), vol.37, N.º4, p.295-303.
- 22. KHĪN Abdul Mannana. Sabastare bamlabhasar pracalan cai bisaye. DB, 1974, I Januyarī, p.5.
 - 23. GHOS Abinaścanda. Bange parttugij-prabhav o bangabhasay

- parttugīj-padāfik.- SPP, 1319 B.S. /1912 A.D./, bhāg 18, NeI, p.45-58.
- 24. GHOS Satīścandra. Bāngālā śabda, tathā bānāna o likhanasamasyā. - SPP, 1319 B.S. [1912 A.D.7, bhāg 19, Nº2, p.79-93.
- 25. CAKRAVARTĪ Cintāharan. Bāmlā vyākaran sambandhe kayekti kathā. SPP, 1357 B.S., /1950 A.D., bhāg 57, N:1-2, p.1-8.
- 26. CATTOPADHYAY Basntakumar. Cattagrame pracalita bangabhasa. - SPP. 1326 B.S. /19197, bhag 26, N22, p.105-136.
- 27. CATTOPADHYAY Basantakumār. Bangabhāsāy netibācaker prayog. SPP, 1321 B.S. /1914 A.D./, bhāg 21, N.22, p.145-160.
- 28. CATTOPADHYAY Sunitikumār. "Krpār šāstrer arthabhed" o bāngālā uccārantattva. SPP, 1323 B.S. /1916 A.D./, bhāg 23, N°3, p.197-217.
- 29. COUDHURĪ Kunjakiśor. Deśbhed bangala bhasar akarbhed. SPP, 1320 B.S. [1913 A.D.7, bhag 20, Nº4, p.241-266.
- 30. JAIN Santosh. Hindī aor banglā bhāshāo kā tulnātmak adhyāyan. Delhī, Shabdakār, /19747. 200р. (на языке хинци).
- 31. TRĪVEDĪ Rāmendrasundar. Bāngālā vyākaran. SPP, 1308 B.S. /1901 A.D.7, bhāg 8, N.4, p.201-229.
- 32. THAKUR Śahajahan. Sarkari paryaye bamla pracalaner janya samaya sima bemdhe dite have. - DB, 1974, 29 Januyari,p.5.
- 33. PAL Candra. Banla sahitye arabi-pharsi sabda. Dhaka, Viśvabidyalay, 1967.
- 34. BARMMAN Treilokyanāth. Bhāsā āndolan o ekti jāti. Biprabī, 1972, t. I, N.I, p.23-26.
- 35. BASU Ānandamahan. Bāmlā bhasar itihas. Bolpur, Bīrbhum, Pāramitā prakāsan, 1973. 9,344p.
- 36. BHATTACARYA Taraprasanna. Bangala sabdakos sambandhe kaekti mantabya. SPP, 1323 B.S. /1916 A.D.7, bhag 23, Nº4, p.241-250; 1325 B.S. /1918 A.D.7, bhag 25, Nº2, p.69-76.
- 37. BHATTACARYA Taraprasanna. Samskrt, prakrt o bangala. SPP, 1324 B.S. /1917 A.D./, bhag 24, N:2, p.93-100.
- 38. BHĀTTĀCĀRYA Satīścandra.Bāngāla śabda, tathā bānāna o likhanasamasyā. SPP, 1319 B.S. 1919 A.D.7, bhāg 19, N.2, p.379.
- 39. MITRA Khagendranāth. Banga-bhāṣār triyāpad. SPP, 1317 B.S. /1910 A.D., bhāg 17, N=3, p.143-155.
- 40. MUKHOPĀDHYĀY Prakāścandra. Bāngālā śabdavibhakti sambandhe dui ekti kathātā. SPP, 1321 B.S. /1914 A.D./, bhāg 21, N23, p.167-178.

41. MUKHOPĀDHYĀY Prašantacihārī. Bańkim-sāhitya, samāj o sādhanā. Bombāi, Oriyent lammyānas, 1967. 238p.

0 бенгальском языке р.34-52.

42. MUSTAPHI Byomakes. Banla krt o taddhit. - SPP, 1308 B.S. /1901 A.D.7, bhag 8, N.4, p.229-240.

43. RASID Habībur (anuvadak). Bamla bhasa pariciti. - BEP, 1382 B.S. ∠1975 A.D.7, t. 20, NºI/2, p.I-29.

44. RAY Yogescandra. Bangala bhasa. - SPP, 1317 B.S. /1910 A.D./, bhag (parva) 17, atirikta, p.35-106.

45. RAY Yogeścandra. Bangala bhasa: rarher bhasa. - SPP, 1315 B.S. (1908 A.D.), bhag (parva) 15, atirikta, p.I-33.

46. RAY Satiscandra. "Bangala bhasay anujna" sambandhe alocana. - SFP, 1331 B.S. /1924 A.D.7, bhag 31, N:4, p.180-181.

47. RAY Satiscandra. Bangala sabda-kos (samalocana). - SPP, 1323 B.S. /1916 A.D.7, bhag 23, NºI, p.15-36.

48. RAYCOUDURÎ Surendracandra. Rafigapurer desîya bhasa. - SPP, 1312 B.S. /1905 A.D.7, bhag 12, NºI, p.14-35.

49. VANDYOPĀDHYĀY Rājendranāth. Bangabhāsāy racita prathamimrājī vyākaran. - SPP, 1343 B.S. 1936 A.D.7, bhāg 43, N24, p.184-185.

50. VANDYOPADHYAY Harancandra. Bangabhasay byabahrta urddu, parasī o arabī sabder tālikā. - SPP, 1308 B.S. 1901 A.D.7, bhag 8, Nº3, p.162-185.

51. VIŚVĀS Bīrendranāth. Rabīndranāthkṛt imrāji śabder bangānuvād. - SPP, 1366 B.S. (1959 A.D.), bhāg 66, N=3-4, p.327-358 kh.

52. VIŚVĀS Bīrendranāth. Rabīndraśabdakos. Kalikātā, Dioyārld pres prāibhet, 1971. 651p.

53. SAHĪDULLĀH Muhammad. Āmāder bhāsā samasyā. - B KH.: Purbapākistānynar prabandhasamgraha. Kalikātā, Sampradāyik sampīti parisad, 1970, p.191-201.

54. SAHĪDUILĀH Muhammad. Bangalā bhasay anujna. - SPP, 1331 B.S. 1924 A.D.7, bhag 31, N.4, p.170-176.

55. SIMH Narescandra. Bangabhāsāy pracalita ārabī, paršī o yūropīya sabda. - SPP, 1312 B.S. /1905 A.D./, bhāg 12, N:4, p.139-144.

56. SEKH Abdul Alim. Sarvastare bamlabhasar pracalan cai'bisaye kichu baktabya. - DB, 1974, 13 Januyarī, p.5.

57. SIDDIKĪ Ābdul Gaphur. Bangāksarer sahāyye ārabī o pāršī bhāsār śabda o akṣarer uccāranvidhi ebam likhan-praṇāl. - SPP, 1323 B.S. /1916 A.D.7, bhag 23, N.4, p.251-255.

58. SEN Sukumār. Bānlāy nārīr bhāsā. - SPP, 1333 B.S. ∠1926 A.D.7, bhāg 33, N.44, p.239-250.

59. HAI Muhammad Abdul. Amader bahla uccaran. - B KH. Purbapakistaynar prabandha-sangraha. Kalikata, Sampradayik samprīti parisad, 1970, p.1-14.

Принятие сокращения

AASt. - "Asian and African studies". Department of Oriental studies of the Slovak Academy of Sciences, Bratislava.

AL - "Anthropological Linguistics". A Publication of the Archives of Languages of the World,
Anthropology Department, Indiana University.

BEP - "Bamla Ekademi Gabesana Patrika". Dhaka, Bangla Ekademi prakasita.

BDCRI - "Bulletin of the Deccan College Research Institute", Poons.

DB - "Deinik Bamla". Dhaka.

IL - "Indian Linguistics". Journal of the Linguistic Society of India, Poona.

JAOS - "Journal of the American Oriental Society",
New York - New Haven.

SPP - "Sāhitya-parisat-patrikā". Treimāsikpatra, Kalikātā.

З.А.Юсупова

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ КУРІСКИХ ЭНКЛИТИЧЕСКИХ МЕСТОИМЕНИЙ

Выступая в одной и той же форме в качестве различных членов предложения, энклитические местоимения в курдском языке могут сочетаться как с самостоятельными лексическими единицами, так и с предлогами и послелогами, обеспечивая в предложении самые разнообразные синтаксические связи. При этом, если в предложении употреблено несколько энклитик (в разных функциях), то в их расположении наблюдается определенный порядок.

В настоящей статье излагаются займксированные нами возможные позиции энклитических местоимений в функции второстепенных членов предложения — определения, а также прямого и косвенного дополнений.

І. Функция определения.

Позиция I — примыкает к определяемому слову: bawk(1)— \underline{m} hatuwe 'мой отец приехал'; ew kabraye emro dête mal— \underline{tan} ' \underline{and} человек сегодня прибудет в ваш дом':

Цри наличии в составе определяемого имени каких-либо грамматических показателей (определенности, множ. числа), местоименная энклитика стоит в замыкающей позиции: baxeke-<u>man</u> zor gewreye 'наш сад очень большой'; çawekan-<u>i</u> çend cwanin 'какие у нее красивые глаза'.

За местоименной энклитикой могут следовать только последоги: em zewfye le bapfr(i)—m-ewe bom mawetewe 'эта земля досталась мне от моих предков'; ebfné be ser mindalekan—f-da xelk dabarfwe 'видит он, над его детьми собрадся народ'.

Позиция 2 — при наличии к определяемому слову нескольких определений, местоименная энклитика примыкает к последнему из них: kige cwane balaberzeke-yebrêne koşkf padişa 'ero прекрасных, стройных дочерей увозят во дворец падишаха'; kure gewreke-y jinf hênawe 'ero старший сын женился'.

llозиция 3 — предмествует предмеативной связке: еще хиеkite? 'это твоя сестра?; mindaleke le jûreke-m-daye 'ребенок находится в моей комнате'.

II. Функция прямого дополнения.

Повиция I - в составе предиката.

Позиция Ia — при предикате, выраженном простым глаголом, примыкает к глагольным префиксам (модальности, длительности, от-рицамия): ¿êr bi-m-şkêne nek rêwî bi-m-xwat (посл.) 'пусть сломит меня лев, но не съест лиса': eger seg nebî gurg e-t-xwat (посл.) 'если не будещь собакой, волк съест тебя'; радіза кеwî dîwe u na-y-gêrêtewe 'падишах видел сон, но он не рассказывает его'.

Позиция Iб — при предикате, выраженном сложноименным глаголом, примыкает к именной части: êsta kê germ —1 ekatewe «кто

теперь согрест его?'; emro têr(i)-m ке 'сегодня накорые меня'.

Позиция Ів — при предикате, выраженном сложноприставочным глаголом, примыкает к приставке: de ber(1)— \underline{n} de 'ну отпусти меня!'; hel- $\hat{\mathbf{i}}$ —egrê \mathbf{u} e- $\underline{\mathbf{y}}$ -batewe malekey 'oн берет ее и уносит ее в свой дом'; biragewrey der-yan eka 'старший брат выгоняет их'.

Позиция 2 - примикает к косвенному дополнению (редко): newek be min(i)-t bizanin 'как бы они не приняли тебя за меня'.

Позиция 3 - примыкает к обстоятельственному слову (редко): pêm bilê be çend-yan edey 'скажи мне, за сколько отдашь их?'.

Обращает на себя внимание тот факт, что во всех отмеченных позициях употребления местоименных энклитик в функции прямого дополнения предикат выражен глаголом в настоящих временах.

III. Функция косвенного дополнения.

А. Предложное косвенное дополнение

Позиция I - примыкает к предлогу (при предикате, выраженном переходным или непереходным глаголом в формах как настоящего, так и прошедшего времен).

Позиция Ia — примыкает к простому предлогу (первичному, отыменному): zor be herzanîş bo-tan ebemewe 'для вас я отнесу за небольшую плату'; emca parem edizî u emhênayewe bo-y 'затем я крал деньги и приносил ей'; nawêrim le gel-yan bêm 'я не осмеливаюсь идти с ними'; le beramber-î-(у)ewe pîrêkî rîşsipî westabû 'перед ним стоял какой-то седобородый старец'.

Позиция Id — примыкает к сложному предлогу: qazî 18-yan-î epirsî 'судья спросил у них'; ewanîş pê-y pêkenîn u çûn 'a они посмеялись над ним и ушли'; kase pir bû 1ê-y erjê (посл.) 'переполненная чаша проливается (букв. если чаша наполнилась, из нее прольется)'.

Позиция 2 - примыкает к прямому дополнению (или к его определению), а предлог стоит в постпозиции (при предикате, выраженном переходным глаголом в формах настоящего времени).

Позиция 2a — простой предлог в постпозиции: afret, çayek-(i)—m bo têke 'жена, налей-ка мне чаю'; êsta serhatêkî giring-tan bo exwênimewe 'сейчас я вам поведаю одну тяжелую историю'; hendê sehoI—man bo bêne 'принеси-ка нам немного льда'.

Позиция 26 - сложный предлог в постпозиции: kemançeke-y pê biderewe 'верни ему каманчу'; çî-tan lê bişarimewe 'что мне

скрывать от вас?'; ко berd-<u>f</u> pê naxom 'я же не камни ем ими'. Б. Беспредложное косвенное дополнение.

Позиция I — в составе предиката, выраженного переходным глаголом в формах настоящего времени.

Позиция Ia — при предикате, выраженном простым глаголом (обычно это глаголы направленного действия, оформленные ориенти-рупшей энклитикой =ê), примыкает к формообразующим префиксам: min e-t-demê 'я дам тебе'; bi-m-genê 'помогите мне'; eyewê b-f-kuje 'он хочет убить его'; ftir bo b-f-perestim 'зачем же мне теперь поклоняться ему'.

Позиция Ió — при предикате, выраженном сложноименным глаголом, примыкает к именной части: minfş yarîde-y edem 'и я ему помогу'; êsta welam(i)-t edem 'сейчас я тебе отвечу'.

Позиция Ів — при предикате, выраженном глаголом—связкой, примыкает к присвязочной части: bira, em hewte çî-t-in? 'братец, кем эти семеро тебе являются?'; ewe çî-tan-e? çon çî-man-e?! 'что это с вами? Как что с нами!?'.

Позиция 2 — при предикате, выраженном переходным глаголом в формах настоящего времени, примыкает к прямому дополнению: to min- $\hat{\mathbf{I}}$ biderê 'отдай ты меня ему'; biçim bizanim ştêk(i)-m nadenê 'пойду узнаю, не дадут ли они мне что-нибудь'; ba biroyn min westayetîy xom(i)-t pîşan dem 'пойдем,я покажу тебе свое мастерство'.

Аналогичная конструкция образуется при предикате, выраженном глаголами бытия, наличия, где местоименная энклитика в функции косвенного дополнения (субъекта обладания) присоединяется к объекту обладания: hendê pirsyar(1)— \underline{m} heye $\overset{c}{\text{су}}$ меня есть несколько вопросов; $\overset{c}{\text{c}}$ 1 heye $\overset{c}{\text{c}}$ 4 heye $\overset{c}{\text{c}}$ 4 to y тебя есть?

Разновидностью косвенного дополнения следует, по-видимому, считать и употребление местоименной энклитики в функции субъекта действия в конструкциях с пассивным глаголом: eme-m pê nakrê 'мне это не сделать'; ewende-y saman bo pêkewe nira 'у него на-копилось столько богатства ...'.

Позиция 3 — примыкает к обстоятельственным словам (при опущенном предикате): twêqûekey minîş bo ewarê-<u>man</u> 'а моя еда /будет/ нам на вечер'; eme bo em zistane-<u>tan</u> 'а это — вам на зиму'.

Таковы предварительные наолюдения относительно синтаксиче-

ских функций энклитических местоимений, необходимые для дальнейшего исследования структурных типов предложения в курдском языке.

C.J.Edmonds, Prepositions and personal affixes in Southern Kurdish. - BSO(A)S. London. 1955, vol.17, part 3, c.490-502.

E.M.McCarus, A kurdish grammar. Descriptive analysis of the kurdish of Sulaimaniya, Iraq. New York, 1958.

D.N.Mackenzie, Kurdish dialect studies, London, vol.I, 1961.

⁴ К.К.Курдоев, Энклитические местоимения в курдском языке. — IIII и ПИКНВ, Л., 1965, с.56-58.

⁵ К.Р.Эйюби и И.А.Смирнова, Курдский диалект мукри. Л., 1968.

⁶ К.К.Курдоев, Грамматика курдского языка (на материале диалектов курмандки и сорани), М., 1978.

ви в д и о г р а ф и я

Г.С. Шрон

МАТЕРИАЛЫ К ЕИЕЛИОГРАФИИ РАБОТ СОТРУДНИКОВ ЛО ИВ АН СССР ЗА 1977 ГОЛ

- I. Аб сентова М.Х. О ташкентском и ленинградском списках "Мусаххир ал-билад". III и ПИКНВ, XIII. М., 1977, с.70-74.
- 2. Айтоеров Т.М. К вопросу о рабстве в Дагестане в XУI-XУIIвв. - ПП в ПИКНВ, XII, /ч.3/. М., 1977, с.52-57.
- 3. Айтберов Т.М. Материалы по истории горного Дагестана XУ-XУI вв. - III и ПИКНВ, XIII. М., 1977, с.77-79.
- 4. Акимушкин 0.Ф. "Тутй-наме" Нахшаби и "Джавахир ал-асмар". - III в ПИННВ, XIII. М., 1977. с.125-128.
- 5. **Акимушки**н 0.Ф. Фрагменты документов с Восточного Памира. - ППВ 1972. М., 1977, с.130-136.
- 6. Акимушкин 0.Ф. /Отв.ред., послесл. и коммент./: Саэди Г. Одержимые ветрами. Пер. с перс. А.М.Михалева. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1977. IO3c. Послесл.: с.97-IO3.
- 7. Амусин И.Д. Денежно-весовая система в древней Палестине в I тыс. до н.э. В кн.: Пятый Международный конгресс по экономической истории. Ленинград, 1970. Доклады. Т.5. М., 1976, с.169-179.
- 8. Амусин И.Д. Кумранский учитель праведности и апокриф "Завет Левия". ПП и ПИКНВ, XIII. М., 1977, с.79-82.
- 9. Амусин И.Д. О возможной кумранской реминисценции у Псевдо-Киприана. - вди, 1977, № I, с.196-206. Рез. на англ.яз.
- IO. Бартольд В.В. Сочинения. /В 9-ти тт./ Т.9. Работы по истории востоковедения. /Подгот. к изд. А.М. Мандельштам и Н.Н.Туманович. Отв.ред. А.Н.Кононов/. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит.. I977. 966с.; 7 карт.

- II. Бапиева С.М. Географический фактор в историко-социологической концепции Ибн Халдуна. — III и ПИКНВ, XII, /ч.3/. М., I977. c.68-74.
- I2. Hodjache S.I. et <u>Berlev C.D.</u> Le père du fondateur de la dynastie des princes de Tjhhtj en Nubie. B KH.: Ägypten und Kusch. Berlin, 1977, S.183-188. (Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients, Bd.13).
- 13. Berlev O. /D./ /Pen. Ha KH./: Simpson W.K. The Terrace of the Great God at Abydos: the Offering chapels of Dynasties 12 and 13. New Haven and Philadelphia, 1974. VIII+30p.; 84pls. (Publs.of the Pennsylvania-Yale exped. to Egypt, N 5). BiOr, Jg.33, 1976, N 5/6, p.324-326.
- I4. Берлев О.Д. /Пер. с англ./: Антес Р. Мифология в древнем Египте. - В кн.: Мифология древнего мира. М., 1977, с.55-121.
- 15. Бертельс Д.Е. Несколько страниц из жизни и деятельности академика Христиана Даниловича Френа. III и ПИКНВ, XII, /ч.3/. М., 1977, с.154-I60.
- I6. Bogoslowski E.S. Die "Auf-den-Ruf-Hörenden" in der Privatwirtschaft unter der 18. Dynastie. B kH.: Ägypten und Kusch. Berlin, 1977, S.81-95. (Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients, Bd.13).
- I7. Бойко К.А. Арабская историческая литература в Испании (УІІІ первая треть XI в.). М., "Наука", Гж. ред. вост. лит., 1977. 299с. (АН СССР. Ин-т востоковед.). Список лит.: с.233-262 и в конце разд. Указатели: с.263-299.
- I8. Бойко К.А. К истории формирования арабской исторической традиции в Египте ('Абдаллах б. 'Амр б. ал 'Ac). ПП и ПИКНВ, XII, /ч.3/. М., 1977, с.89—96.
- 19. Брагинский В.И. и <u>Болдырева М.А.</u> Описание малайских рукописей в собрании Ленинградского отделения Института восто-коведения АН СССР. В кн.: Малайско-индонезийские исследования. Со. статей памяти акад. А.А.Губера. М., 1977, с.I3I-I6I. Рез. на англ.яз.: с.24I-242.
- 20. Болдьрева М.А. /Пер. с малайск./: Рашид Нгах А. Единственная лампа. — В кн.: Современная малайзийская новелла. М., 1977, с.218-233.
- 21. Болсохоева Н.Д. Тибетская дидактическая литература ("Субхашита"). В кн.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1977, с.270-276. Библиогр.: с.275-276.

- 22. Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Бадер Н.О., Башилов В.А., <u>Большаков О.Г.</u> и др. Исследования Иракской экспедиции. В кн.: Археологические открытия 1976 года. М., 1977. с.590—592.
- 23. Большаков О.Г. /Сост./: Приложение к "Сочинениям" академика В.В.Бартольда (карты и планы). — В кн.: Бартольд В.В. Сочинения. т.9. М.. 1977. 7 карт и планов.
- 24. Бурман А.Д. Стандартные формулы обращения к королю в бирманской драматургии XIX в. В кн.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1977, с.286—293. Библиогр.: с.293.
- 25. Васильева Е.И. Хроника Хусрава ибн Мухаммада "Тарих-и Бани Ардалан" как источник по истории и этнографии курдов Арделана XVIII-XIX веков. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. К., 1977. 16с. (АН СССР. ЛОИВ ЛОИЭ).
- 26. Васильков Я.В. /Рец. на кн./: Гринцер П.А. Древнеиндийский эпос. Геневис и типология. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит.. 1974. 418с. - НАА. 1977, № 1. с.181-186.
- 27. Vasilkov Ya.V./Peu. Ha KH./: The Mahabharata I. The book of the beginning. Transl. and ed.by J.A.B. van Buitenen. Chicago-London, The Univ. of Chicago Pr., 1973. XLVII+459p. IIJ, vol. 19, 1977, N 1/2, p.154-161.
- 28. Васильков Я.В. /Пер. с англ. и библиогр./: Норман Браун У. Индийская мифология. В кн.: Мифология древнего мира. М.. 1977. с.283-336.
- 29. Витол А.В. К вопросу о значении института великих везиров в системе государственного управления Османской империи конца XVII начала XVIII в. ПП и ПИКНВ, XIII. М., 1977, с.3-5.
- 30. Витол А.В. К характеристике внешней торговли Османской империи (первая половина ХУІІІ в.) ШІ и ПИКНВ, ХІІ, /ч.3/. М., 1977, с.58-61.
- ЗІ. Волкова М.П. К характеристике цинских официальных трудов по истории маньчжурского государства в первой половине ХУІІ в. В кн.: Восьмая научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл.І. М., 1977, с.203-212.
- 32. /Волкова М.П./ Nowak M. and Durrant S. The tale of the Nishan shamaness. A Manchu folk epic. Seattle, Univ. of Washington Press, 1977.

Пер. на англ. яз. книги: Нишань самани битхэ. (Предание о

- Нишанской шаманке). Изд. текста, пер. и предисл. М.П.Волковой. М., ИВЛ, 1961. 178с. с ил.
- 33. /Волкова M.П./ Viaggio nell' Oltretomba di una sciamana mancese. A cura di Giovanni Stary. Firenze, Libreria Commissionaria Sansoni S.p.A. 1977. 109p.
- Пер. на итал. яз. книги: Нишань самани битхэ. (Предание о нишанской шаманке). Изд. текста, пер. и предисл. М.П.Волковой. М., ИВЛ, 1961. 178с. с ил.,
- 34. Воробьев М.В. Город в раннесредневековой Японии. В кн.: Древние города. Материалы к Всесоюз. конфер. "Культура Сред. Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья". (Пенджи-кент, окт. 1977 г.) Л., 1977, с.66—69.
- 35. Воробьев М.В. Китайско-чжурчжэньские отношения в дни мира и войны. В кн.: Восьмая научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезиси и докл.І. М., 1977, с.134—143.
- 36. Воробьев М.В. О ранних чжурчжене-монгольских языковых связях (к постановке проблемы). IIII и ПИКНВ, XIII. М., 1977, с.154—158.
- 37. Воробъев-Десятовский В.С. /Пер. прозы с санскр./: Шудрака. Глиняная повозка. Фрагменты. В кн.: Клиссическая драма Востока. Индия. Китай, Япония. М., 1976, с.48-106. (ЕВЛ. Сер.І, т.17).
- 38. Ворожейкина З.Н. Еще несколько бейтов, приписываемых Рудаки. ППВ 1972. М., 1977, с.5-8.
- 39. Ворожейкина З.Н. /Сост., предисл. и примеч./: Иредж-Мирза. Верность. Избранная лирика. Пер. с перс. Л., "Худож. лит.", 1977. 182c. Предисл.: с.3-25.
- 40. Ворожейкина З.Н. Касыда "фахрийе" самовосхваление средневекового поэта. III и ПИКНВ. XIII. М., 1977, с.128-I3I.
- 41. Гафурова Н.Б. Некоторые особенности поэтических образов поэзии Кабира. - "Wiss. Zeitschr. der Humboldt - Univ. zu Berlin, Gos.-Sprachw. R.", Bd. 25, (1976), N 3, S.357-359.
- 42. Голдобин А.М. Тайная организация вафщистов. IIII и IIIКНВ, XII, /ч.3/. М., I977, c.6I-67.
- 43. Горегляд В.Н. Записки о Японии. В кн.: Дальневосточные путешествия и приключения. Вып. 8. Хабаровск, 1977, с.341-422.
- 44. Goregijiad V.N. Japanese studies in the Union of Soviet Socialist Republics. "The Japan Foundation Newsletter, vol. 5, 1977, N 3, p.11-23.

- 45. Гохман В.И. Шаны Бирмы. (Историко-этнографический очерк). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1977. 20с. (АН СССР. Ин-т этногр. им Н.Н.Миклухо-Маклая. Ленингр. часть).
- 46. Грязневич П.А. Аравия и арабы (к истории термина ал-араб). IIII и ПИКНВ, XII, /ч.3/. М., 1977, с.42-52.
- 47. Грязневич П.А. О состоянии и перспективах развития арабистики в ЛО ИВ АН. ПП и ПИКНВ, XII, /ч.3/. М., 1977, с.6—18.
- 48. Грязневич П.А. /Предисловие/. В кн.: Краткая история Йемена. Аден, 1977, с.І.-7. /На араб.яз./.
- 49. <u>Грязневич П.А.</u>, Котлов А.И. и <u>Пиотровский М.Б.</u> Средневековая история Йемена. /Гл. 2/. - В кн.: Краткая история Йемена. Аден. 1977. с.43—89. /На араб. яз./.
- 50. Грязневич П.А. /Отв. ред. и предисл./. Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII годичная науч. сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения), /ч.3. Сессия арабистов/. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1977. 164с.
- 51. Гуревич И.С. Некоторые особенности предикативов со значением качества в китайском языке III-У вв. III и ПИКНВ, XIII. М.. 1977. с.159-161.
- 52. Дандамаев М.А. Ахеменидское государство. /Гл. 3/. В кн.: История Ирана. М.. 1977. с.47-72.
- 53. Дандамаев М.А. Вавилонский документ о древних иранцах. — В кн.: Вопросы иранской и общей филологии. /В честь 70-летия В.И. Абаева/. Тоилиси. 1977. с.93-97.
- 54. Дандамаев М.А. Данные вавилонских документов УІ-У вв. до н.э. о саках. ВДИ, 1977. № 1. с.30-40. Рез. на англ.яз.
- 55. Дандамаев М.А. Послесловие. В кн.: Уилбер Д. Персеполь. Археологические раскопки резиденции персидских царей. М., 1977, c.90-101.
- 56. Дандамаев М.А. Проблемы истории древневосточных обществ в трудах советских востоковедов (1967-1977 гг.) ВДИ, 1977. № 4. с.17-34. Рез. на англ.яз.
- 57. Джафаров Ю.Р. К вопросу о хайландурах историка Егише. ПП и ПИКНВ, XIII. М., 1977, с.6-10.
- 58. Додхудоева Л.Н. О двух стилях миниатюр "Хамсе" Низами (ПНС 370). III и ПИКНВ, XIII. М., 1977, с.83-86.
- 59. Дулина Н.А. Первое светское уголовное уложение в Османской империи (1840 г.). ПП и ПИКНВ, XIII. М., 1977, с.II-I4.

- 60. Дунаевская И.М. Хаттский язык. БСЭ, 3-е изд., т.28. М., 1978, с.216.
- 61. Дунаевская И.М. /Пер. с англ./: Гютербок Г.Г. Хеттская мифология. В кн.: Мифологии древнего мира. М., 1977, с.161-198.
- 62. Дъяконов И.М. Введение. В кн.: Мифологии древнего мира. М., 1977, с.5-54.
- 63. Едисеев Д.Д. Новелла корейского средневековы (эволюция жанра). Отв. ред. Л.Н.Меньшиков. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1977. 56с. (АН СССР. Ин-т востоковед.). Список лит.: с.243—250. Указатели: с.251—255.
- 64. Елисеева Н.В. XII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. НАА. 1977, № 2, с.161—168.
- 65. Елисеева Н.В. /Хроникальные заметки о научной жизни ло ив ан ссср /.— наа. 1977, № 4. с.194—195; № 5, с.187.
- 66. Жданова Л.В. Образ моря в пикле Чхве Чхвона "Воспеваю ветер и луну" (884 г.) III и ПИКНВ, XIII. М., 1977, с. 131-134.
- 67. Западова Е.А. /Сост. и предисл./: Волиебная арфа. Сказки народов Бирмы. Пер. с бирман. М., "Худож. лит.", 1977. 351с.

"От составителя": с.5-9.

- 68. Западова Е.А. Советская литература в Бирме 30-50-х годов. В кн.: Литература стран зарубежного Востока и советская литература. М., 1977, с.176-194. Библиогр.: с.194.
- 69. Западова Е.А. и Минина Г.Ф. /Аннот./: У Ян Аун. Отец. (У Ян Аун. Апхей. Рангун. Зве сапей йей мьоун, 1974. 224с.) "Современная худож. лит-ра за рубежом. Информ. сб.", 1977, № I (121). с.10-II.
- 70. Западова Е.А. /Пер. с опрман./: Как дедушка То Ча напутствовал новобрачных. О ленивом зяте. О недогадливом женихе. /И др. сказки . Всего 38 ск./— В кн.: Волшеоная арфа. Сказки народов Бирмы. М., 1977, с.70—72, 73—78, 79—86, 157—159, 292—293, 299—307, 325—333, 337—340, 343—344.
- 71. Зограф Г.А. К вопросу о "новой флексии" глагола в индоарийских языках. ВЯ, 1977, № 6, с. IOI-IO6.
- 72. Зограф Г.А. К методике грамматического описания индийских языков (классы слов и грамматические категории). В кн.:
 Тезисы докладов I Международного симпозиума ученых соц. стран
 на тему "Теоретические проблемы восточного языкознания". Ч.І.
 М.. 1977. с.80—83.

- 73. Зограф Г.А. Многоязичие в Индии. В кн.: Страны и народы Востока. Вып. 19. М., 1977, с.191-205. Лит.: с.205.
- 74. Зограф Г.А. Роль типологических параметров в описании родственных языков. В кн.: Тезисы дискуссии "Типология как раздел языкознания". М., 1976, с.86—88.
- 75. Зограф Г.А. Языки и письменности /Пакистана/. В кн.: Пакистан. Справочник. /2-е изд./. М., 1977, с.39-54.
- 76. Зограф Г.А. /Отв. ред., предисл., коммент./: Чаттерджи С.К. Введение в индоарийское языкознание. Восемь лекций, прочитанных в 1940 г. в Гуджаратском об-ве родного языка (Ахмадабад). Пер. с англ. В.П.Липеровского. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1977. 256с. (АН СССР. Ин-т востоковед.). Предисл.: с.5—30.
- 77. Зограф Г.А. /Предисл., примеч., сост./: Centralas Indijas pasakas. /Сказки Центральной Индии/. Riga, "Zinathe", 1977. З98с. Предисл.: с.5-24.
- 78. Зограф И.Т. Изучение истории среднекитайского языка в ЛО ИВ АН СССР. В кн.: Тезисы докладов I Международного симпозиума соц. стран на тему "Теоретические проблемы восточного языкознания". Ч.І. М.. 1977. с.83—85.
- 79. Зограф И.Т. Конструкция счета в среднекитайском языке. — ПП и ПИКНВ, XIII. М., 1977, с.161—169.
- 80. Иванова Г.Д. Отай переводчик. III и ПИКНВ, XIII. М., 1977. с.134-137.
 - . Иориш И.И. см. № 96.
- 81. Кадырбаев А.Ш. Китайские источники эпохи Юань о карлуках. ПП и ПИКНВ. XIII. М... 1977. с.86—90.
- 82. Кепинг К.Б. Дуньхуанский текст предисловия к Suvar papraphāsa. IIIB 1972. M., 1977, c.153—160.
- 83. Кепинг К.Б. К вопросу об основной характеристике строя тангутского языка. В кн.: Тезисы докладов I Международного симпозиума соц. стран на тему "Теоретические проблемы восточного языкознания". Ч.І. М., 1977, с.103—106.
- 84. Кепинг К.Б. Рукописный фрагмент военного трактата Сунь цзы в тангутском переводе. ППВ 1972. М., 1977, с.161—166.
- 85. Кепинг К.Б. Согласование глагола в тангутском языке. ПП и ПИКНВ, XIII. М., 1977, с.169-173.

- 86. Кляшторный С.Г. Древние города Монголии. В кн.: Древние города. Материалы к Всесова. конфер. "Культура Сред. Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья". (Пенджикент, окт. 1977 г.). Л.. 1977. с.64—65.
- 87. Кляшторный С.Г. Образ кагана в Орхонских памятниках.
 IIII и ПИКНВ. XIII. М., 1977, с.14—17.
- 88. Кляшторный С.Г. Тюркский каганат. БСЭ, 3—е изд., т.26. М.. 1977, с.416.
- 89. Кляшторний С.Г. Эпиграфические работи в Монголии. В кн.: Археологические открытия 1976 года. М., 1977, с.588-589.
- 90. Кляшторный С.Г. Язык и письменность /раннесредневекового Казахстана/. В кн.: История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т.І. Алма—Ата, 1977, с.434—442.
- 9I. Kljastornij S.G. L'interprétation du mot "bediz" dans les inscriptions: runiques. B KH.: Hungaro-Turcica. Stud. in honour of J.Németh. Budapest. 1976, p.51-54.
- 92. Кобец В.Н. Фукудзава Юкити о сущности цивилизации. IIII и ПИКНВ. XIII. М.. 1977. с.17-21.
- 93. Козина Е.М. Положение зависимых людей. "бущой" и "кэной" по документам периода Тан (УІІ-ІХ вв.) ШІ и ШИКНВ, ХІІІ. М., 1977, с.2І-25.
- 94. Колесников А.И. Иран накануне арабского завоевания. Ред. Н.В.Пигулевская. Пер. М.Р.Йахйай. Тегеран, Изд. "Агах", 2535/1976. 350c. /На перс. яз/.
- Пер. /с дополн./ книги: Колесников А.И. Иран в начале УІІ в. (Источники, внутр. и внешн. политика, вопросы административного деления). Л., "Наука", Лен. отделение, 1970, 144с.
- 95. Колоколов В.С. Предисловие Го Пу к книге "Эр-я". В кн.: Китай: история, культура и историография. М., 1977, с.115-123. Библиогр.: с.123.
- 96. Кононов А.Н. и Иориш И.И. Ленинградский восточний институт. Страница истории советского востоковедения. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1977. 136с. (АН СССР. Ин-т востоковед.). Указ. имен: с.127-130. Библиогр.: с.131-135.
- 97. Кононов А.Н. О геневисе тюркских аффиксальных морфем. В кн.: Hungaro-Turcica. Stud. in honour of J.Németh. Budapest, 1976, p.87—92.
- 98. Кононов А.Н. Основные этапы формирования турецкого письменно-литературного языка. ВЯ, 1977, № 4, с.21-36.
 - 99. Кононов А.Н. Слово об Эрванде Владимировиче Севортяне.

- (К 75-летию со дня рождения). Список научных трудов д-ра филом. наук, проф. Э.В.Севортяна. СТ, 1976, № 5, с.100-104 с портр.
- 100. Кононов А.Н. Современное тюркское языкознание в СССР. Итоги и проблемы. ВЯ, 1977, № 3, с.13-26.
- IOI. Кононов А.Н. Турецкое языкознание в СССР за 60 лет. 1917-1977 гг. - В кн.: Великий Октябрь и Турция. Тезисы и резоме докл. и сообщ. науч. конф. 25-27 мая 1977 г. г. Тоилиси. М., 1977, с.70-73.
- 102. Кононов А.Н. Тюркология. Тюркские языки. БСЭ,3-е изд., т.26. М.,.с.414-416.
- IO3. Кононов А.Н. Тюркское языкознание в СССР. Некоторые втогв. I973—I976 гг. В кн.: Altaica. Proceed. of the 19th annual meeting of the PIAC. Held in Helsinki 7-11 June 1976. Helsinki, 1977, p.143-155.
- IO4. Kononov A.N. Terminology of the definition of cardinal points at the Turkic peoples. AOH, t.31, 1977, fasc.1, p.61-76.
- 105. Кононов А.Н. /Рец. на кн./: Тенишев Э.Р. Строй сарыт-прурского языка. М., "Наука", 1976. 307с. ИАН СССР, СЛЯ, т.36, 1977, № 2, с.177-179.

CM. TARKE M IO.

- IO6. Кроль Ю.Л. О понятии "цзя" (школа) в древнем Китае. В кн.: Восьмая научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисн и докл.І. М., 1977, с.79—87.
- 107. Кроль В.Л. Рассуждение Сыма о "шести школах". В кн.: Китай: история, культура и историография. М., 1977, с.131—157. Биолиогр.: с.155—157.
- 108. Кроль Ю.Л. Ханьский "декрет о пожаловании в удельные правители и награждении за военные заслуги". III и ПИКНВ, XIII. М.. 1977. с.25-29.
- 109. Кроль D.Л. /Хроникальная заметка о заседании, посвящ. 85-летир.Б.И.Панкратова/. НАА, 1977, № 5, с.187-188.
- IIO. Kroll Ju.L. Ssu-ma Ch'ien's literary theory and literary practice. The Kung-yang School concept of will and the Shichi. AOF. IV. Berlin, 1976, S.313-325.
- III. Куликова А.М. История крузенитерновского списка "Малайских родословий" - "Sejarah Melayu". - В кн.: Малайскоиндонезийские исследования. Сб. статей памяти акад. А.А.Губера. М., 1977, с.162—167. Библиогр.: с.166—167.

- II2. Куликова А.М. Новий документ о Сагите Хальфине. -- IIII и IMKHB. XIII. М., 1977, с.90-93.
- II3. Курдоев К.К. и Мусаэлян Ж.С. К изучению курдских племен (по материалам ХУІ-ХХ вв.) ШІ и ПИКНВ, ХІІІ. М., 1977, с.29—35.
- II4. Курдоев К.К. О некоторых толкованиях сведений Ксенофонта о кардухах. — В кн.: Вопросы иранской и общей филологии. /В честь 70-летия В.И. Абаева/. Толиси. 1977. с.184-191.
- II5. Курдоев К.К. Маргарита Борисовна Руденко (I926-I977). НАА, I977, № 4, с.247.
- II6. Курдоев К.К. 60 лет Великой Октябрьской революции и курдоведение. "Рйа таза", 1977, № 86. /На курд.яз./.
- II7. Кычанов Е.И. Докладная записка помощника командующего Хара-Хото (март I225 г.) - ШШВ 1972. М., 1977, с. I39-I45.
- II8. Кычанов Е.И., Мартинов А.С., Савицкий Л.С. Международини симпозиум памяти Кёреши Чома. — НАА, 1977, № 4, с.185— 189.
- 119. Кычанов Е.И. О принципе средневекового китайского права. "гуань дан" (по материалам танского кодекса "Тан люй шуи"). В кн.: Восьмая научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисн и докл. I. М., 1977, с.92—98.
- I20. Кычанов Е.И. Тангутский гвон. III и IИКНВ, XIII. М., I977. c.35-39.
- I2I. Кычанов Е.И. Тангутский документ о займе под залог из Хара-Хото. - IIIB 1972. М., 1977. с.146-152.
- I22. Кычанов Е.И. и Школяр С.А. /Рец. на кн./: Смолин Г.Я. Антифеодальные восстания в Китае второй половины X первой четверти XII в. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1974. 556с. НАА, 1977. № I. с.221—223.
- I23. Лившиц В.А. и Шифман И.Ш. К толкованию новых арамейских надписей Ашоки. - ВДИ, I977, № 2, с.7-24. Рез. на англ.яз.
- I24. Лившиц В.А. Парфянский теоним Сасан. III и ПИКНВ, XIII. М., 1977, с.93—97.
- 125. Лившиц В.А. Правители Панча. В кн.: Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. (Тезисн Всесорз. науч. конфер. в г. Пенджикенте Тадж. ССР, 26—31 авг. 1977 г.). Душанбе, 1977. с.43—48.
- I26. Лившиц В.А. Правители Пенджикента УІІ начала УІІІ в. Ші и ПИКНВ, XII, /ч.3/. М., 1977, с.109-121.
 - 127. Лившиц В.А. /Чтение надписей на хорезмийских моне-

- тах/. В кн.: Вайноерг.Б.И. Монети древнего Хорезма. М., 1977, с.35, 40-41, 52, 53, 55-58, 60-63, 81, 83-84, 91.
- 128. Лившиц В.А. /Отв. ред. и предисл./: Исхаков М.М. Глагол в согдийском языке (документы с горы Муг). Ташкент, 1977. 239с. Предисл.: с.3.
- 129. Лужецкая Н.Л. Восточные источныки о Читральском конфликте 1895 г. — III и ПИКНВ, XIII. М., 1977, с.98—102.
- 130. Лундин А.Г. Город в древней Южной Аравии. В кн.: Древние города. Материалы к Всесовз. конфер. "Культура Сред. Авии и Казахстана в эпоху раннего средневековья". (Пенджикент, окт. 1977 г.) Л., 1977, с.32—35.
- IЗІ. Бауэр Г.М. в Лундви А.Г. История древнего Йемена. /Гж. І/.- В кн.: Краткая история Йемена. Аден, 1977, с.8—42. /На араб.яв/.
- I32. Лундин А.Г. По поводу взаимоотношения царя, совета и народа в Катабане в IV I вв. до н.э. III и ПИКНВ, XIII. М., 1977, с.39—44.
- I33. Лундын А.Г. Основные этапы древнейшей истории Аравии. IIII в ПИКНВ, XII, /ч.3/. М., 1977, с.25—32.
- I34. Лундин А.Г. Памяти Исаака Натановича Винникова. -- В ки.: Семитские языки. Сб. статей. Вып.3. М., 1976, с.276-277.
- I35. Lundin A.G. Le système d'éponymat de Qataban. "Proceed. of the seminar for Arabian stud.". vol. 7, 1977, p.101-111. Bibliogr.: p.110-111.
- I36. Мартинов A.C. О концепции применения оружия в императорском Китае. III и ПИКНВ, XIII. М., 1977, с.44—48.
- 137. Мартинов А.С. Официальная идеология средневекового Китая, неоконфуцианство и Чжу Си. В кн.: Восьмая научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл. I. М.. 1977. с.125—134.
- 138. Мартынов А.С. Характер официальной оценки литератора (на примере Су Дун-по). В кн.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1977, с.66—74. Библиогр.: с.74.

CM. Tarme M II8.

- ІЗЭ. Медведева Л.Я. Литературное наследие караимского поэта И.И.Эрака. СТ, ІЭ77, № 2, с.42-46.
- 140. Медведева Л.Я. О коллекциях караимских крымчакских рукописей в Ленинграде. В кн.: Материалы Всесоюзного совещания "Принципы научного описания археографических памятников народов Востока". Баку, II—I2 окт. 1977 г. Баку, 1977, с.49—54.

- 141. Медведская И.Н. Могильник Кайтарие новый памятник раннежелезного века Ирана. СА, 1977, № 1, с.169—175. Рез. на франц.яз..
- I42. Медведская И.Н. Новый Кушанский могильник в Бешкентской долине. В кн.: Археологические открытия 1975 года. М., 1976, с.568—569.
- I43. Медведская И.Н. Об "пранской" принадлежности серой керамики раннежелезного века Ирана. ВДИ, 1977, № 2, с.93—IO5. Рез. на англ.яз.
- 144. Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. и Медведская И.Н. Отчет о работах Южно-Таджикистанской археологической экспедиции в 1973 г. В. кн.: Археологические работы в Таджикистане. Вып. 13 (1973) год). Душанбе, 1977, с.65—103.
- И.Н. Медведской написан раздел: Раскопки могильников в Бешкентской долине (с.76-IOO).
- I45. Медведская И.Н. Работы Шаартузского отряда. В кн.: Археологические открытия I976 года. М., I977, c.568.
- 146. Меньшиков Л.Н. /Пер. с англ., частично примеч. и библиогр./: Бодде Д. Мифы древнего Китая. — Дейл Сондерс Э. Японская мифология. — В кн.: Мифологии древнего мира. М., 1977, с.366—431.
- 147. Меньшиков Л.Н. /Пер. с кит. стихотв./: Су Сяо-мэй озадачивает жениха. В кн.: Разоблачение божества. Средневеко-, вые китайские повести. М., 1977, с.210-211, 218-219, 221-223.
- 148. Меньшиков Л.Н. /Пер. с кит., пересказ, примеч./: Тан Сянь-цзу. Пионовая беседка. Фрагменты. - В кн.: Классическая драма Востока. М., 1976, с.449—470, 849—851. (БВЛ. Сер. I, т.17).
- 149. Михайлова А.И. Неизданные работы ленинградских арабистов в Архиве востоковедов ЛО ИВ АН СССР. — IIII и ПИКНВ, XII, /ч.3/. М., 1977, с.160—164.
- I50. Михайлова И.Б. "Русум дар ал-хилафа" Хилала ас-Саби как историко-культурный памятник. III и ПИКНВ, XII, /ч.3/. М., I977,.c.I24—I29.
- I5I. Михайлова Ю.Д. О республиканских идеях в "движении за свободу и народные права" в Японии (1870—80—е гг.) ШП и ПИКНВ. XIII. М.. 1977. с.48—52.
- I52. Мокеев А.М. Эпос "Манас" как источник по этнической истории киргизов. III и ПИКНВ, XIII. М., 1977, с. 102—106.

 Мусаэлян Ж.С. см. № 113.
- 153. Никитина М.И. Луна и солнце как элементы пространственно-временной системы сиджо. - В кн.: Теоретические пробле-

- мы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1977, с.248-261. Библиогр.: с.261.
- I54. Никитина М.И. Представления об "облике" "старшего" в древней корейской поэзии (хянга) и пейзажная поэзия на корейском языке XY-XYIII вв. Ш и ПИКНВ, XIII. М., 1977, с.138—142.
- I55. Носова Н.И. О двух типах глаголов движения в бирманском языке. - III и ПИКНВ, XIII. М., 1977, с.173-175.
- 156. Оранский И.М. Исследование восточных языков и проблемы истории культуры народов Востока. — НАА. 1977. № 4. с.95—107.
- 157. Оранский и.м. Фольклор и язык гиссарских парыя. (Средняя Азия). Введение, тексты, словарь. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1977. 448с.; 2 л. ил. (АН СССР. Ин-т востоковед.). Библиогр. в примеч. Рез на англ.яз.
- 158. <u>Оранский И.М.</u> Этимологические заметки. II. В кн.: Вопросы иранской и общей филологии. /В честь 70-летия В.И. Абаева/. Тоилиси. 1977, с.216-221.
- I59. Павловская Л.К. Из истории текста "Пинхуа по истории Пяти династий". ППВ 1972. М., 1977, с.23I-240.
- 160. Павловская Л.К. Официальные документы в тексте "Заново составленного пинкуа по истории Пяти династий". В кн.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1977, с.98—105. Библиогр.: с.105.
- I6I. Петросян Ю.А. Антимпериалистические идеи в системе взглядов турецких буржуазно-либеральных реформаторов серед. XIX-нач. XX вв. III и IMKHB, XIII. М., 1977, с.52—57.
- I62. Петросян Ю.А. и Юсупов А.Р. Город на двух континентах. Византий. Константинополь. Стамбул. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1977. 288с. с ил. (АН СССР. Ин-т востоковед). Список лит.: с.284-286.
- I63. Petrosian Yu.A. Die Ideen "Der Europäisierung" in dem sozialpolitischen Leben des Osmanischen Reiches in der Neuzeit. (Ende des 18. Anfang des 20. Jh.). B kH.: La Revolution industrielle dans le Sud-Est Europeen XIX s. Sofia, /1977/, p.61-75.

Пигулевская Н.В. см. № 94.

164. Пиотровский М.Б. Предание о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1977. 159с. (АН СССР. Ин-т востоковед.). Список лит.: с.127-140. Указатели: с.141-158.

I65. Пиотровский М.Б. Химйаритский кайль Сумайфа Зул —л-Ка—ла'и и халиф Абу Бакр. — IIII и ПИКНВ, XII, /ч.3/. М., 1977, с.32—39.

Полосин В.В. см. № 167.

- I66. Полосин Вл.В. О подготовке словаря древнеарасской повзии. — III и ПИКНВ, XII. /ч.3/. М., 1977. с.105—109.
- I67. Полосин Вл.В. и Полосин В.В. Об арабской средневековой сатирической эпиграмме. Ш и ПИКНВ, XII, /ч.3/. М., 1977, с.130—135.
- I68. Прозоров С.М. Классификация мусульманских сект по "Ат-табсир фи-д-ин" Абу-л-Музаффара ал-Исфараини (ум. в 471/I078 г.). IIII и ПИКНВ, XII, /ч.3/. М., 1977, с.74-81.
- I69. /Ромодин В.А./ Памяти Ильи Павловича Петрушевского. НАА, I977, № 6, с.240-241. /Подп.: Иранский кабинет ЛО ИВ АН СССР/.
- 170. <u>Руденко М.Б.</u> Автограф ли рукопись курдской поэмы Селима Слемана "Юсуф и Зелиха" (ППБ, шифр курд. 15). ППВ 1972. М., 1977. с.26—27.

Савинкий Л.С. см. № II8.

- I7I. Сазыкин А.Г. Суд Эрлиг-хана и социальные мотивы в многоязычной литературе "народного буддизма". - III и ПИКНВ, XIII. М.. 1977. с. 106-110.
- I72. Свиридов Г.Г. Литературный портрет самурая. /О тексте XIII в. "Повествование, собранное в Удзи"/. "Азия и Африка сегодня". 1977. № 6. с.46—47.
 - 173. Свиридов Г.Г. О механизме художественного воздействия сапува (на примере "Повествования, собранного в Удзи"). III в III/КНВ. XIII. М... 1977. с.142—145.
 - 174. Селиванова Т.П. Об одной форме принудительного труда в Кашмире. III и ПИКНВ, XIII. М., 1977, с.57-61.
 - 175. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1977. 505с. с ил. и факс.; 2 л. ил. (АН СССР. Ин-т востоковед. Ин-т Дальнего Востока). Списки лит. в примеч.: с.292—349. Указатели: с.461—504.

 - 177. Смирнова О.И. Согдийские монеты с именем Фарнбага. IIII и ПИКНВ. XIII. М., 1977, с.110-115.
 - 178. Спирин В.С. Психологическая сторона понятия "прямая вертикаль" (чжи) в "Луньюе". Ш и ПИКНВ, XIII. М., 1977, с.61—64.

- 179. Спирин В.С. Числовые комплексы из "Сицы чжуани". В кн.: Восьмая научная конференция "Общество и государство в Ки-тае". Тезисы и докл. I. М., 1977, с.61—65.
- 180. Стеблин-Каменский И.М. Данные памирских языков о мифологии древних иранцев. — В кн.: Международный симпозиум по этническим проблемам древней истории Центральной Азии. Душанбе, 17— 22 октября 1977 г. Тезисы докл. сов. ученых. М., 1977, с.32—34.

To me Ha ahrm.ss.: Pamiri language data on mythology of the ancient Iranians. - B kH.: International symposium on ethnic problems of the ancient history of Central Asia, Dushanbe, Oct.17-22, 1977. Abstracts of papers presented by Soviet scholars. M.. 1977. p.47-49.

- ISI. Болдырев А.Н. и <u>Стеблин-Каменский И.М.</u> Научная сессия, посвященная вбилев А.Дониша. ИАН ТаджССР, ООН, 1977, № 2 (88). с.II3—II4.
- I82. Стеблин-Каменский И.М. Памяти Иосифа Михайловича Оранского. - НАА. 1977. № 6, с.238-239.
- I83. Стеблин-Каменский И.М. /Хроникальные заметки о Семинаре ленингр. иранистов/. — НАА, I977, № 3, с.I86—I87; № 4, с.I95— I96.
- 184. Стеблин-Каменский И.М. /Пер. с англ./: Дрезден М. Ми-фология древнего Ирана. В кн.: Мифологии древнего мира. М., 1977. с.337—365.
- I85. Басилов В.Н. и <u>Султанов Т.И.</u> Всесоюзная тюркологическая конференция (Алма-Ата, 27-29 сент. I976 г.) - СЭ, I977, № 3, с.I42-I47.
- 186. Султанов Т.И. Опыт анализа традипионных списков 92-х племен "илатия". В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1976, с.165-176.
- 187. Султанов Т.И. Тюркские переводные позднесредневековые исторические сочинения. ПП и ПИКНВ, XIII. М., 1977, с. II5—II7.
- 188. Султанов Т.И. /Рец. на кн./: Шах-Махмуд ион мирза Фазил Чурас. Хроника. Критич. текст, пер., коммент., иссл. и указ. О.Ф.Акимушкина. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1976. 405+122c. (ППВ, 45). НАА, 1977, № 5, с.239-242.
- 189. Темкин Э.Н. Комментарий Патанджали на сутру Панини У, 33. 99. ПП и ПИКНВ, XIII. М., 1977, с.117-121.
- 190. Терентьев-Катанский А.П. К истории тангутской рукописной книги. - ШВ 1972. М., 1977, с.167-173.
 - 191. Троцевич А.Ф. Оппозиция Земля-Небо в корейских мифах

(некоторые наблюдения над текстами преданий об основателях царств). - В кн.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1977, с.239-247. Библиогр.: с.247.

Туманович Н.Н. см. № IO.

- 192. Фадеева И.Е. Мидхат-паша. Жизнь и деятельность. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1977. 168с. (АН СССР. Ин-т восто-ковел.). Список лит.: с.161-167 (141 назв.).
- 193. Фадеева И.Е. /Рец. на кн./: Turcica. Revue d'études turques. Т.8 (pt.1-2). Paris-Strasbourg, 1975. СТ, 1977, № 2, с.90-92.
- 194. Фихман И.Ф. Из истории папирологии в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР. ПП и ПИКНВ, XIII. М., 1977. с.121—124.
- 195. Фихман И.Ф. Новые папирологические серийные публикации.
 ВПИ. 1977. № 2. с.159-164. Библиогр. в примеч.
- 196. Фихман И.Ф. У истоков крупного землевладения в Оксиринже. - ВВ, т.38, 1977, о.12-18.
- 197. Fichman I.F. /Pen. Ha kh./: Wipszycka B. Les ressources et les actvités économiques des églises en Égypte du IV⁶ au VIII siècle. Bruxelles, 1972. 195p. "Byzantinoslavica, t.37, 1976, fasc.1 p.65-69.
- 198. Фишман О.Л. Универсальная семиотическая оппозиция "свой-чужой" и концепция "Хуа-и" (на материале произведений Лу Сун-лина и Юань Мэя). В кн.: Восьмая научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл. II. М., 1977, с.12-20.
- 199. Фишман О.Л. /Пер. с кит., предисл., коммент. и прилож./.
 Юань Мэй. Новые /записи/ Ци Се (Синь Ци Се) или о чем не говорил
 Конфуций (Цзы бу юй). М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1977.
 504с. (ППВ, 55). Предисл.: с.12—106. Списки лит. в подстроч.
 примеч. Указ имен: с.465—495. Рез. на англ.яз. (с.499—504).
- 200. Fischman O.L. "Dschung Kuei" und der satirische Roman der chinesischen Aufklärung. B kH.: Dschung Kuei Bezwinger der Teufel. Weimar, 1977, S.232-238.
- 201. Фишман О.Л. /Отв. ред./: Конрад Н.И. Избранные труды. Синология. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1977. 621с. /Совм. с И.М.Ошаниным/.
- 202. Хайдари Дж. Ахмед Мухтар Джаф повесть "Проблема совести". — ПП и ПИКНВ. XIII. М.. 1977. с.146—149.
 - 203. Халидов А.Б. Документы о "передаче" книг и книжного

- знания (по материалам арабских рукописей ЛО ИВ АН СССР). IIII и ПИКНВ. XII. /4.3/. М... 1977. с.96—105.
- 204. Ханин З.Я. Об идейно-психологическом компоненте дискриминашии японских париев. — III и ПИКНВ. XIII. М., 1977. с.65—67.
- 205. Циперович И.Э. Печатные каталоги периодических изданий на китайском языке. НАА. 1977. № 2. с.197-203.
- 206. Вельгус В.А. и <u>Циперович И.Э.</u> /Пер. с кит., послесл. и коммент./: Разоблачение божества. Средневековые китайские повести. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1977. 519с. Коммент.: с.469-506. Послесл.: с.50V-518.
- 207. Цукерман И.И. Курдские пословицы на хорасанском курманджи. — ШП в ПИКНВ, XIII. М., 1977, с.149—153.
- 208. Цукерман И.И. Множественное число неисчисляемых имен существительных в корасанском курманджи. В кн.: Вопросы иранской и общей филологии. /В честь 70-летия В.И. Абаева/. Тоилиси, 1977. с.318—325.
- 209. Четверухин А.С. Происхождение египетского именного предложения модели "имя+указательное местоимение". Ш и ПИКНВ, XIII. М., 1977. с.175—179.
- 210. Чижикова К.Л. Ономатопея в бенгальском языке. ПП в ПИКНВ. XIII. М., 1977. с.179-184.
- 2II. Чугуевский Л.И. Некоторые данные об отношениях объединений мирян с местной администрацией в Дунхуане. - В кн.: Восьмая научная конферемция "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл.І. М.. с.98-103.
- 212. Шарафутдинова Р.Ш. Глагольное управление в современном арабском литературном языке. В кн.: Семитские языки. Сб. статей. Вып. 3. М., 1976, с.179-183.
- 213. Шарафутдинова Р.Ш. Письмо наиба Ташев-Хаджи к Шамилю. ШВ 1972. М.. 1977. с.86-89.
- 214. Шифман И.Ш. К истории пунийской исторической традиции в свете античного литературного предания. III и ПИКНВ, XIII. М., 1977, с.67-69.
- 215. Шифман И.Ш. О некоторых установлениях раннего ислама (запрет пить вино). IIII и ПИКНВ, XII, /ч.3/. М., 1977, с.39—42.
- 216. Шифман И.Ш. Рабство в Сирии и Палестине. В кн.: Рабство в восточных провинциях Римской империи. М., 1977, с. 108—128.
- 217. Шифман И.Ш. Развитие городской организации в древнем Переднеазиатском Средиземноморье. В кн.: Древние города.

- Матер. к Всесовз. конфер. "Культура Сред. Азив в Казахстана в эпоху раннего средневековья". (Пенджикент, окт. 1977 г.). Л., 1977. с.31—32.
- 218. Шифман И.Ш. Сирийское общество эпохи принципата. (I-III вв. н.э.). М., "Наука", Гл. ред. вост. лит., 1977. 310с. (АН СССР. Ин-т востоковед.).
- 219. Шифман И.Ш. Эпиграфические заметки II. В кн.: Семитские языки. Сб. статей. Вып. З. М., 1976, с.192—198.
- 220. Schiffmann I.Sch. Studien zur Interpretation der neuen phönizischen Inschriften aus Byblos (Byblos 13). "Rivista di Studi Fenici". Rome, vol. 4, 1976, H 2, p.171-177.

Cm. Tarme № 123.

Школяр С.А. см. № 122.

- 22І. Шрон Г.С. Материалы к библиографии работ сотрудников ло ИВ АН СССР за 1976 г. ШІ и ПИКНВ, ХІІІ. М., 1977, с.188—207.
- 222. Шумовский Т.А. Воспоминания арабиста. Л., "Наука", Гл. ред вост. лит., 1977. 172с.; 2 л. портр. (АН СССР. Сер. "Научные биогр. и мемуары ученых"). Список лит.: с.170.
- 223. Decamen K.H. /Peq. Ha KH./: Darrouzès I. Deux lettres inédites de Photius aux Arméniens. REB, XXIX, 1971, p.137-181. EB, T.38. I977, c.246-248.
- 224. Юсупова З.А. Энклитические местоимения в структуре предложения. (На материале курдского языка). III и ПИКНВ, XIII. М., 1977, с.184—187.
- 225. Якобсон В.А. /Отв. ред и предисл. "От редактора"/.: Мифологии древнего мира. Пер. с англ. М., "Наука", Гл. ред. вост. лит.. 1977. 455с. Предисл. "От редактора": с.3—4.
- 226. Якобсон В.А. /Пер. с англ. и частично библиогр./: Крамер С.Н. Мифология Шумера и Аккада. Гордон С. Ханаанейская мифология. Джеймсон М.Г. Мифология древней Греции. Леон-Портилья М. Мифология древней Мексики. В кн.: Мифологии древнего мира. М., 1977, с.122—160. 199—282, 432—454.

Список сокращений

EBJI	- "Библиотека всемирной литературы". /Серия/.
ECƏ BB BIUN BR NAH CCCP. CIIR	- "Большая советская энциклопедия" "Византийский временник" "Вестник древней истории" "Вопросы языкознания" "Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка".
илн таджсср, оон	- "Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук".
HAA IIIB IIIB 1972	 "Народы Азии и Африки". "Письменные памятники Востока". /Серия/. "Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1972". М., 1977.
III. n IMKHB,XII, /प.3/.	- "Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. (Краткие сообщения). /Ч.З. Сессия арабистов/. М., 1977.
IIII z IIMKHB,XIII.	- "Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. (Краткие сообщения). Октябрь 1977 г. М., 1977.
CA	- "Советская археология".
CT	- "Советская тюркология".
C3	- "Советская этнография".
AOF	- "Altorientalische Forschungen". Berlin.
▲ OH	- "Acta Orientalia Academiae scientiarum hungaricae". Budapest.
IIJ	- "Indo-Iranian journal".

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Айтоеров Т. Сведения по экономической истории Да-	
гестана ХУ в. в "Перечне повинностей, которые получали	
шамхал и Крым-шамхал"	3
Актмушкин О.Ф. Заметки к биографии Камал ад-Дина	
Бехзада	9
Баевский С.И. Рукопись "Словаря Панджоахши" ("Пя-	
тичастного словаря")	15
Богословский Е.С. Должностное владение в древнем	•
Египте и дата реорганизации служон парского некрополя .	21
Васильев Д.Д. Тюркская руника на металлических	•
зеркалах из Минусинской коллекции	27
Куликова А.М. План коллежского советника Янковича	
де Мириево о заведении училища восточных языков	33
Курдоев К.К. Сборник курдских вариантов эпоса	
"Ростаме Зал"	38
Огнева Е.Д. Структура тибетского научного текста	
(1409 г.) (метод цитирования)	43
Павловская Л.К. О двух названиях народного пове-	
ствования о путешествии танского монаха Трипитаки в	
Индию за сутрами	47
Ромодин В.А. Еще об авторе "Сирадж ат-таварих" и	
об издании этого сочинения	53
Савицкий Л.С. Ксилограф и рукопись Тибетского	
фонда ЛО Института востоковедения АН СССР с текстами	
лирических стихотворений Цаньян Джамцо (1683-1706)	57
Смирнова О.И. Из истории обращения медных (брон-	
зовых) монет в Согде переходного периода	6 I
Чунакова О.М. К датировке "Книги деяний Ардашира,	
сына Папака"	68
история и идеология	
Абусентова М.Х. Некоторые вопросы политической	
истории казахских ханств во второй полов. ХУІ в	72

Амусин И.Д. Новые данные о семейных отношениях в	
кумранской общине	6
Воробьев М.В. К типологии японского общества III-	
УП веков	0
Дулина Н.А. К вопросу о периодизации реформ тан-	
3KMATA	6
Кляшторный С.Г. Древнетюркская мифология. К по-	
становке проблемы	Ι
Колесников А.А. Из истории создания "народных домов"	
в Турции	6
Кроль Ю.Л. О культурных представлениях, предписывав-	
ших соблюдение законов китайскому монарху 100	0
Кычанов Е.И. Социальная группа отроков в Тангутском	
государстве	6
Лившиц В.А. Нововавилонское hat(a)ru	Ι
Лужецкая Н.Л. Государственное устройство читрала в	
конце XIX в	7
Лундин А.Г. Элемент 🗽 в южноараоских именах: имя	
бога или термин родства?	3
Мартынов А.С. Международные отношения как тема	
китайской изящной словесности	9
Петросян Ю.А. Идеологи реформаторских движений в	
странах Ближнего Востока об образовании и экономическом	
прогрессе (вторая половина XIX - начало XX вв.) 134	4
Рыбаков В.М. О принципе зачета рангом наказаний	
за уголовные преступления (по материалам Танского коде-	
кса Тан люй шу и)	0
Селиванова Т. И. Паришад в средневековом Кашмире	
по данным "Раджатарангини" Калханы	5
Спирин В.С. Геометрический образ "правильного по-	
ведения (ли 📆)" в "Сюнь-цзн"	0
Стулова Э.С. Конфуцианские представления о долге	
чиновника и воле неба во взаимоотношениях императора и	
подданных	7
•	
JIMTEPATYPOBELLEHME	
Болдырева М.А. Элементы парадоксального в поэзии	
Тауфика Исмаила	5
Ворожейкина З.Н. Стиховые формы придворного пане-	
гирика в персоязичной поэзии предмонгольского времени. 169	9

жданова Л.В. Цикл Чхве Чхивона "Семислов ные стихи,
в которых описывается "дэ" (в связи с представлениями о
типах личности, обладающей силой "дэ") 175
Кабанов А.М. Первые гатхи о сатори в дзэнской поэ-
ии в Японии
Кравцова М.Е. О некоторых особенностях рифин в ки-
тайской поэзии
Невелева С.Л. Некоторые особенности древнеиндий-
ской эпической поэтики
Никитина М.И. Хянга "Старик преподносит цветы"
(УІІІ в.) в связи с представлениями об "облике" "стар-
шего" и "младшего"
Сазыкин А.Г. Генезис и бытование прозопоэтической
версии "Повести о Чойджид-дагини"
Свиридов Г.Г. Ирония в сэцува: частный прием или
стилеобразующая концепция?
Туманович Н.Н. Забытая персидская обрамленная
повесть
Фишман О.Л. "Владычица озера Сиху" Пу Сун-лина и
структура классической волшебной сказки
Хайдари Дж. Романтизм в произведениях Шакира
Фаттаха
SUHAHEONIAER
Гохман В.И. О месте языка надписи Рамакамхенга в
генетической классификации тайских языков
Гуревич И.С. Некоторые особенности имен в китай-
ском языке III-У вв
Еланская А.И. Управление глаголов с отрицатель-
ным значением в коптском языке
Зограф И.Т. Счетные слова к глаголу в среднеки-
тайском языке
Канева И.Т. Варианти определительной конструкции
в шумерском (к типологии синтаксиса архаических языков). 248
Кепинг К.Б. Морфологическая и синтаксическая эрга-
тивность в тангутском языке
Смирнова Л.П. "Галаба" по тексту "Аджа ⁹ по ад-
Дунйа"

Четверухин А.С. О главных членах староегипетского	
именного предложения	259
Чижикова К.Л. Дополнения к библиографии по бен-	
гальскому языкознанию	265
Юсупова З.А. Синтаксические функции курдских эн-	
клитических местоимений	269
РИФАЧТОИНДИН	
Шрон Г.С. Материалы к библиограўми работ сотрудни-	
ков ЛО ИВ АН СССР за 1977 год	274

Подписано к печати 13/111-1979 г. А-02751 Объем 2-х частей 18,5 п. л. Уч.-изд. л. 15,77 Тир. 250 экз. Зак. 56. Цена 2 р. 40 к.

Офсетное производство 3-й типографии издательства "Наука" Москва K-45, ул. Жданова, 12/1

